Артем Драбкин
Я дрался в СС и Вермахте

Война и мы

Артем Драбкин

Я дрался в СС и Вермахте

Ветераны Восточного фронта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга ведущего военного историка. Откровенные беседы с ветеранами Вермахта и войск СС, сражавшимися на Восточном фронте. «Окопная правда» немецких солдат и офицеров, выживших в самых кровавых побоищах Второй Мировой, чтобы рассказать, каково это — воевать против России.

- Артем Драбкин
  - Предисловие
  - Эверт Готтфрид
  - Загер Михаэль
  - Эрт Зигфрид
  - ЛИБИШ Гюнтер (Liebisch, Gunther)
  - Куне Гюнтер
  - Шилингер Руперт
  - Морелль Вольфганг
  - Диршка Клаус-Александр
  - Динер Манфред
  - Генат Альфред
  - Виттман Фриц
  - Бурхард Эрих
  - Эрнст Вальфрид
- notes
  - 1

Артем Драбкин
Я дрался в СС и Вермахте

Предисловие

Желание опросить немецких ветеранов созрело у меня достаточно давно. Любопытно было взглянуть на события того времени со стороны противника, узнать реалии жизни немецких солдат, их отношение к войне, к России, к морозу и грязи, к победам и поражениям. Во многом этот интерес питался опытом интервью с нашими ветеранами, в которых открывалась иная история, чем та, выхолощенная, изложенная на бумаге. Однако я совершенно не представлял, как к этому подступить, особенно учитывая свое незнание немецкого языка. Несколько лет я искал партнеров в Германии. Периодически появлялись русскоговорящие немцы, которым вроде бы эта тема была интересна, но проходило время, и оказывалось, что дальше деклараций дело не шло. И вот в 2012 году я решил, что пора приниматься за дело самому, поскольку времени ждать уже нет. Начиная этот проект, я понимал, что реализовать его будет непросто, и первой, самой очевидной, проблемой был поиск информантов. В Интернете был найден список ветеранских организаций, составленный еще, наверное, в 70-х годах. Я попросил живущую в Голландии, но хорошо говорящую по-немецки Ольгу Милосердову начать обзвон. Во-первых, выяснилось, что все эти организации — это один человек, координатор, у которого иногда можно было узнать о его однополчанах, но в основном ответ был простой: «Все умерли». Почти за год работы были обзвонены около 300 телефонов таких ветеранов-координаторов, из которых 96 % оказались неправильными, 3 % умерло и по полпроцента составляли те, кто либо отказался от интервью по разным причинам, либо согласился. По итогам этой части работы можно сказать, что неформальные ветеранские объединения в Германии (имеется в виду ее Западная часть, поскольку в Восточной они вообще были запрещены) практически перестали существовать с 2010 года. Связано это прежде всего с тем, что они создавались как частная инициатива. Через ветеранские организации не осуществлялось никакой материальной или иной помощи, и членство в них не давало никаких преимуществ в отличие от подобных объединений в бывшем СССР и России. Кроме того, практически не существовало объединений ветеранских организаций, за исключением ветеранской организации горнострелковых частей и организации кавалеров Рыцарского Креста и Объединения репатриантов, пленных и пропавших во время войны. Соответственно, с уходом основной массы ветеранов и немощью

оставшихся связи разорвались, организации закрылись. Отсутствие таких объединений, как городской или региональный совет, приводило к тому, что, опросив информанта в Мюнхене, на следующее интервью можно было уехать за 400 километров, в Дрезден, чтобы потом вернуться обратно в Мюнхен, потому что информант в Дрездене дал телефон своего мюнхенского знакомого. Таким образом, за те несколько недель, что я провел в Германии, я намотал на машине более 10 000 километров. Стоимость одного интервью получилась очень большой, и если бы не поддержка компании Wargaiming, авторов игры «World of Tanks», и издательства «Яуза», то проект так и не был бы реализован. Огромную помощь в поиске ветеранов оказал Петер Стегер (Peter Steger). Сын солдата, прошедшего русский плен, он не только возглавляет общество городов-побратимов Эрлангена и Владимира, но и собрал воспоминания бывших военнопленных, сидевших в лагерях Владимира (http://erlangenwladimir.wordpress.com/category/veteranen/). Еще один человек, который помог мне в работе, — историк Мартин Регель, занимающийся историей Ваффен СС. Он передал две записи интервью с ветеранами. В дальнейшем, увидев реакцию интернет-сообщества на выкладываемые мной интервью, он отказался от сотрудничества. В книгу также включено интервью Владимира Кузнецова. Его опыт жизни в Германии, знание реалий и языка позволили ему получить интервью, намного более информативные, чем мои. Надеюсь, наше сотрудничество продолжится и в будущем и новые интервью, как и те, что вошли в книгу, будут выкладываться на сайте «Я помню» www.iremember.ru в разделе «Противники».

Отдельно хочу сказать спасибо Анне Якуповой, которая взяла на себя заботы по организации многочисленных перелетов, переездов, гостиниц. Без ее помощи работа была бы сильно осложнена.

Что касается проведения самого интервью, то, разумеется, оно было осложнено тем, что шло через переводчика, который передавал лишь общее направление разговора (в противном случае оно заняло бы в два раза большее время), и мне было непросто реагировать вопросами на рассказ и что-то уточнять. Однако переводчики великолепно справились со своей работой. Большая часть интервью была последовательно переведена Анастасией Пупыниной, которая на основе проведенных интервью будет писать магистерскую диссертацию в университете Констанца. Помимо работы переводчика, она занималась организацией интервью с ветеранами и в рамках проекта продолжает поддерживать контакты с некоторыми из них и после

встречи. Помимо нее, мне повезло работать с Ольгой Рихтер, великолепно справившейся с задачей, а также переводчиками аудиозаписей Валентином Селезневым и Олегом Мироновым. В итоге этой совместной работы получились тексты, которые и по стилистике, и по информативности, и по эмоциональной нагрузке сильно отличаются от интервью с нашими ветеранами. Неожиданным оказался и тот факт, что в Германии, в отличие от стран бывшего СССР, практически нет того отличия между письменной и устной речью, которое выражается в строчке: «Одни слова для кухонь, другие — для улиц». В интервью также практически отсутствовали боевые эпизоды. В Германии не принято интересоваться историей Вермахта и СС в отрыве от совершенных ими преступлений, концлагерей или плена. Практически все, что мы знаем о немецкой армии, мы знаем благодаря популяризаторской деятельности англосаксов. Не случайно Гитлер считал их близким «расе и традиции» народом. Читая эти рассказы, рекомендую воздержаться от каких-либо оценок слов респондентов. Война, развязанная преступным руководством, отняла у этих людей лучшее время жизни — молодость. Более того, по ее итогам выяснилось, что они воевали не за тех, а их идеалы были ложными. Оставшуюся, большую часть жизни приходилось оправдываться перед собой, победителями и собственным государством за свое участие в этой войне. Все это, разумеется, выразилось в создании собственной версии событий и своей роли в них, которую разумный читатель примет во внимание, но не будет судить. Субъективность суждений свойственна всем людям. Разумеется, что субъективность воспоминаний наших ветеранов нам близка и понятна, а бывшего противника — вызывает определенные негативные эмоции: слишком много страданий принесла та война и слишком много в нашем современном обществе связано с ней. Тем не менее мне бы хотелось, чтобы, открывая эту книгу, читатель рассматривал людей, согласившихся рассказать о своей жизни, не как потенциальных виновников в гибели его родных и близких, а как носителей уникального исторического опыта, без познания которого мы потеряем частичку знаний о Победителях.

Эверт Готтфрид (Ewert, Gottfried)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Я родился в 1921 году, так что, когда началась война, мне было 18 лет. Меня должны были призвать осенью 40-го года, но призвали меня досрочно, и уже в декабре 1939 года я поступил во второй пехотный полк одиннадцатой пехотной дивизии в Алленштайне, в Восточной Пруссии. С этим полком в звании ефрейтора я участвовал во французской кампании. Честно говоря, участвовать в боях во Франции мне не пришлось. Наша дивизия была в резерве и шла сзади. Но мы невероятно много шли пешком за наступающими частями. При запечатывании котла под Дюнкерком за 48 часов наш полк прошел 150 километров! Это сумасшествие! Французская кампания была выиграна моторизированными частями, а не пехотой. После войны во Франции всю дивизию перебросили обратно в Восточную Пруссию, на мою родину.

Уже в январе месяце 1941 года я поступил в военную школу в Потсдаме, в которой учился пять месяцев, и в мае я вернулся в свой полк в звании лейтенанта. В полку я принял пехотный взвод. Я всю войну прошел со своим полком. Семь раз был ранен, но всегда возвращался обратно. И покинул его только осенью 1944

года, когда в Курляндии был тяжело ранен — разрывом мины мне почти оторвало стопу. На этом моя война закончилась.

— Перед тем как началась война с Советским Союзом, у вас было чувство, что скоро начнется?

— Нет… совсем нет. Я весной 41-го в университет поступать собирался. Много учился и очень был удивлен, когда началась война. Ночными маршами мы вышли к границе с СССР. Минимум неделю шли ночами и вышли к литовской границе где-то 20 июня, совсем незадолго, за пару дней до начала войны. Мы совсем не знали, что нам предстоит. Во время этого марша ходили тысячи слухов. По одной из версий Советский Союз должен нам был дать проход через Кавказ в Персию и оттуда в Африку. То, что мы нападем на Россию, никому и в голову не приходило.

Вечером, за несколько часов до начала войны, нам зачитали обращение Гитлера. Было сказано, что завтра в три утра мы наступаем, были выданы боеприпасы, и дело началось. Все было очень быстро. Возможности о чем-то подумать не было. Помню, вечером ко мне подошел старый фельдфебель и как-то очень неуверенно и удивленно спросил: «Скажите, господин лейтенант, может, вы мне можете объяснить, почему мы нападаем на Россию?» Что я мог объяснить?! Такой приказ! Мы были очень удивлены. То, что наверху, руководство, знало, это понятно. Но для нас, внизу, это был полный сюрприз. Полный! Но как солдат ты получаешь приказ и маршируешь выполнять — дело понятное.

Мы начали наступление из Кромбахского леса, находившегося на бывшей прусско-литовской границе.

Наша рота была на велосипедах, поскольку по опыту французской кампании в каждом пехотном полку одна рота была посажена на велосипеды. В первые дни войны я безумно много ездил, но в итоге было решено от них отказаться, поскольку дорог для них не было. В России нельзя вести войну на велосипедах.

Первый бой был с русскими пограничниками. Пограничная застава заняла оборону в оборудованных окопах. Первые потери, первые пленные. Несмотря на сопротивление, в этот день мы прошли 30 километров по Литве. Через несколько дней мы вышли на реку Юра у города Паюрис. К этому времени полк уже потерял пять офицеров.

На Юре пришлось штурмовать бетонный бункер укрепрайона. ДОТы еще не были готовы, не закамуфлированы, но уже были заняты войсками. Переправа через реку и штурм были непростыми, и у нас были очень чувствительные потери. Русские солдаты, как и ожидалось, сражались очень храбро и были очень устойчивые в обороне. С ними было тяжело. Но мы с самого

начала, с первых тяжелых боев, привыкли их побеждать.

На третий день начались интенсивные контратаки русских танковых частей. Как я потом узнал, это был 12-й мехкорпус. На реке Дубисса нас атаковали КВ-2, Klim Woroschilow (здесь и далее латиницей выделены слова, произнесенные по-русски. — *А. Драбкин)* номер два. У него вот такая пушка 15 сантиметров! Огромный танк! Абсолютно, абсолютно непобедимый! Пехота могла от него только убежать. С ним ничего нельзя было сделать! С ним могла справиться только зенитка калибра 8,8 сантиметров. Этот танк появился на мосту через Дубицу. Переехал мост, раздавил наши противотанковые пушки, раз-два и готово. К счастью, потом он застрял. Они были слишком тяжелые и неманевренные.

Были напряженные бои с русскими танками Т-26, но нашими противотанковыми средствами мы их отбивали. Этот 12-й механизированный корпус впоследствии был разбит нашими танковыми частями. Когда мы маршировали на Ригу, неожиданно из леса выехали три русские машины и пристроились в нашу колонну. Их окружили, и тех, кто в них был, взяли в плен. Одним из пленных оказался генерал, командир этого самого 12-го механизированного корпуса. Он не знал, что мы так далеко продвинулись.

«Описывает начальник 15-й роты 3-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии обер-лейтенант Ритген (Ritgen): «Это случилось, в 10.30 в лесу около Кекавы (Кекаи), примерно в 20 км от Риги, когда произошла краткая остановка. Подразделения и части, несколько растянувшиеся из-за быстрого темпа, сомкнулись и построились для атаки и броска на Ригу… Пока они стояли, произошел инцидент, характерный для тогдашней обстановки. Из леса послышался шум моторов, и прежде, чем мы поняли, что происходит, из лесной просеки выкатились на наше шоссе три закрытые легковые машины. Команда, отзыв, оружие взято на изготовку, возбуждение там и тут, и загадка уже разрешена. Русский корпусной штаб, ничего не подозревая, попался нашей маршевой колонне и мгновенно был окружен нашими солдатами. Сопротивление и бегство были невозможны. Так дешево в дальнейшем мы никогда не брали в плен русских генералов — им пришлось с их автомашинами включиться в нашу маршевую колонну и под охраной участвовать в броске на Ригу». Кто тогда попал здесь в плен, не догадывался никто. Сегодня это довольно ясно — генерал-майор Шестопалов, командующий 12-м механизированным корпусом с его ближайшим штабом». (Комментарий с форума ВИФ2.)

Надо сказать, что на севере русские силы окружить не

удалось. Русские отступали в порядке и по приказу. Они взорвали все мосты.

Когда брали Ригу, я был в передовом отряде, составленном из моторизированной части и нашей роты. Нашей целью были мосты под Ригой. Тяжелейшие бои. Мост, который мы должны были захватить, взлетел на воздух прямо передо мной. Я не добежал до него 15 метров. В тот день у нас в роте погибло более 30 человек.

При взятии Риги моя рота потеряла всех офицеров. Командир роты погиб, двое взводных были ранены. Меня назначили командиром роты, но через несколько дней и меня ранило. Так что я недолго командовал ротой, да и слишком молод я был для этого. Как меня ранило? В городе Вользаков выглянул за угол дома и неожиданно увидел, что на ограде какого-то садика сидит русский солдат. Увидев меня, он вскочил, бросил ручную гранату. Она взорвалась рядом со мной. У меня весь бок был в осколках. Первую помощь оказал врач полка, а потом меня отправили в литовскую больницу в Шяуляе. Там мне сделали несколько операций, осколки вытащили. Из Шяуляя меня самолетом перевезли в Кенигсберг, а уже в августе я снова в полку.

Когда вернулся из госпиталя, был на разных должностях, адъютантом батальона, взводным в разных ротах. У нас были такие потери, что в мае 1942 года полк стал двухбатальонного состава.

— Основные потери у вас были от стрелкового оружия или от артиллерии?

— От стрелкового. От артиллерии в первое время меньше, но потом основные потери были от артиллерии.

— Как вы можете оценить, кто был у немцев эффективнее — пехота или артиллерия, от кого русские больше страдали?

— Русские страдали от нашей артиллерии. У нас были отличные корректировщики и высокая концентрация огня. Так что, когда пехота шла в наступление, сопротивление уже было сломлено.

Когда мы вошли в Россию — вот там начались настоящие бои. Под Сольцами наша дивизия попала под контрудар. Я в это время лежал в госпитале, но слышал потом рассказы, как был атакован штаб нашей дивизии. Слава богу, командира дивизии там не было, он был впереди. Потери были очень большие. Например, в соседней дивизии, которая шла за нами, во время обеда солдаты собрались у полевой кухни. В этот момент их атаковали. Результат — 46 трупов в роте. Сначала мы были неосторожными, но быстро выучились. По результатам этих боев было большое разбирательство.

— Как вас встречало местное население в Прибалтике?

— Местное население нам было очень, очень радо. Когда мы переходили литовско-латвийскую границу, нас встречали пирожками и холодным молоком из ручья. Я съел горячий pirog и запил его холодным молоком, в результате сильно испортил себе желудок.

— От немецких солдат часто можно услышать, что русские солдаты были очень жестокими. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Уже на третий день войны солдаты из соседнего полка попали в плен. Русские им выкололи глаза и всех убили. Один фельдфебель притворился мертвым и потом рассказал. Это стало широко известно, и с самого начала был страх, что в плену будут плохо обращаться, издеваться. Такой настрой был почти до самого конца войны. Мы больше боялись попасть в плен, чем умереть. Только в конце войны стало совсем наоборот.

— Вы видели, чтобы русские солдаты сдавались в плен организованно, подразделениями?

— Я сам этого не видел. Мы брали довольно много пленных, кроме того, очень много было перебежчиков. Мы всегда знали планы русской стороны, потому что перебежчики нам всегда рассказывали. Так продолжалось до конца войны. Конечно, когда у русских начались успехи, перебежчиков стало меньше, но все равно были. Потому что им было страшно, они знали, что при наступлении они встретят сильное сопротивление. Они боялись за свою жизнь, и это понятно.

— В вашей роте или батальоне кто-нибудь перебежал к русским?

— Да. В моей роте зимой 1941/42 года один перебежал на сторону русских. Он был старый коммунист, но мы этого не знали. Это был политически убежденный человек, абсолютный противник режима. Однажды он исчез, а потом у нас появились листовки с его обращением. Так мы узнали его судьбу. Но это было очень, очень редко. У одного вообще перебежать не получилось, русские его обратно послали, не взяли, испугались, что он опять обратно перебежит, он не смог им доказать, что он их друг.

В августе мы взяли Новгород и должны были наступать дальше на восток, но это наступление отменили, и мы пошли вдоль реки Волхов и большой дороги на север, в направлении Чудово. В сентябре мы были к северу от Чудово, недалеко от Кириши. В этом gorod был большой нефтеперерабатывающий завод.

«В 1920-х годах было открыто железнодорожное движение по линии Ленинград — Мга — Сонково, построен мост через р. Волхов

и возникла железнодорожная станция Кириши. Вокруг станции началось строительство рабочего поселка, который тоже назвали Кириши. В нем был построен комбинат стандартного домостроения и началось строительство крупного лесохимкомбината и спичечной фабрики (было прервано войной).

В 1961 году в Киришах началось строительство нефтеперерабатывающего завода. В 1963 году Киришская стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой». (Комментарий с форума ВИФ2.)

Так получилось, что в этом месте мы застряли до начала 1943 года. Топтались туда-сюда, на одном месте.

— Почему, с вашей точки зрения, советская сторона смогла остановить ваше наступление?

— Да, у них это получилось просто потому, что у нас кончились силы. С севера, например, всю первую танковую группу перевели в центр. И у нас не осталось никаких моторизированных и танковых частей, только пехотные дивизии. Тем не менее мы могли бы дальше наступать, но началась зима, к которой мы были полностью не готовы. Перед началом зимы мы еще наступали в направлении Волховстроя, в котором была большая электростанция. А зимой мы там застряли, потому что замерзли, у нас не было вообще никакой зимней одежды.

— Какой процент новых солдат был к осени?

— Тяжело сказать. В пехотной роте было 180 человек, из них 40 в обозе, примерно 150 человек в трех взводах воевали. Но такое количество было только в начале. Потом в ротах было по 60–80 человек. После 22 июня полностью укомплектованными мы больше никогда не были. К осени потери составили две трети от общей численности. Во взводе было 48 человек, к осени из тех, с кем я начинал кампанию, осталось 10 с учетом того, что многие, как и я, возвращались из госпиталей в свою часть. Остальные новые. В каждой дивизии был резервный батальон, из которого солдат и унтер-офицеров распределяли по ротам в зависимости от потерь. Надо сказать, что первый полный резервный батальон дивизия получила только в ноябре 1941 года. До того приходили отдельные бойцы, как я, например, прилетел из госпиталя. К этому времени роты были уже очень слабые.

— В конце осени, до наступления зимы, какое в пехоте было настроение?

— Мы уже многих потеряли, но, когда есть успехи, настроение хорошее. В октябре наступил период распутицы. Дивизия встала между Чудовом и Волховстроем.

Двигаться вперед мы не могли. Потом мы продолжили наступление в направлении на Тихвин. Мы наступали, каждый

день брали деревню или две, снова и снова наступали, с большим трудом, с большими потерями, но все-таки продвигались.

Тут пришла зима с этими ужасными морозами, и боевой дух упал, хотя силы наступать еще были. Представьте: 40 градусов мороза, а вместо зимней одежды у вас только шенелишка без подкладки, тонкие штаны и сапоги. Никаких fufaek с ватой! У нас даже зимних шапок не было! Были пилотки, которые мы заворачивали на уши, но это не спасало. Было пиздец как холодно! Ты мерзнешь, думаешь не о войне, а о том, как выжить, как согреться, больше ни о чем. В таких условиях наступление быстро заканчивается. Русские перешли в контрнаступление, и наши части, которые были в Тихвине, должны были отступить до железнодорожной линии Москва — Ленинград. На линии железной дороги у нас была оборонительная позиция.

Во вторую зиму мы получили зимние сапоги на меху, настоящую зимнюю одежду. Но, надо сказать, вторая зима была не такая холодная, как первая.

— Как вы спасались от холода в первую зиму? Были какие-то хитрости?

— Ха-ха. Против холода не существует хитростей… Ноги замерзали очень быстро. Если у вас кожаные сапоги и вы ходите по колено в снегу, то снег тает на коже, вода проникает сквозь поры, и у вас мокрые ноги. На морозе сапоги промерзают. Если у вас промерзли ноги при минус 30, то на следующее утро у вас нет ног. Потери от обморожений были гораздо выше, чем боевые потери. Поэтому засовывали в сапоги бумагу. У павших русских солдат снимали валенки. Я лично этого не делал, но могу представить, что кто-то менял свои сапоги на валенки у военнопленных.

Это было во время наступления на Волховстрой. Я был тогда адъютантом батальона. Мы пришли в населенный пункт Глашево переночевать. Развели костер. Я снял свои абсолютно мокрые сапоги и положил их к огню, чтобы высушить. На следующее утро я обнаружил, что они ссохлись и стали совсем маленькие. Я не мог их надеть и, чтобы натянуть, стал бить ногой по стене, пока не вбил ее в сапог. Так же я поступил и со вторым сапогом. Сделал один шаг, раздался треск, и от обеих подошв отлетели куски кожи. Я остался в одних носках. Я не знал, что делать, но тут, к счастью, пришел наш снабженец, фельдфебель, я у него спросил, нет ли у него случайно сапог. Он выяснил мой размер ноги и дал мне абсолютно новые сапоги, даже еще ни разу не чищенные. Я был счастлив! Выкинул мои старые сапоги, надел новые, а через восемь дней уже лежал в госпитале в новых сапогах с новым ранением. Против холода нет защиты, если нет

нормальной одежды. У нас даже одеял не было. Спать в лесу при минус 30, когда нет одеяла, только тонкое пальто, — это смертельно опасно.

— Русские солдаты получали водку, чтобы согреться, ежедневно. У вас было что-то подобное?

— Водка? Алкоголь? Да иногда из Риги привозили коньяк, но не от мороза. Алкоголь на морозе не согревает, а убивает. Это только в первый момент кажется, что тепло.

— *Горячая еда была все время?*

— Да. Наша полевая кулинария училась у русских. В 1905 году, на русско-японской войне, на русской стороне были немецкие наблюдатели. Там они увидели первые полевые кухни. Они установили, что за счет того, что еда готовилась во время марша, а не после него, скорость марша увеличивалась в два раза. Полевые кухни были сразу же скопированы немецкой армией, и в 1914 году наша действующая армия была ими вооружена. Кухни работали отлично! С ними рота могла делать дневной переход в тридцать километров.

— *Осенью как вам объясняли, что блицкриг не сработал?*

— Ха-ха, объяснять нам ничего не объясняли. Мы должны были продолжать воевать, хотим мы или не хотим. Мы, конечно, заметили, ха-ха, что блицкриг не сработал, но война шла дальше, надо было воевать.

— *Отношение местного населения в России отличалось от того, что было в Прибалтике?*

— Я бы сказал, что во время наступления мы с местным населением особенно не общались. Но в обороне, например у Чудово на линии Чудово — Ленинград, где мы долго стояли, там было много гражданского населения. Это гражданское население работало у нас в обозах. За еду они нам стирали одежду и помогали по хозяйству. Были очень хорошие, разумные отношения.

— *Как было с парикмахерами, вы носили усы или бороды?*

— Нет. У нас обычно были короткие волосы, но не такие короткие, как в Красной Армии, а нормальные короткие волосы, плохо постриженные, потому что возможности не было. Побриты мы были тоже плохо.

Мы, конечно, пытались быть чистыми, насколько возможно, но в грязном окопе нельзя быть чистым. В наступлении и в отступлении это вообще невозможно. Особенно плохо в отступлении — в наступлении хотя бы паузы бывают. Мы очень быстро у русских выучились, как построить сауну или banja. В 41-м я уже построил первую banja. Старались минимум раз в неделю, или когда возможность была, помыться. Днем часто ничего не

происходило, было тихо, и мы отходили назад, парились, потели, надевали чистое белье, пытались избавиться от вшей. Когда я был адъютантом батальона, штаб которого располагался в относительном тылу, все было гораздо проще. Там у нас были разумные удобства, можно было ежедневно мыться и бриться. А когда сидишь в дыре, это невозможно. Но мы пытались мыться и оставаться чистыми. Если не мыться, то солдат быстро выходит из строя. И у меня был один солдат, который таким способом пытался себя сделать непригодным к службе. Не мылся, пытался получить чесотку и попасть в госпиталь. Мои унтер-офицеры каждое утро его заставляли мыться.

— *В вашем батальоне были ХИВИ?*

— Да. Два-три человека на роту. Помогали воду принести, топили печки, за лошадями ухаживали, в обозе работали. Потери были большие, людей не хватало, вот они заменяли немцев на подсобных работах. Оружия у них не было, в боях они не участвовали. Я знаю, что многие из них строили дороги. Гати мостили через болота. Это были очень хорошие люди, которые всегда шли рядом с нами даже в отступлении. Мы знали друг друга, вместе жили, и отношения были очень хорошими. Никаких проблем.

— *Какое оружие было у вас во взводе?*

— В батальоне были три стрелковые роты и рота тяжелого оружия. В тяжелой роте были два взвода тяжелых пулеметов и один взвод минометов 81 миллиметра. Пехотный взвод стрелковой роты имел обычно четыре отделения, каждое отделение из 10 человек, которым командовал унтер-офицер с пистолетом-пулеметом, один легкий пулемет, у остальных были карабины. В 1943-м мы получили новое оружие — автоматические карабины — штурмгеверы. У нас в полку проводились их армейские испытания. Наш батальон первым был полностью перевооружен штурмовыми винтовками. Это прекрасное оружие, дававшее невероятное увеличение боевых возможностей! У них были короткие патроны, так что боеприпасов можно было брать больше. С ней каждый человек становился практически пулеметчиком. У них поначалу были детские болезни, но их исправили. У нас даже изъяли пулеметы, но в конце 1943 года под Колпино мы установили, что с этими винтовками, но без пулеметов мы в обороне не можем обойтись, и очень быстро пулеметы ввели обратно. Так что во взводе были пулеметы и штурмовые винтовки. Другого оружия у нас не было. В самом начале войны в роте были еще 5-сантиметровые минометы, но их очень быстро сняли с вооружения, во-первых, потому, что они были очень тяжелые, а во-вторых, потому, что

много боеприпасов с собой не возьмешь — тоже очень тяжелые.

— Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

— Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие — это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное. Основное оружие пехоты в обороне — карабин, штурмовые винтовки, легкий пулемет и тяжелый пулемет, на лафете. У нас в пехотном полку были еще две специальные роты — противотанковая рота, с 3-, 7- и 5-сантиметровыми противотанковыми орудиями и одна рота пехотных орудий, из двух легких взводов — шесть легких, 7,5-сантиметровых пушек, и одного взвода тяжелых пушек 15 см, которые подчинялись непосредственно пехотным командирам. Они всегда были с нами, это было, конечно, очень большое усиление.

— Чем были вооружены комавдиры?

— У командиров взводов и рот были пистолеты-пулеметы. Также были пистолеты. У меня был П-38 «вальтер».

— Ручные гранаты?

— Да, конечно, «колотушки», их потом сняли с вооружения. В 1942 году были яйцо-гранаты. Их выдавали по потребности, когда надо, на марше их в машинах перевозили, у солдат было достаточно поклажи. К атаке их выдавали. Мы их носили в поясной сумке, реже в рюкзаке, чтобы был резерв.

— Зимой оружие отказывало?

— Да, зимой, при низких температурах, смазка замерзала и оружие не работало, но с этой проблемой легко было справиться — надо было просто полностью убрать смазку. Дело опыта — мы этому быстро научились. Пулеметы прекрасно работали. МГ-42 был первоклассный, очень хороший пулемет, никогда не отказывал.

— Трофейным оружием пользовались?

— Перед тем как меня первый раз ранило, я добыл себе русский пистолет-пулемет, потому что у меня немецкого не было. Он был очень хорош, но где он остался, я не знаю. Но это скорее случайность. Русский пистолет-пулемет работал прекрасно. У него был или дисковый магазин, или рожок. Дисковый магазин был хороший, но тяжелый. Оттягивал ствол вниз, не очень сильно, но оттягивал. С винтовкой СВТ мне сталкиваться не приходилось.

— У Киришей в обороне вы рыли окопы? Там же сплошные болота.

— Окопы? Рыли в промышленных количествах. У каждого солдата была саперная лопатка, которую носили на поясе. Можно сразу было вырыть небольшое углубление, чтобы спрятаться. В

обозе был шанцевый инструмент. В болотистой местности из стволов деревьев строили бункеры. Причем стены делали из двух слоев бревен, а промежуток между ними заполняли землей. Я себе бункер сделал в насыпи железной дороги Москва — Ленинград. Перекрыл его шпалами.

— Как вы оцениваете тактику русских зимой 42-го года?

— Тут мне надо хорошо подумать. Русские солдаты очень храбрые и способны перенести много страданий, много вынести. Но командование было посредственным. Они все время повторяли одно и то же. Все время одно и то же. Потом, в 44-м, 45-м году, командовать стали лучше, научились водить большие соединения, быстро наступать. Такой пример. Мы отступили к предмостному укреплению в Киришах. Его необходимо было удержать, поскольку надеялись с него начать новое наступление, но сил для этого уже не было. У нас там был усиленный полк и артиллерия, больше ничего не было. Это предмостное укрепление Красная Армия пыталась захватить. Раз за разом, раз за разом, каждый раз одно и то же. Наша дивизия там подбила один за другим 200 танков! Это было абсолютно не нужно. У нас не было никаких сил оттуда наступать! Они это знали! Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло. Можете представить, небольшое пространство, и по нему стреляли три пристрелявшихся артиллерийских полка! Как только мы замечали, что русские снова наступают, артиллерия разносила все в пыль. Конечно, в течение тех трех недель наш полк был натурально перемолот, полностью уничтожен, но мы могли его заменить.

— Когда война началась, какой средний возраст солдат был у вас во взводе?

Готтфрид Эверт

— Солдаты были 1937-го года призыва. Старые. Их призвали на два года, но не демобилизовали, оставили служить. Пополнение приходило помоложе, но средний возраст солдат был около 25 лет. Унтер-офицеры постарше, солдаты помоложе. К концу войны призывали в 17–18-летних, но не могу сказать, что их было очень много.

— *Изменялся ли уровень подготовки солдат в начале и в конце войны?*

— Каждая дивизия имела резервный батальон из четырех рот, находившийся на родине. Там солдаты проходили подготовку в среднем на протяжении трех месяцев. После окончания обучения их распределяли по боевым полкам. Уровень подготовки оставался примерно одинаковым.

— *Были ли в вашем подразделении снайперы?*

— Снайперов было немного. Нас было шесть братьев, и все воевали. Двое погибли. Старший брат Хайнц командовал батальоном в моем полку. Одно время я даже служил под его началом командиром роты. Он был награжден Рыцарским крестом и дубовыми листьями к нему. Он ужасно долго был в русском плену. Младший брат был снайпером в первом

кенигсбергском пехотном полку. Он был хороший охотник и великолепный стрелок. Под Синявином у него были регулярные дуэли с одним русским снайпером. И он проиграл, потому что один раз ошибся.

— Как часто вы были в отпуске?

— Обычно у солдат было три недели отпуска в год. У тех, кто в обозе, — чаще, а у нас чаще были отпуска по ранению. Сначала ты едешь домой, там три недели отдыхаешь, потом едешь обратно. В общем, это занимало минимум месяц. Месяц без войны — это очень хорошо!

Поезда с отпускниками отправлялись из Гатчины. Тогда она называлась Красногвардейск. Помню, после очередного ранения я на прекрасном скором поезде поехал на родину. Главное было проскочить район между Красногвардейском, Лугой и Плескау (Псков). Там было очень много партизан, которые взрывали поезда, наносили большие потери. Один раз я вез из-под Ленинграда в Лугу резервную роту, без оружия. Партизаны взорвали дамбу, повредили рельсы. Поезд встал. Я уже было приказал камни приготовить для обороны, но обошлось, слава богу. С двух сторон подошли ремонтные поезда, быстро заменили рельсы, остановили воду. Все это заняло один день.

— Самое опасное русское оружие?

— Самым опасным русским оружием был, без сомнения, танк Т-34. Впервые мы их увидели в ноябре 1941 года. До этого мы сталкивались только с легкими танками и тяжелыми КВ. В ноябре 1941 года пришли первые Т-34, и это было для нас очень неприятно, потому что против них мы ничего не могли сделать. В пехотном полку был один взвод пятисантиметровых противотанковых орудий, но даже они Т-34 спереди не пробивали. Это был танк, который до 1944 года тотально превосходил все типы наших танков. Даже Т-4. С Т-34 мог справиться только 8,8-сантиметровый «Флак». Т-34 был превосходный танк, без каких-либо сомнений. У него был очень большой радиус действия, дизельный двигатель. На одной заправке он мог проезжать 500 км! Для танковых прорывов он был идеален. Потом, когда мы получили «Пантеры» и «Тигры», им стало хуже. «Пантеры» и «Тигры» пробивали танки всех типов.

— Какое оружие вы использовали против танков?

— Т-мины. Их забрасывали на моторное отделение. Так мы уничтожили значительное количество Т-34 у моста в Кириши. Мы одними из первых получили кумулятивные магнитные мины. Бросаешь ее, она прилипает к танку и взрывается. Но хитрые русские быстро приспособились и начали обмазывать танки цементом. В 1944 году мы получили фаустпатроны. Мы тогда

стояли под Нарвой. Я, как командир роты, первый его попробовал. Очень хорошее оружие. Но, конечно, русские танковые части очень быстро к ним адаптировались. Не подпускали противника близко. Они знали, что если есть пехота, то ближе 80 метров лучше не подходить. Они останавливались на расстоянии 100–200 метров и расстреливали из пушек, к ним нельзя было подойти. Во время отступления мы потеряли огромное количество противотанковых пушек. Только группа армий «Центр» потеряла 700 противотанковых орудий. Они были слишком тяжелые, их нельзя было тащить, и, если машина сломалась или не было бензина, их бросали. Так у нас не осталось дальнобойной противотанковой артиллерии. И танки Красной Армии это очень быстро обнаружили. Они останавливались на расстоянии и расстреливали пехоту из пушек. Когда пехотинец копает себе укрытие, остается земля, и если нет времени или возможности замаскировать этот холм земли, то он виден танковому наводчику. Вот эти укрытия расстреливались одно за другим. У пехотинцев от этого была депрессия. Слава богу, меня там уже не было — меня ранило при отступлении. То, что я рассказываю, я слышал от моих товарищей. Они там невероятно страдали. Так что каждая армия очень быстро приспосабливается к вооружению другой армии.

— *Кому давали фаустпатроны?*

— Тем, кто мог с ними обходиться. В принципе они очень примитивно устроены. В конечном итоге в пехоте они у всех были. Русские их быстро скопировали и весь мир изгваздали этими РПГ-7, R-P-G, все арабы и черт знает кто, все сидят с этими РПГ.

— *Можете что-нибудь сказать о русской артиллерии?*

— Прежде всего, очень массовая, сильная. Стреляла хорошо. Меня один раз буквально «выстрелили» из бункера. Это была 7,62-сантиметровая пушка, которую они использовали для подавления опорных пунктов. Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали. Тут в ста метрах впереди от нас разорвался снаряд. Я еще подумал, что стреляют, вероятно, в меня. Через 2–3 минуты снаряд разорвался в ста метрах за бункером. Я моим солдатам закричал: «Вон отсюда!» Мы выскочили как сумасшедшие, и третий снаряд попал точно в бункер и разрушил его. В вилку нас взяли. Я был рад, что вовремя заметил. Ты либо учишься, либо погибаешь — это как охота на зайцев: старые зайцы знают все трюки. Русская артиллерия была ужасно сильная.

— *Русская авиация?*

— Сначала русской авиации почти, я бы даже сказал, вообще

не было заметно. Очень быстро всех сбили. Я видел, как эскадрилья бомбардировщиков пыталась бомбить Дюнабург (Двинск/Даугавпилс). Их всех, кроме одной машины, сбили. Бомбардировщики очень быстро исчезли. Иногда прилетали «рата», но редко. Сначала они нам не очень мешали. Но когда началось отступление, все изменилось. Нас очень много бомбили. И все же они были не такие сильные, как западные силы, англичане, американцы. Те были гораздо сильнее.

— Были ли прозвища для штурмовых самолетов?

— Да. Тех, что атаковали нас при отступлении русские, по-моему, называли schturmovik. Он был легко бронирован. Они атаковали с бреющего полета. Я еще в них стрелял, но ни одного не сбил. Очень нервировали нас. В 44-м они уже много хлопот доставляли. Еще были легкие ночные бомбардировщики Р-5. Они не сильно вредили, но нервировали. Все время кружили, цели искали. Во время отступления от Нарвы нас атаковала эскадрилья двухмоторных бомбардировщиков «Бостон» Я лежал на картофельном поле, смотрел вверх и видел, как открываются бомболюки. Это было не здорово. Но, к счастью, бомбы пролетели мимо.

— «Сталинский оргйн?»

— Сталинский орг£н, да! Впервые мы встретили его в ноябре 41-го. Он нас очень удивил. В установке было, по-моему, 48 ракет, и, конечно, попасть под его залп было очень неприятно. Я вам так скажу, я часто слышал пуск ракет. И как только я их слышал, я искал укрытие, потому что никогда не знаешь, куда они попадут. Когда разрывы затихали, я шел дальше.

— Вши были?

— О! Да! И сколько! На позиции особо не помоешься, и мы всегда были грязные и завшивленные. Одеяла были полны вшей. Помню, под Киришами, я только вернулся из отпуска, на лыжах в Альпах катался. А тут…

Земля промерзла, копать невозможно. Ночью динамитом взорвали небольшие углубления вместо окопов, и из подручных средств построили небольшой блиндаж. Днем мы там вообще не могли пошевелиться — тут же русские открывали огонь. Отопления не было, потому что не было ни печи, ни дров, да и если бы русские почуяли запах дыма, то сразу прилетела бы граната. Представляете?! Мы лежали без движения в этой дыре, и нас зажирали вши. Отвратительно! Боролись мы с ними всеми доступными методами. В Киришах построили печь для прожарки: 200-литровая бочка, внизу вода, потом деревянная полка, на которую клали вещи, а сверху крышка.

— Вы этому у русских научились?

— Нет, просто опыт. Мы всегда пытались одно отделение в день посылать в обоз, чтобы они помылись, белье поменяли и вечером вернулись обратно. Но возможность для этого была только на спокойных позициях.

— *Моющие средства были?*

— Да, конечно, получали мыло. Белье регулярно меняли. В обозе его стирали в основном русские женщины, но это все только в обороне. В движении это не получалось.

— *Был ли порошок против вшей?*

— Да, порошок против вшей был. Страшно вонял, но помогал. Когда в 1945-м англичане отпускали из плена, они нас обработали этим чертовым порошком. Все должны были расстегнуть штаны и получить дозу порошка. Англичане боялись эпидемий, так что это они делали не для нашей пользы, а чтобы самих себя защитить. Вши — это ужасно… В Первую мировую войну было то же самое. Наши отцы, воевавшие в Шампани, называли ее «Вшивая Шампань». А еще клопы! Они так воняют! В 41-м году, в Новгороде, мы впервые заняли оборону. Рота стояла на острове между старым и новым Новгородом, а штаб батальона был в старом монастыре. Там был диван, я его себе взял, думал, буду спать со всеми удобствами. Боже, как я выглядел на следующее утро! Я этот диван выбросил, сказал, что я лучше буду на земле спать. В русских домах они жили в стенах. Комнаты в домах часто были внутри обклеены старыми газетами. И мы смотрели, есть ли там маленькие черные дырки. Где они были, там были клопы. Днем они были в обороне, в дырках, а ночью атаковали. В этом монастыре, где располагался штаб батальона, были красивые своды, и один офицер из нашего батальона поставил кровать на середину комнаты, а ножки кровати поставил в банки с водой, думал, что так они до него не доберутся. Ошибся! Paraschutisty! Они падали на него сверху. Все эти старые монастыри вокруг Новгорода были превращены в сумасшедшие дома. За больными ухаживала врач, племянница Римского-Корсакова, известного русского композитора. Она прекрасно говорила по-французски, была очень образованной женщиной. Однажды я получил приказ сумасшедших эвакуировать. потому что по нам стреляла артиллерия. Я их пешком переводил через Волхов. Среди них были раненые, и эта Римская-Корсакова примитивнейшими средствами делала им ампутации…

— *Бордели были?*

— Должны были быть. Но я никогда не был там, где они могли бы быть. Я могу представить, что в Ревеле, например, они были. Думаю, что в Гатчине могли быть, в больших городах, где

были тыловые части. На фронте их точно не было. Об этом никто не думал, у нас были другие занятия. Я был в Гатчине, но только по ранению. Это большой город, но находиться в нем было не так приятно, как вы думаете. Периодически стреляли 30,5-сантиметровые пушки русского линкора «Марат». Вот лежишь ты в лазарете, а тут неожиданно прилетала такая штука… — это тоже не очень приятно.

— *О чем вы тогда в основном разговаривали?*

— Обо всем, но мы никогда не говорили о политике. Мы говорили о войне, что нам делать, что исправить. В каждом батальоне был радиоприемник, специальная модель для военных, чтобы на спине носить. Если наушники положить в кастрюлю, то получались неплохие колонки. Мы могли слушать новости. Если в приемнике хорошо поковыряться, то можно было поймать радио Белград, которое вещало из Ленинграда, но это было строго запрещено. В тылу был фронтовой театр. Я в нем был один раз, поскольку за все время войны мой батальон был только один раз на 14 дней взят с фронта. Представляете?! Представление шло в сарае, в нем же я впервые увидел цветной кинофильм. Потом приехал немецкий бронепоезд с тяжелыми орудиями, начал стрелять в Ленинград. Через полчаса по нему и по нам тоже начали стрелять, и мы разбежались.

— *Были советские листовки?*

— Да, их очень много с самолетов сбрасывали. Поднимать их не запрещалось, но они на нас не действовали. В них печатали, сколько пленных в Сталинграде взяли и так далее. Одну листовку я запомнил, она была очень рафинированной. Это было в начале осени 1941 года, в наступлении. Я ее нашел в кустах. На одной стороне была картинка с немецким солдатом, Сталиным и крестом, а на второй стороне было стихотворение, я его до сих пор помню:

«Воздух сыр на востоке,
Будет холоднее и еще сырее,
Железные кресты ржавеют,
Деревья растут высоко».

Очень выразительно. Дальше там были обычные инструкции по перебеганию. Я подумал: «Ну эти ребята эстеты». Пехота ни русская, ни немецкая на листовки не реагировала — это пропаганда, это нас не интересует.

— *На русской стороне фронта были какие-то звуковые установки, музыку передавали, какие-то речи?*

— Да, конечно! У Синявино ночью прилетел самолет с

громкоговорителем. И закричал: «Немецкие пехотинцы, почему вы такие грустные, у вас что, мармелад закончился? Приходите к нам в Ленинград, там кровати с белыми простынями и красивые бабы». Мы смеялись до смерти! Видите, прошло 70 лет, а я до сих пор это помню.

— Вы думали, что переживете войну?

— Нет, я так не думал. Я думал, что однажды меня достанут. После того как меня семь раз ранили, я думал, что будет еще точное попадание. Но на фронте на это не обращают внимания. Если постоянно об этом думать, то либо сойдешь с ума, либо сбежишь. Солдат на фронте знает, что каждый день, каждую минуту, каждую секунду он может погибнуть. Если постоянно об этом думать, то не выживешь.

— Вы воевали в болотах, на холоде, а могли бы быть во Франции, Италии. Вы воспринимали это как наказание?

— Нет, нет. Просто было так. Но мы были очень, очень недовольны, что мы, будучи плохо оснащенными, должны были выдавать результат. Вот это злило. Когда начинаешь такую кампанию, как можно быть неготовым к тому, что придет зима?! Россия огромная страна, они, сверху, могли бы сообразить, что просто перебежать ее не получится. Такую страну, как Франция, можно перебежать и оккупировать, такую страну, как Россия, так занять нельзя. В дневниках Гальдера в июле 1940 года, когда война во Франции еще не была закончена, есть запись: «Глаза фюрера устремлены на восток». Я установил, что тогда два очень одаренных офицера Генерального штаба получили приказ Гитлера разработать план кампании против России. Это был генерал Маркс, начальник штаба 18-й армии, которая тогда была в Польше, и генерал фон Зоденштерн, который был командующим группой армий. Эти офицеры очень быстро установили, что при нападении на Россию надо как минимум захватить Москву, потому что из Москвы, как из центра паутины, тянутся нити во все стороны. То есть основной удар должен быть в центре, а что делать с флангами? Вот и получился сильный Центральный фронт и расходящиеся фланги. А между ними две дыры — Великие Луки и Холм на севере между группой армий «Центр» и «Север» и в Гомеле между группой армий «Центр» и группой «Юг». Две незаполняемые дыры. Они еще Урал хотели занять?! Какого размера были бы тогда эти дыры? В целом так делать было нельзя. Офицеры это абсолютно ясно сказали. Тогда решили, что Красная Армия будет уничтожена в больших котлах у границы, и в этом случае мы сможем занять территорию. Это почти удалось, но только почти. Сила немецкой армии уже зимой 1941 года была решительно подорвана. Немецкая армия

проиграла войну в России уже зимой 41-го года. В 1942 году, после того как мы в какой-то мере восстановили силы, мы уже не могли наступать на всех фронтах. Только на юге, на другие направления уже не хватало сил.

— Русские ветераны говорят, что немцы после 1943 года стали «не те».

— Ну да, я бы сказал, что в 1943 году немецкая армия уже потеряла свое ядро, ранеными и убитыми. Истощение становилось все больше. Длительные отступления на всех фронтах, не только в России, но и в Италии, давали понять, что они ни к чему хорошему не приведут. Но армия не могла закончить войну. Закончить войну должно было политическое руководство. А если оно не хочет, говорит, что надо воевать до конца, армия должна воевать до конца. Армия могла сделать только то, что она попробовала сделать 20 июля 1944 года. Попробовать сделать государственный переворот. Не получилось.

— Как изменилась ситуация в армии после 20 июля? Насколько мы знаем, был введен институт идеологического контроля?

— Да, да. Были введены так называемые национал-социалистические руководящие офицеры, никто не хотел становиться на эту должность, а те, кого назначали, ничего не делали. У нас в полку тоже одного назначили. Я от него вообще ни одного слова не слышал. В офицерском корпусе армии национал-социалистическая идеология была не очень распространена. Да, мы боролись всеми возможными средствами с этим чертовым Версальским договором, который Германию мучил, поставил страну на колени. Гитлер его поборол и воссоздал армию, но политическое влияние национал-социализма в армии было очень небольшим. Армия сказала: «Мы сохраняем нашу честь и нашу военную силу на поле боя, но политикой мы не занимаемся». Армия при Гитлере в выборах не участвовала — мы в целом были абсолютно вне политики. Перед войной в армии было очень много людей, которые были не согласны с политическим руководством, но их подавили. С другой стороны, много политически активных людей, когда их призвали в армию, ушли из политики. Это идет еще со времен фон Секта, сформировавшего рейхсвер в Веймарской республике, — армия должна быть вне политики. Мы так были воспитаны. Подумайте, основная масса офицеров, которая вела нас в бой, от командира моего полка до командиров батальонов включительно, была офицерами Первой мировой войны. Конечно, они были счастливы, что Гитлером армия была воссоздана, освобождена из рабства. Это было чудо, как армия возродилась за четыре года, с

1935-го по 1939-й.

— На начало 1941 года вермахт считался лучшей армией в мире.

— Да, считался. Мы уж так прямо не думали, но чувствовали себя хорошо, конечно.

— И почему вы в конечном итоге проиграли?

— Потому что блоха укусить слона может, а убить нет. Германия слишком маленькая. Армия была в порядке, мы могли защитить Германию от нападения «нормального» врага, мы гордились своим оружием, без вопросов. Даже в России, где части были сильны, храбры, мы были уверены в своих силах, правда эта уверенность была безосновательна, но была. Но на длинном промежутке времени сил было слишком мало.

— Вы слышали о приказе о комиссарах?

— Да. Наш командир первого корпуса фон Бот, старый кайзеровский офицер, сказал: «Этот приказ я дальше не передаю». И нам этот приказ не зачитывали. У нас солдаты солдат не расстреливали. Мы друг против друга воюем, но не убиваем. Я вообще ни одного комиссара за всю войну ни разу не видел. Русских офицеров много видел, но комиссаров никогда. Зимой 1944-го из-под Луги остатки нашей дивизии, разбитой под Гатчиной, повезли в Эстонию. Там нас должны были пополнить. Через пару дней мы получили приказ взять остров Пийрисаар на Гдовским озере. Мы его захватили ночной атакой по льду. Русские части бежали. Одну часть с зенитными орудиями мы взяли в плен, не дали им убежать. Там был один мертвый русский, который, мне кажется, должен был быть комиссаром. Я очень редко видел так хорошо выглядевшего русского. Настоящий викинг, с не русским, а нордическим лицом. Классный парень, но мертвый. Больше я комиссаров не видел. Мы знали, что они имели сильное влияние на командование, что они повышали устойчивость войск, но я ни одного не видел.

— На фронте вы слышали о комитете Свободной Германии?

— Да, в первый раз услышал после Сталинграда. Я знаю от моего брата, с которым я вместе прошел всю войну и который был в русском плену, что в плену они были очень активны.

— Насколько активно действовала русская разведка?

— Разведывательные группы, а с ними еще часто были штурмовые группы, наведывались часто. Один раз хотели и меня в плен захватить, но у них не получилось. Смешно было… Я, как командир роты, всегда обходил окопы, проверял своих людей, спрашивал, что видно, что слышно. Я их инструктировал, что, если услышат какой-то шорох, нужно бросать гранату или стрелять. И вот пошел на соседний пост по ходу сообщения, и тут

на меня из окопа выпрыгнул человек. Он хотел меня схватить, но это, слава богу, не получилось, потому что путь из окопа к ходу сообщения был перегорожен бревном. Я еще днем приказал убрать это бревно, чтобы можно было свободно пройти, но приказ остался невыполненным. Это бревно меня и спасло. Пока он перелезал через него, я одним прыжком заскочил за угол. Он кинул гранату прямо мне под ноги. Все, конечно, проснулись, стреляли, но он уже исчез, а я опять очутился в лазарете.

— Немецкая разведка ходила за «языком»?

— Да, да, конечно. Во время наступления ежедневно ходили, чтобы выяснить обстановку, местность разведать, укрепления, войска, пленных взять и т. д. Мы на оборонительных позициях тоже собирали штурмовые группы, которые старались взять пленных, чтобы узнать, что за войска и их намерения. В основном они много рассказывали. Но в обороне взять пленного не так просто, потому что она была правильно построена и рассчитана на отражение таких атак.

— Вы слышали что-то о штрафных частях?

— Да, конечно. Мы знали, что в русской армии их было много, с самого начала. В немецкой армии тоже были штрафные батальоны. На Ладоге меня один раз сменила штрафная часть. Это были осужденные, которых отправили на фронт, и если они себя проявляли, то их реабилитировали. Это были осужденные за разные вещи — например кражи. Дезертиров там не было. За дезертирство расстреливали, как во всех армиях. В тылу наверняка были какие-нибудь изнасилования, и если ловили, то отправляли в штрафной батальон. Каждая дивизия имела военный суд с защитником и прокурором. Если что случалось, то проходило судебное заседание, на котором председательствовал командир дивизии. Наказывали расстрелом, отправкой в тюрьму или в штрафную роту или еще куда. У меня в роте был один солдат из штрафного батальона. Он там Железный крест заработал, и мне его прислали как пополнение. Он мне доложился, я сказал: «Ты реабилитирован, ты обычный солдат».

— Какие отношения были с Ваффен СС? Вы им завидовали?

— Мы очень часто воевали вместе с частями Ваффен СС. Это были великолепные солдаты, которые к тому же были гораздо лучше вооружены, чем мы, — их в первую очередь вооружали. Мы всегда были очень рады, если нашим соседом была часть Ваффен СС, на них можно было положиться. Они не бегали. Другие охотно бегали, а эти нет. С политикой они ничего общего не имели, вообще ничего. Это не значит, что у частей Ваффен СС не было каких-то других задач, о которых мы не знали. Определенно были.

— Как было с суевериями?

— Я не был суеверным. У каждого человека есть какие-то хорошие знаки, еще что-то, но суеверным я не был, нет.

— В бога верили?

— Да, конечно, я лично происхожу из семьи пасторов. Сложилось, правда, по-другому, но изначально я был готов стать пастором. В дивизии у нас были и католический и протестантский священники, которые вели службы. На похоронах они всегда присутствовали, а похорон было много, к сожалению.

— Зарплату получали?

— Да, получали «военные деньги». Обер-лейтенант получал 27 марок каждые 10 дней. Не много, но нам деньги не нужны были. В окопе ничего не купишь. Была лавка, там был алкоголь, сигареты, мыло, это мы должны были частично оплачивать из этих «военных денег».

— Платили наличными?

— Как у профессионального солдата, у меня был счет на родине, деньги поступали прямо на счет, я так хотел. Другие получали наличными. Играли в карты на деньги, потому что деньги все равно не нужны были.

— У командира роты была лошадь?

— Да, у каждого командира роты была верховая лошадь.

— Лошадь или повозка?

— Лошадь и человек, который ухаживал за лошадью. Больше ни у кого не было, командир взвода ходил пешком.

— Повозка была?

— В обозе было очень много. Они боеприпасы и снабжение возили. Обоз пехотной роты состоял из 25 человек: полевая кухня, портной, сапожник. Еще со старой армии рота была полностью самостоятельным подразделением. Каждый вечер, как темнело, приезжал ротный фельдфебель с полевой кухней или с канистрами, если полевая кухня подъехать не могла, подносчики пищи приходили вперед и нас обеспечивали. Отлично работало. Как пехотинец, ты ничего не можешь иметь при себе. Даже кусок хлеба некуда положить. Были сухарные сумки, жестянки для масла, но на жаре, на марше, все таяло, портилось, скоро эти хлебные мешки исчезли, и все было в обозе. Мы были молодые, есть хотелось все время. Мы были стройные, если не сказать худые.

— Трофеи брали?

— Нет, вообще нет. С русского солдата много не возьмешь. К тому же почти каждый немецкий солдат имел наручные часы. Американцы их воровали. В плену я одного американца видел, у него на руке было восемь часов, он ими гордился. В России

ничего нельзя было украсть.

— Были проблемы с языком между немцами из различных регионов?

— Между немцами? Нет, никаких проблем. Были солдаты из Польши, Силезии, которые говорили на ломаном немецком, но мы их хорошо понимали. После кампании во Франции у нас целый батальон забрали на формирование нового полка, и мы получили рекрутов. Я, как ефрейтор, тренировал одну группу этих рекрутов. Один молодой человек был из польского Лодзя. По-немецки он говорил очень плохо. Мы пулемет проходили, со всеми военными терминами. О, боже! Для начала я должен был ему дать урок немецкого языка. Он был очень прилежный, хотел стать хорошим солдатом. И стал им. На Гдовским озере я его еще раз встретил. Я шел по настланной гати через эти ужасные болота, а мне навстречу ехала повозка. И сверху он сидит как кучер! Как меня увидел, соскочил с повозки. Мы обнялись. У нас были очень, очень хорошие отношения с нашими солдатами. Очень товарищеские, человеческие. Один солдат был из Данцигского коридора, красивый блондин по фамилии Мильке. Он в СС хотел поступить, они его не взяли, потому что он не очень хорошо говорил по-немецки. Он был образцовый солдат, все хотел делать только хорошо. На смотру у него на шинели были пятна. Меня, как его командира, тут же наказали. Он был так расстроен, что из благодарности в мое отсутствие заштопал мне носки. Были и другие… У меня в роте был один из Кенигсберга, записной коммунист, очень двусмысленный парень, я ему ни на сантиметр не доверял. Его я позже встретил, в госпитале. Я его спросил: «Что ты тут делаешь? Тебя тоже ранило?» Он говорит: «Нет, у меня воспаление слизистой оболочки». Не хотел он служить, симулянт. Коммунист… тяжело ему у меня было.

— Что такое хороший солдат?

— Хороший солдат — это тот, который серьезно относится к своим обязанностям и их исполняет так хорошо, как только может. Один может лучше, другой — хуже, но если он старается, если он исполняет свои обязанности по своим возможностям, он хороший солдат. Кто храбрый, тому легче, кто трусливый, тому тяжелее.

— Что такое хороший командир?

— Тот, который со своими солдатами обходится разумно. И никогда от них не требует того, что не является необходимым. С ними думает и с ними живет. Тот офицер, который командует подразделением, должен любить своих солдат. Офицер посылает солдата на смерть, эта ужасная обязанность есть у всех офицеров.

Когда ты посылаешь солдат в атаку, ты знаешь, что вернутся не все. Но и ты должен идти вместе с ними.

— Какие награды за войну вы получили?

— Железные кресты первого и второго класса, штурмовой значок и значок за ранение в золоте.

— Вы служили в Бундесвере. Разрешалось носить награды вермахта?

— Да, носили денацифицированные колодки. Оригиналы не разрешалось носить.

— В роте вы должны были сдавать какие-то ежедневные отчеты?

— Не должен. В роте ничего не велось, только в батальоне и в полку велся журнал боевых действий.

— Был стандартный бланк похоронного извещения?

— Стандартного документа не было, но командир роты обязан был родственникам каждого павшего персонально от руки писать письмо. Никакого официального бланка не было. Я должен был писать очень много писем, но это было дело чести — поставить родителей в известность о том, как погиб мой солдат.

— Что вы писали?

— Я писал, что должен вам с прискорбием сообщить, что такой-то такой-то служил в моей роте, пал, так и так, очень сожалеем и так далее… Потом это посылалось домой, и в основном эти письма разносили люди из партии. Мои родители тоже два таких письма получили.

— А если пропал без вести или попал в плен?

— Да, тогда тоже ставили в известность. Но как это делалось, я точно не помню, я сам никогда не писал. Павшим я много писал, а таких не писал. Но в любом случае, если что-то происходило, ставили в известность. Разумеется, были ситуации, когда было невозможно это делать — при отступлении, целые части пропадали.

— Вы как ротный могли вызвать огонь артиллерии?

— Да, было так организовано. Артиллерия посылала в пехоту так называемого передового наблюдателя. Это был или офицер, или фельдфебель с рацией. Эти передовые наблюдатели были в ротах, и через них можно было затребовать огонь. Это прекрасно работало, без проблем.

— Последнее ранение вы как получили?

— Очень негероически. Мы выходили из Эстонии и проходили мимо Риги. Там наш батальон, как резерв армии, на один день был выведен из боя. Это было 26 сентября 1944-го. Русский клин уже подходил к Риге, мы отбили его в одном месте и отошли в лес. Там сказали, чтобы мы сидели тихо, никто из

леса не высовывался, пока не станет ясно, что происходит. Русские появились уже на опушке, но мы сидели тихо, думали, что нас не заметят. Но нас скоро заметили и начали интенсивно обстреливать из 120-миллиметровых минометов. Я лежал в лесу вместе с моей ротой, вырыл укрытие, как обычно, и разговаривал по телефону с моим командиром батальона. Он мне говорил, что нас вот-вот сменят. И тут мина попала в дерево над моей щелью, осколок отрезал мне голень. Я этого не заметил, но мой связной закричал, что я ранен. Я хотел выползти из щели и тут обнаружил, что у меня нет ноги. К счастью, это была последняя мина. Меня быстро положили на носилки, туда же положили мою ногу, которая держалась на коже. Дальше обычным путем, в батальон, там дали морфий, перевязали, было очень больно, на перевязочном пункте врач, который меня уже знал по моим прошлым ранениям, сказал: «А ты опять здесь». Меня прооперировали, врач после операции меня привел в сознание и сказал, чтобы я не давал ампутировать ногу, она снова прирастет. Отвезли в Ригу, в больницу, в ту же самую, в которой я в первый раз был. Потом я попал в госпиталь в Берлин. Абсолютно белый госпиталь, с большим красным крестом у входа, очень хорошо выглядел. Потом на маленьком кораблике туда-сюда перевозили, у меня были ужасные боли. На этом кораблике, у люка, через который нас грузили, стоял белоснежный, как ангел, военно-морской врач, не такой, как мы, грязные, после фронта. Я ему сказал, что мне нужно снять гипс, потому что очень болит, он сделал. Меня обследовали, потом приехали в Свинемюнде, слава богу, там нас выгрузили. Отвезли в госпиталь, мне ужасно повезло, что я попал в университетскую клинику в Ростоке. Там были известные специалисты, они смогли прооперировать еще раз, и нога опять приросла. Я потом 30 лет отслужил в бундесвере, а сейчас нога болит, хуже становится.

— *Где вас захватили англичане?*

— В Оберхольцштайне под Килем. Там, в Шлезвиг-Гольштейне, у англичан были так называемые area, A, B, C и так далее, чтобы как-то справиться с потоком пленных.

— *Как вы восприняли капитуляцию?*

— Это, конечно, было ужасно, но это можно было предвидеть. Было понятно, что война заканчивается, это не было сюрпризом. Но, конечно, это был плохой период в жизни любого солдата. Кроме того, я же из Пруссии, был практически беженцем, у меня больше не было родины. Мои родители были неизвестно где, мои сестры были неизвестно где, я был совсем один. Я лежал в госпитале один, профессии у меня не было, я был только солдатом. Что было делать? С другой стороны, хорошо, что мне

нужно было заботиться только о себе. Другие должны были обеспечивать свои семьи. Меня опустили из госпиталя в 1946 году, я поехал в Гамбург, к знакомым.

Загер Михаэль (Sager, Michael)

Синхронный перевод — Ольга Рихтер

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Меня зовут Михаэль Загер, я родился 21 августа 1921 года в Мюнхене. Ходил в народную школу, потом в профессиональную школу. Четыре года я учился на переплетчика. Я сдал экзамены и стал подмастерьем, а вскоре я начал готовиться к экзаменам на мастера, но 6 февраля 1940 года меня призвали. Сначала я был в Reichsarbeitsdienst — Имперском Трудовом Агентстве. Прошел обучение в Хинтерштайн, в Альгау, и через несколько месяцев приехал во Францию, в район Кан (Caen, Нормандия). Отбыв примерно полгода трудовой повинности, я вернулся домой к родителям, в надежде побыть дома пару недель, но уже через два дня я стоял в Гармише у дверей школы горных егерей. Там я прошел базовое обучение как горный егерь. Через три месяца нас перевезли в Югославию. Война в Югославии только что закончилась, и мы прибыли как замена воевавшим частям. Там мы были всего несколько недель. Я прошел курс верховой езды, но за все время войны на лошади я ни разу больше не ездил. Только в последние дни войны, когда от нас уже ничего не осталось, в Ольмице в Судетах я поймал белую лошадь. Я подумал, почему бы мне не проехаться? Я залез на нее и проскакал пару минут, пока не заметил, что русские начали по мне стрелять с высоты. Я быстро слез и оставил лошадь в покое. Наши солдаты открыли огонь по этой высоте и заставили русских замолчать.

Вернемся в 1941 год. Из Югославии нас на поезде перевезли в Польшу. В конце июня после однодневного пешего марша для меня, девятнадцатилетнего, началась война. Я участвовал в боях под Уманью и Винницей. Моя четвертая горная дивизия и первая горная дивизия тогда взяли в плен 25 000 русских солдат. Бои продолжались, но больше всего запомнились дневные марши по сорок километров на жаре. Я могу даже вспомнить, как часто я открывал мою полевую флягу и смотрел, не осталась ли там капля воды. Мы шли в направлении Ростова, перешли Дон по большому понтонному мосту. Прошли через Батайск. Я написал

книгу, основанную на моих дневниковых записях и письмах, и вот что я записал в тот момент в своем дневнике: «Я молодой человек, прохожу мимо, по меньшей мере, 20–25 мертвых немецких солдат, которые погибли при взятии Батайска и переправе через реку». Я участвовал в боях в предгорьях Кавказа. Я очень хорошо помню один день, был тяжелый бой. С обеих сторон, и с русской, и с немецкой, было очень много раненых и убитых. В трех метрах от меня пал мой товарищ, убитый русским снайпером выстрелом в голову. Много лет спустя после войны я поехал в Айштадт, это между Мюнхеном и Нюрнбергом. Пошел осмотреть местный собор. В нем я разговорился с церковным служителем, который убирал и расставлял цветы. Он спросил, в какой части я воевал. Я сказал, что в четвертой горной дивизии. Он сказал, что его сын тоже там служил в 9-й роте 2-го батальона 13-го полка. Моя рота! Я спросил фамилию. Он назвал. Тогда я ему сказал: «Господин Тюрнер, ваш сын, Алоиз, пал 2 августа 1942 года рядом со мной». Это был отец моего товарища, убитого русским снайпером.

Потом начались бои на Большом Кавказе. Мы, четвертая горная дивизия, взяли несколько перевалов и шли дальше с севера на юг, вниз-вверх, вниз-вверх. Через некоторое время нашу дивизию сняли с высокогорья и отправили в лесной Кавказ, недалеко от Черного моря. Чем дальше мы шли на юг, тем хуже было снабжение. Один раз мы шли через тоннель длиной 1200 метров, в котором стоял поезд с нефтяными цистернами. Когда мы вышли из тоннеля, то увидели русских пленных. Они жарили мертвую лошадь, я думаю, что эта лошадь была мертва уже много дней, но был такой голод, что они ели это мясо. Если были раненые, то иногда случалось так, что они попадали в лазарет только через два дня после ранения. Случалось, что русские пленные и немецкие солдаты, вместе, до 8 человек, несли раненого в лазарет — двух и даже четырех человек в горах было недостаточно.

21 августа 1942 года мне исполнилось 20 лет, у меня был день рождения. В этот день было облачно, но потом облака разошлись, и я увидел Эльбрус, по крайней мере, я думаю, что это был Эльбрус. И в этот же день, 21 августа 1942 года, немецкая сторона водрузила флаги на Эльбрусе, государственный флаг и флаг горных егерей. В Германии по радио было объявлено, что это великая победа, но великой победой это не было, потому что уже тогда было ясно, что Сталинград падет. В октябре 1942 года, после 18 месяцев в армии, я в первый раз получил отпуск и поехал домой в Мюнхен. Когда я вернулся в часть, в ноябре 1942 года, то узнал, что у горы Семашхо, между Туапсе и Сухуми,

дивизия понесла большие потери. Это была «Гора Судьбы» четвертой горной дивизии. В роте были очень большие потери среди моих друзей.

В конце января 1943 года мы узнали, что пришел приказ об отступлении. Во время отступления ночью я и еще несколько товарищей ночевали в одном доме. Мы спали на полу и услышали, как в соседней комнате звонит телефон нашего связиста. Мы услышали, как он повторил в трубку приказ: рано утром все население, и мужчины, и женщины, должны покинуть населенный пункт. Их забирали на земляные работы, копать противотанковые рвы. Я до сих пор помню одну фразу из тех, которые наш связист повторял в трубку: «С женщинами обращаться гуманно». Я это рассказываю для того, чтобы вы увидели, как немцы обычно, по крайней мере горные дивизии, относились к гражданскому населению.

Мы были в очень многих маленьких русских домах в деревнях и селах, в городах меньше, и всегда встречали дружески настроенных по отношению к нам русских. Семьи давали нам масло, яйца, воду — то, что у них было. В обмен мы давали сигареты и шоколад. В моей дивизии я никогда не слышал о жестоком обращении с гражданскими, изнасилованиях или о чем-то таком. Я должен добавить, что простой солдат, каким я был, который сидит в окопе, он видит только то, что происходит в 100 метрах направо и налево от его окопа. Что происходит там, дальше, он не видит, он просто исполняет свой долг. Я с чистой совестью могу сказать, что в моей роте и в моей дивизии о жестоком обращении, особенно с женщинами, не могло быть и речи.

Недалеко от Крымской, на Голубой линии, я заболел сыпным тифом. Меня перевезли в Краков. Несколько недель я лежал в госпитале. После выздоровления я был отправлен в роту отпускников в горном санатории, на Вальхен-озере. После отдыха, из Гармиша, я с маршевой ротой вернулся на фронт. Мои товарищи все время отступали, каждый день, каждый день отступление. Так что я встретил их на Днестре, недалеко от Кишинева. Несколько недель мы стояли на позиции. Там я получил телеграмму, что дом моих родителей разрушен во время бомбардировки. Мой отец был управдомом в детском приюте. Там же он и жил в комнате наверху. Этот дом был полностью разрушен. Командир роты разрешил мне позвонить и дал мне 12 дней отпуска. Я приехал в Мюнхен и за 12 дней в воронке от авиабомбы, 6 метров в ширину и 3 метра в глубину, мы с отцом построили хижину в 24 квадратных метра. Дерево и остальные материалы брали из разрушенных домов. Я вернулся обратно в

Россию, четыре года был в плену, вернулся, а мои родители так и жили в этом бункере.

По возвращении из отпуска в Кишиневе я отметился у коменданта района. Он мне дал талоны на ужин и завтрак и квартиру, чтобы переночевать, и сказал, что завтра в 14.00 я еду на поезде обратно, из Кишинева в Вену, потому что моя дивизия уже в венгерских Карпатах. На следующий день на поезде я проехал 250 километров и в десять вечера был в в Плоешти. На станции к нам подошел машинист поезда, немец, и сказал, что сегодня вечером русские прорвались у Кишинева. Мне крупно повезло, что я только что оттуда уехал. В венгерских Карпатах мы постоянно меняли позиции, все время отступали, и вышли в Словакию, потом в Чехию. Там я попал в русский плен. Три дня мы шли из Дойчеброд. На эти три дня нам выдали буханку хлеба и банку тушенки на 10 человек. На полпути в Брюнн я увидел, что из окна маленького домика нам машет женщина. Я подбежал к ней, и она дала мне пакет. Я поблагодарил ее и сразу побежал обратно, чтобы не потерять своих товарищей. В пакете была картофельная мука, из которой мы приготовили отличный ужин. В Брюнне нас погрузили в товарный вагон. На рассвете меня разбудил товарищ: «Загер, смотри, куда мы едем». В щели вагона мы видели, как восходит солнце — мы ехали прямо на восток. Приехали в Кишинев. В лагере пробыл два года. Мне повезло, примерно половину из этих двух лет я работал переплетчиком. Это было очень неплохо, особенно зимой. У меня до сих пор есть письмо от товарища, молодого венца, написанное им моим родителям. Он голодал, и мы в нашей комнате иногда давали ему суп и хлеб, зимой одолжили ему шаль, перчатки и теплый пояс. Он написал благодарственное письмо моим родителям, в котором обещал часто за них и за меня молиться. В Кишиневе, на Пасху, был обычный рабочий день, я стоял с тележкой и лопатой, грузил картошку возле забора. К забору подбежала русская женщина средних лет. Она просунула под забором пакет и сказала что-то по-русски. Я не понял, что она сказала, товарищи в лагере мне потом объяснили, что она сказала: «Hristos voskres, Hristos voistinu voskres». В пакете был хлеб, яйца, мясо, еще что-то. Так мы втроем или вчетвером получили наш пасхальный обед. Это тоже невозможно забыть. Потом, после двух лет в Кишиневе, меня перевели в Сталино. Там большую часть времени я проработал в шахте. В июне 1949 года я вернулся домой.

— *Вы проходили обучение в школе горных егерей. Чему вас там учили?*

— После призыва солдаты изучают строевую и уборку. Потом обращение с оружием, сборка-разборка оружия,

спортивные упражнения, обучение стрельбе. В Гармише каждый день после обеда, в свободное время, у нас была возможность взять горные лыжи и пойти кататься. Я там катался на олимпийской трассе. Лыжи давали каждый день разные, крепления были на ремнях, не такие современные, как сейчас, стальных кантов не было. Поэтому у нас иногда были травмы, но мы этого не говорили, потому что тогда бы нам запретили кататься на лыжах.

— *Альпинистская подготовка у вас была?*

— Нас не учили скалолазанию. По крайней мере, в той части, где я был. У нас были только горные марши. Я был на курсах при командующем армией (Front-gruppenfuhrer), в Миттельвальде. Там мы ходили на Западный Карвендель (Westliche Karwendelspitze). С Карвенделя мы вернулись по известному Даммкар, с упражнениями по дороге. Это было единственное занятие в условиях высокогорья. Но было очень много солдат, которые пришли в Россию с хорошей альпинистской подготовкой, но не в нашем полку.

— *Какое оружие вы изучали в школе?*

— 9-я тяжелая рота, в которой я воевал, имела на вооружении только тяжелые пулеметы — пулеметы на станке. С начала войны и до начала кавказской кампании был MG-34, потом SMG-42 (S — тяжелый).

— *В каком звании вы были после окончания школы?*

— Егерь, простой солдат. У нас было так: егерь, потом ефрейтор, потом старший ефрейтор. Во второй половине войны я стал старшим егерем. Старший егерь — это унтер-офицер, у него была серебряная петлица.

— *Какая у вас была воинская специальность?*

— До того как я стал унтер-офицером, я был первым номером расчета тяжелого пулемета. Второй номер носил станок. Третий, четвертый, пятый и иногда шестой номера носили боеприпасы.

— *Пулемет был с барабанным или ленточным питанием?*

— Патроны были в ящике, в ленте, лента — 400 патронов — в ящике. Станок в сложенном состоянии был как рюкзак, три ножки раскладывались.

— *Пулемет был надежный? Проблемы с ним были?*

— Проблемы бывают с любым оружием в любой армии. Наш пулемет тоже иногда отказывал, а если долго стрелять без перерыва, то он перегревался. У нас была позиция на Днестре. Ночью русские пытались переправиться на пяти-шести лодках, чтобы занять плацдарм. Я один, вероятно, отстрелял 400 или 600 патронов. Ствол раскалился докрасна, нужно было подождать,

когда он немного остынет, и заменить его запасным. У нас их было один или два и перчатки для замены. Русские были на другом берегу на расстоянии 100–150 метров. Видимо, они увидели раскаленный ствол и дали по мне очередь из пистолета-пулемета, она прошла прямо передо мной.

— *Прицельная дальность пулемета?*

— С SMG-42 я стрелял и попадал на расстоянии 2000 метров. У карабина прицельная дальность была 800 метров.

— *Оптические прицелы на пулеметах использовали?*

— Да, даже на коротких дистанциях. Пробная очередь, и можно было видеть, куда она прошла.

— *Пробный выстрел делали специальным, пристрелочным патроном?*

— Нет, обычный патрон. Во время войны у нас не было никаких специальных патронов. Говорят про эти так называемые дум-дум патроны, но я их никогда не видел. И в Германии, во время обучения, у нас не было снайперских патронов, были только так называемые плоские патроны.

— *Что вы думаете о русских пулеметчиках?*

— Как и у нас, были плохие стрелки, были хорошие. Если бы русские плохо стреляли, у нас не было бы столько потерь. Русских снайперов мы боялись.

— *Вы начали вашу войну в России 22 июня 1941 года?*

— Нет, мы были еще в Польше, стояли во фруктовом саду. Командир роты вечером 21 июня зачитал нам обращение Гитлера. Я подумал, переживу ли я эту войну. 22 июня мы вошли на Украину. В этот день, 22 июня, мы в боях не участвовали, по всей вероятности, мы были в резерве.

У меня есть фото, сделанное в этот день. Далеко впереди мы видели большой взрыв. Говорили, что там взорвался русский склад боеприпасов. Запомнился первый сильный русский артиллерийский обстрел. Он пришелся по месту, где мы еще полчаса назад спали в сене. Деревня, из которой мы только что вышли, была практически уничтожена. Это очень сильно на меня подействовало.

— *Перед началом войны у вас было ощущение, что война неизбежна?*

— Знаете, такой молодой парень не очень соображает, что вообще вокруг происходит. Как молодой человек, я знал только, что никуда убежать я все равно не могу, что я сейчас здесь и что мои товарищи тоже здесь. Мы радостных песен, когда война началась, не пели. И нам всегда говорили, что мы воюем против коммунизма. Начало войны не было большим сюрпризом. Мы видели приготовления и знали, что они ведут к войне. До 1936

года мой отец работал на железной дороге. С приходом Гитлера к власти на воротах его предприятия, где работали 6000 человек, вывесили транспарант: «Это предприятие на 100 процентов состоит в Немецком Трудовом Фронте». А мой отец не вступил. Тогда директор Гольвицер, я знал его виллу на озере, вызвал моего отца и сказал: «Господин Загер, у вас семья и трое детей, подумайте еще раз». Мой отец отказался и был уволен. Он был религиозным, а у них в столовой повесили транспарант, на котором было написано, что попов надо повесить на кишках последних евреев — абсолютно радикальный, антихристианский плакат.

— *Как сложился ваш первый бой?*

— Когда начали стрелять, мне, как молодому человеку, сначала было страшно. Я старался особо не высовывать голову, когда это было не нужно, особенно после того, как на восьмой день войны мой командир взвода, старший фельдфебель, был застрелен в голову, определенно снайпером.

— *Вы тогда знали о приказе о комиссарах?*

— Да, такой приказ был, но я, скорее всего, о нем узнал, только когда вернулся на родину. Комиссаров я видел. У нас был приказ зачистить лес у Копенковата. Наши самолеты разбросали там листовки с предупреждением, что кто не сдастся, тот будет расстрелян. Утром мы зачищали лес, я был простой егерь, возле меня шел товарищ с автоматом. В 20 метрах от нас рос кустарник, который нам показался каким-то ненатуральным. Это был замаскированный окоп. Оттуда раздался выстрел, мой товарищ с автоматом упал мертвый. У фельдфебеля была группа с огнеметами. Они дали струю по этому кустарнику, оттуда выскочил комиссар с одним или двумя солдатами. Тогда этот унтер-офицер его застрелил.

— *В начале войны, на Украине, вы встречались с контрударами русских танков и авиации?*

— Да, мы один раз пережили русскую танковую атаку, когда я был в так называемом передовом дозоре.

Дозор состоял из двух полугусеничных тягачей. В первый раз за долгое время я не шел, а ехал. Мы вырвались на 10 километров вперед. Неожиданно появились 15 русских танков. В качестве укрытия у нас было только хлебное поле. Если бы танки поехали дальше, на это хлебное поле, я бы сейчас вам этого не рассказывал. Хорошо, что с нами был артиллерийский наблюдатель, который вызвал огонь артиллерии, и танки ушли.

— *Налеты русской авиации?*

— Да, когда мы отступали с Кавказа, мы шли по лесам, потому что на дорогах было опасно из-за авиации.

— *А в 1941 году была русская авиация?*

— Нет. С самого начала у немецкой авиации было существенное преимущество.

— *Вы стреляли по самолетам?*

— Да, я могу вспомнить. Это было во время наступления, мы шли по очень пыльной дороге. Полк шел колоннами, как в мирное время, не рассредоточившись. Прилетели самолеты, и мы от них отбивались только нашим стрелковым оружием. Был такой случай на зимней позиции на реке Миус, восточнее Сталино, зимой 1941 года летел большой русский бомбардировщик и 3 или 4 самолета сопровождения. И два русских самолета столкнулись. Я сам видел.

— *Зимой 41-го вы получили зимнее обмундирование?*

— Теплой одежды не хватало. У меня была только зимняя шинель. Уже к весне мы получили хорошую зимнюю одежду. Гитлер думал, что он будет в Москве еще до начала зимы. Этого не произошло, хотя немецкие генералы его, по всей видимости, заранее предупреждали. Мы, конечно, мерзли. Я от холода получил воспаление почек. Меня отвезли в госпиталь в Сталино. Врач в лазарете мне сказал, что, если бы меня привезли на день позже, со мной было бы то же самое, что с товарищем, который вчера умер. Через три или четыре недели меня выписали. Условия в лазарете были крайне примитивные. Это был простейший бункер, туда надо было вползать, там воняло, и было очень сыро.

— *У вас были ХИВИ? Когда они появились?*

— Да. Я не помню, чтобы они были у нас в роте. Как я уже рассказывал, русские пленные выносили раненых немцев. В плену, работая в шахте, я встретил одного русского, который мне рассказал, что был ХИВИ. От него я, собственно, и узнал об их существовании. Он не был nachalnik, но у нас был начальником группы.

— *Были перебежчики с русской стороны?*

— Только единичные случаи. Массовая сдача в плен была только, когда мы окружили русских под Уманью. Те, кто ночью пытался прорваться у Копенковата, были расстреляны из противотанковых пушек.

— *Что вы думали о вашем противнике, о русских в целом?*

— Я думал, что они точно такие же бедные свиньи, как мы. Мы должны были подчиняться приказам. Понятно, что, чем воевать, русские лучше бы сидели на своих datchka, но приказ есть приказ.

— *А боевые качества? Они были храбрые, трусливые, жестокие?*

— В целом трудно сказать. Были некоторые, которые позволяли себе всякие гусарские штуки, чтобы их наградили. У нас тоже такие были. В целом нельзя сказать, что русские в своей массе были очень воодушевлены войной. Возможно, к концу войны у них было по-другому, потому что они уже знали, чем дело закончится.

— *Самое опасное русское оружие?*

— Я думаю, что минометы. От них очень тяжело было защититься. Как-то раз мы расположились за сеновалом, думали, что нам ничего не угрожает, и тут прилетело… И сталинский орган.

— *Вы сами попадали под сталинский орган?*

— Да, один раз. Я думал, что это мой последний час. Это было недалеко от Мишкольц, в Венгрии. Мы только пришли на эту позицию и только начали окапываться. Один товарищ уже вырыл щель, и когда сталинский орган нас накрыл, он туда прыгнул, а я прыгнул на него. Слава богу, они промазали на 200 метров.

— *У вас были прозвища для русского оружия?*

— У русских была маленькая пушка, очень быстрая, мы ее называли ратш-бум. Ночью летал маленький самолет, у нас говорили, что он бомбы руками сбрасывает, мы его называли кофемолка. Он был очень опасный. Даже если вы на расстоянии 2–3 километра от фронта и зажгли сигарету — через очень короткое время рядом разорвется бомба. Они не давали отдыхать. Ты никогда не знаешь, упадет ли следующая бомба прямо в тебя или нет. Потери от них местами были, но оружием, решившим исход войны, они точно не были.

— *У вас было личное оружие?*

— Нет. Я у русского офицера в окружении взял маленький пистолет, в коричневой кобуре на ремне. Еще я у него взял перископ. Потом я его потерял. Пистолет я как-то хотел взять с собой в разведку, но обнаружил, что в нем нет патронов.

— *Вы использовали русское оружие?*

— Нет. У нас были наши пулеметы и МР — пистолеты-пулеметы. Моих товарищей я никогда не видел с русским оружием.

— *Еще какие-нибудь трофеи были? Водка?*

— Нет, ничего. Продукты мы иногда брали, да. На Кавказе, я был в разведке, мы выбили русских из ущелья, у них там, в укрытии, на костре был котел с супом, хлеб, сахар. О стрельбе мы сразу думать перестали, забрали хлеб и сахар, а суп вылили, чтобы русским жизнь медом не казалась. Тут русские атаковали, и мы удрали.

— *Вам давали водку?*

— У нас был так называемый маркитантский ларек, в котором продавали шоколад, кексы, французский коньяк и так далее. Такие веши нам давали до конца войны, не каждый день. Когда были тихие дни, что-то такое мы получали. Я не помню, чтобы там была водка, немецкая армия получала французский трехзвездочный коньяк, одна бутылка на пять человек. Коньяк был всякий раз разный. Если мы четыре-пять дней стояли на одном месте и было тихо, мы отходили назад, чтобы помыться, и там снабжение выдавало такие вещи.

— *Как было с санитарией, были ли вши?*

— Мы неделями носили одни и те же рубашки и одно и то же нижнее белье. В зависимости от времени года и местности, можно было помыться в реке. Зимой было, конечно, очень плохо. Зимой 1941 года на Миус-фронте наша рота, на расстоянии 2–3 километров от линии фронта, построила сауну. Там был котел, горячие камни и так далее. Иногда, когда было тихо, была возможность сдать старое и получить новое белье. Униформа была все время одна и та же, только зимой 1943 года мы получили анораки и другие брюки.

— *Вши были?*

— Вши были. Это было неизбежно, если неделями не менять белье и нормально не мыться. Именно поэтому я заболел сыпным тифом. Мы были в маленьком доме и спали на полу, на соломе. У людей, которые там были до того, уже был сыпной тиф, и через вшей они нас заразили. В русском плену у нас тоже были вши, мы раздевались догола и их давили. Или выжигали спичками. Иногда мы получали порошок против вшей. В январе — феврале 1943 года, на Кавказе, мы получали порошок против вшей, но он больше чесался, чем помогал. Обоняние у нас уже не работало, я не помню, как он пах.

— *Офицеры на фронте требовали соблюдения формы одежды?*

— Нет, собственно, нет. Я не могу вспомнить, чтобы был какой-то контроль за бельем или что-то такое. В Германии, во время обучения, во время длинных маршей, было так называемое «облегчение», когда разрешали расстегнуть верхнюю пуговицу. В России это, конечно, никого не волновало, даже начальники, фельдфебели и обер-фельдфебели ходили расстегнутые.

— *Русские ветераны говорят, что во время войны они знали, что или ты убьешь, или тебя убьют. У вас было такое же чувство?*

— Прямо так нет. Конечно, мы знали, что, если я не выстрелю, выстрелит он. Но так прямо, чтобы стоять друг против

друга и говорить, я стреляю, чтобы я жил, а ты умер, — нет, так прямо не было.

— Вы относились к войне как к работе, к долгу или, может быть, как к приключению?

— Приключением для меня это точно не было. Я, как солдат, просто принял войну как данность, потому что других возможностей все равно не было. Я выступал здесь, в Мюнхене, в школах перед подростками, и когда меня спрашивали, почему я куда-нибудь не убежал, я мог только ответить, что тогда я бы перед ними не стоял. И если бы я, как солдат, дезертировал, меня бы или расстреляли, или меня бы долгое время мучила совесть. Были многие, которые уже после начала войны пошли добровольцами. У меня, хотя война была для меня принудительной, был определенный долг перед родиной. Я, кстати, почти единственный из товарищей не приносил присягу. Представьте, март 1941 года, залитая солнцем долина в Гармише, снег блестит, мы стоим больше часа, слушаем речи наших офицеров и национал-социалистических деятелей. Тут у меня потемнело в глазах, я потерял сознание. Товарищи меня подхватили и отнесли в палатку, в санчасть. Там уже лежали двое или трое. И пока снаружи все приносили присягу вождю Адольфу Гитлеру, я лежал в палатке. Но я должен добавить, что, хотя я не приносил присягу, свой солдатский долг я выполнил. Как и русские солдаты.

— Кто выбирал позицию для пулемета, вы сами или начальник?

— Начальник. Это всегда был командир отделения, старший ефрейтор или старший егерь, унтер-офицер. Чаще всего он также указывал цель. Не просто цель, но и данные для стрельбы, расстояние и т. д. После этого я, как первый номер расчета, прицеливался, и он командовал открыть огонь. Мы сами не могли просто палить куда угодно.

— Ночью часто вели огонь?

— Да, довольно часто. Например, на Кавказе у нас была позиция на возвышенности, нам показалось, что там какой-то шорох, мы открыли огонь. Русских мы не видели, они не стреляли, но ночью нельзя никого подпускать близко.

— Вы сталкивались с русской разведкой, которая ночью ходила за «языком»?

— И на русской, и на немецкой стороне ночью ходили разведывательные группы. Их было много. Очень часто русские нападали на немецких солдат в их окопах, наоборот тоже. Именно в нашей роте таких случаев я не помню, но я постоянно об этом слышал.

— *У вас в роте были снайперы?*

— У нас, в пулеметной роте, снайперов не было. У нас в дивизии группы снайперов точно были. Их применяли в зависимости от ситуации. Например, если докладывали о русском снайпере, командир группы снайперов получал приказ отключить русского снайпера.

— *А вы персонально переживали встречи с русскими снайперами?*

— Это было у Днестра. Мне лично, я в этом уверен, снайпер сбил горную шапку. Этого снайпера я, конечно, не видел. Я спускался бегом с холма к реке, деревьев там не было, в кустах у реки у русских был маленький плацдарм. Я тогда нес не тяжелый пулемет, а обычный. Я думал, что вот сейчас надо спрятаться, нельзя долго бежать по открытому месту. Я спрыгнул в яму, и в момент, когда я летел в яму, я услышал «патч!», и моя шапка отлетела в сторону. Я ее подобрал, и на внутренней стороне шапки была прядь моих волос, шапку мне сбили с волосами.

— *Была ли разница в подготовке у пополнения, которое приходило в начале и в конце войны?*

— Старые зайцы, которые воевали с самого начала, всегда знали, как себя защитить и как себя вести. Когда приходило пополнение молодых товарищей, они должны были быть очень осторожны, но их все равно иногда убивали. Подготовка у них была, опыта не хватало.

— *Отношение к войне у пополнения, которое приходило во второй половине войны?*

— Когда они приходили, им нельзя было залезть в голову. Но я могу представить, что они дома каждый день слышали и видели, что каждый день так много товарищей из их района или города пали или были ранены. С криками «ура!» они не приходили, это точно. Но что касается подготовки, в целом она была одинакова.

— *Какой был средний возраст у вас в роте?*

— Сначала были еще старые товарищи, которые воевали во Франции и Югославии, им бˆшо под 30, мне было 19, и я считался молодым. Чем позже, тем моложе становились проходившие на фронт товарищи. Известно, что 15-летних призывали.

— *Вы деньги получали?*

— Да, но я их никогда не видел. Я после войны даже думал, куда делись эти деньги. Насколько я знаю, деньги приходили мне на счет на родине. Война кончилась, деньги исчезли, я их никогда не видел.

— *Когда вы поняли, что война проиграна?*

— «Поняли» — это не то слово. Мы это почувствовали,

пережили, что война проиірана. В течение войны, когда мы отступали, отступали и отступали. Мы видели все эти разрушения, и я очень надеялся, что все это переживу.

— *Русские ветераны говорят, что начиная с 1943 года немцы стали не те, стали другими. Что вы можете сказать по этому поводу?*

— Я могу сказать, почему я лично продолжал воевать, хотя я знал, чувствовал, что война проиграна. У нас не было боеприпасов, а у русских были сотни орудий, но мы сражались дальше, мы держались потому, что знали, что в Германии сотни тысяч беженцев, и мы не хотели большевизма и не хотели попасть в руки русских солдат. Это была главная причина, почему мы воевали до конца. Нам было известно, что многие русские насиловали женщин. Мы были на опушке леса возле Тропау, 200 метров от первых домов, женщины кричали и кричали. Мы знали, что туда вошли русские танки, и там многое происходит.

— *Когда вы поняли, что война закончилась, что-то в вашем поведении изменилось?*

— Да, в момент, когда война для меня закончилась, у меня внутри что-то развязалось, это было уже в первые часы или дни в плену. Внутри я был рад, я бы даже сказал, счастлив, что больше не стреляют, что больше не надо бояться, что больше не надо зарываться в землю. Я в тот момент даже не думал, что я в плену, сам факт того, что война закончилась, был внутренним освобождением.

— *Когда вы поняли, что война проиграна, что-то в вашем поведении изменилось?*

— Надежда у всех была. Чувство, внутренняя просьба, чтобы сейчас, когда война заканчивается, ничего больше со мной не случилось, определенно было у многих. Многие пытались в момент капитуляции оказаться на родине, в границах Германии, но это было невозможно, потому что русские уже почти все окружили.

— *Чего вы боялись больше всего — погибнуть, быть раненым или попасть в плен?*

— Когда мы отступали, когда все время были очень тяжелые бои, когда в любой момент тебя могли ранить или убить, времени об этом думать не было.

— *А когда вы наступали?*

— Были ситуации, когда было страшно, во время сильного артиллерийского или минометного огня. Тогда всем страшно, а если кто-то говорит, что не страшно, то там что-то не так.

— *Какие вы получили награды за войну?*

— Да, я получил несколько. Я три раза был легко ранен —

получил знак за ранения. За окружение Умань — Винница ЕК2, Железный крест второго класса. За зимнюю кампанию на Миусе «мороженое мясо». Потом я получил пехотную атаку. Потом знак «ближний бой», на Кавказе в лесу был ближний бой, на расстоянии нескольких метров мы столкнулись с русскими. Этот знак давали, как говорят, «если ты видел белок в глазах врага». В марте 1945-го, прямо перед концом войны, я получил Железный крест первого класса за разведку. Я уточнил нахождение немецких позиций, и мы смогли соединиться. Во время этой разведки меня обстреляли. У меня карманы брюк были забиты боеприпасами. Боеприпасов не хватало, и, когда они были, мы ими забивали все, что можно. У меня боеприпасы были в нагрудных карманах и в карманах брюк. Пуля попала в карман брюк, набитый патронами. Патроны разлетелись, а у меня было только три или четыре осколка в ноге, которые я сразу вытащил. Это уже была моя вторая разведка, и мне дали ЕК1.

— *Как вы хоронили убитых?*

— Очень по-разному. Если было большое сражение, то могло случиться так, что мы не могли всех похоронить. Когда мы наступали, мы видели очень много непохороненных русских. Иногда, на Кавказе, мы хоронили в могилах глубиной 40 сантиметров, потому что там были скалы. На Украине было по-другому, там была хорошая, глубокая земля, там мы копали могилы больше метра глубиной. Но так, как сейчас в Германии, когда могилы обычно 2 метра, мы не хоронили, времени никогда не было. Обычно ставили крест, сначала еще ставили стальную каску погибшего и цветы. Потом, на Кавказе, когда мы отступали, мы не делали холм над могилой, потому что мы узнали, что русские часто раскапывают могилы в поиске обручальных колец и всего такого. Мы со своих павших все ценные веши снимали.

— *Вы участвовали в рукопашных боях?*

— Первый номер расчета тяжелого пулемета нечасто попадет в такие ситуации. У меня такого не было.

— *Говорят, что в лагерях военнопленных довольно быстро устанавливалась немецкая администрация, и главную роль там играли солдаты, попавшие в плен под Сталинградом. У вас в лагере такое было?*

— У нас в лагере было так, что офицеры были вместе с нами в лагере, они не были отделены. У нас в лагере, как в Кишиневе, так и в Сталино, я не замечал никакой группы плененных под Сталинградом. В лагере в Сталино офицеры получали немного лучшее снабжение. В Кишиневе такого не было, со мной на одних нарах спал артиллерийский капитан из Парижа, который там великолепно жил, а сейчас у него, по сравнению со мной, не было

никаких преимуществ.

— *Какая-то иерархия в лагере была?*

— Да. Портные, повара, комендант лагеря, переводчик, переплетчик, столяры, слесари, банщики — они были в привилегированном положении.

— *Вы сами фотографировали?*

— Да, я сам долгое время фотографировал. В 1944 году русские захватили наш обоз за линией фронта, в повозке были наши рюкзаки, и там был мой фотоаппарат. После этого у меня не было фотоаппарата, я не фотографировал.

Во время войны у меня была подруга по переписке. Она мне в Россию прислала 250 писем. Я эти письма послал домой родителям, чтобы они их сохранили. Они их брали с собой в бомбоубежище, чтобы они не пропали. Когда я вернулся домой, я их нашел. Эта девушка мой рукописный дневник, который я ей посылал, перепечатывала на печатной машинке. Мой учитель, у которого я учился на переплетчика, переплел мне четыре книги.

Эрт Зигфрид (Ehrt, Siegfried)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

Зигфрид Эрт

— Я родился в 1922 году в Саксонской Швейцарии, южнее Дрездена, у чешской границы, вырос в окрестностях Дрездена, ходил в школу, потом в старшую школу, сдал экзамены на право поступления в университет, а в октябре 1940 года пошел добровольцем в армию, в горные егеря.

— *Перед началом войны у вас было ощущение, что война вот-вот начнется?*

— В воздухе витало напряжение. Мы не думали, что война начнется, но выглядело так, что война мимо не пройдет.

— Как вы персонально восприняли начало войны? Вы были рады, вы боялись?

— Персональное отношение — это хороший вопрос. Мы были солдаты, которые выполняют приказ. Приказали вступить в бой, значит, так оно и надо. Если ты стал солдатом и начинается война, то вопроса, хочешь ты или не хочешь воевать, не возникает. Мы думали, что война быстро закончится. После наших успехов во Франции и в других местах мы не думали, что она долго продлится.

Я воевал в третьей горнострелковой дивизии, которой командовал генерал-полковник Дитль. 22 июня 1941 года мы маршировали по Финляндии по направлению к финско-русской границе. Продвигались походным порядком до района нападения на русской границе. На Арктическом фронте, насколько я знаю, война началась на неделю позже, чем на Восточном фронте, в Польше. Потом напали вместе с финнами. Мы наступали из Финляндии в направлении Мурманска.

— Каким был первый бой?

— Бой для нас, молодых людей, был очень тяжелым. Мы получили горький опыт потерь, но это была война.

— Как вы в тот момент оценивали противника?

— Это очень тяжелый вопрос. Противника мы очень редко видели, но мы знали, что он воюет, стреляет и, точно так же как мы, старается добиться своих целей. Первые встречи? Ну, какие у нас тогда были встречи с русскими — никакие. Мы знали, что русские нетребовательны, хорошо ориентируются и передвигаются на местности. Я не видел ни массовых сдач в плен, ни перебежчиков, а я воевал не только у самого Северного Ледовитого океана, но и в районе Салла — Кестеньга — Куусамо. Там были вековые леса, тайга, и русские там очень хорошо воевали.

— Что в тот момент было самым трудным противником — артиллерия, танки, авиация?

— Бороться тяжелее всего было с природой. Что касается авиации, то один раз к нам прилетел русский штурмовик, «рата». Мы спрятались в расщелине скалы.

Он попытался нас обстрелять, но мы уже перешли на другую сторону скалы.

Точно так же делали русские солдаты. Это опыт.

— Как долго вы в первый раз были на фронте, до того как вас отозвали в школу?

— С июня по ноябрь.

Когда фронт остановился на реке Лица, меня отозвали в военную школу в Потсдам. Там я учился три месяца. Изучал все, что положено знать офицеру — горному стрелку: тактику, руководство подразделением и так далее. В феврале 1942 года мне присвоили звание лейтенант. В мае — июне я вернулся свой в 139-й полк «Нарвик». Третья горная дивизия после тяжелых боев на севере была расформирована. Генерал Дитль сохранил только 139-й полк горных егерей в качестве армейского резерва. С Крита на Арктический фронт пришла шестая горная дивизия генерала Шорнера. Наш полк перебросили в Кестиньгу.

Сначала я был назначен командиром взвода, а это тридцать человек в подчинении, потом стал командиром роты. Ротой я командовал до конца войны, который для меня наступил в октябре 1944-го.

— *По вашему мнению, почему вы не дошли до Мурманска?*

— Очень просто. Дорога была проложена от Мурманска до Титовки, а дальше, примерно 30 километров до границы, не было вообще никаких дорог. Эту полосу не только нужно было пройти, но и организовать снабжение войск — боеприпасы, продовольствие, все через эту полосу протащить. Это можно было бы сделать на вьючных животных или проложить дорогу для колесных машин. Для этого у нас не было сил. Если бы у нас были еще одна-две дивизии, то при определенных обстоятельствах, думаю, мы смогли бы выйти к кировской дороге.

— *Осенью 1941 года вы получили зимнюю одежду?*

— Мы никакой зимней одежды не получали. Позже мы выяснили, что наша зимняя одежда была отправлена в Африку. Sabotage. В Германии был большой торговый дом Хуго Неккерманн, он в сентябре — октябре 1941-го разработал и изготовил зимнюю одежду для немецких солдат. Но в войска она не поступила.

— *Как вы спасались от холода?*

— Ну как спасались, шинели одевали, бумагу засовывали в ботинки и обматывали вокруг ног. Несколько комплектов белья одевали. Чем больше слоев одежды, тем больше между ними воздуха и тем теплее. Трое легких брюк всегда лучше, чем одни толстые. Когда я был в плену, в октябре — ноябре выдавали валенки. Они лежали штабелями. Перед ними стояла толпа, и каждый вожделел пару valenki. А перед пунктом выдачи был огромный рынок обмена — все меняли на подходящие по размеру. То же самое делали с меховыми шапками.

— Вы снимали одежду с убитых?

— Нет. Их хоронили в одежде. Точно так же мы хоронили русских солдат.

На службе

— Как вы восприняли поражение под Москвой?

— Никак.

Фронт в 1941 году остановился. Но каждый год или одна или другая сторона начинала большое наступление. Фронт удлинялся на два или три километра в ту или другую сторону, но ни у одной из сторон не было сил продолжать наступление, и все опять замирало. На юге, в районе вековых лесов, дорог нет, болота и леса. Если я хочу обойти противника, сначала надо строить дороги, или не будет снабжения. А для этого нужны ресурсы. Мы от Саала наступали до Алакуртги. В принципе оттуда оставалось всего несколько километров до железной дороги на Мурманск, но мы до нее так и не дошли. Мой школьный товарищ был пилотом «штуки». Он много раз бомбил железную дорогу и попадал. Но в течение всего нескольких часов ее опять восстанавливали.

— Насколько вы, горные егеря, были подготовлены вести войну в лесных условиях?

— Мы были абсолютно не готовы. Хотя труднодоступная

местность — это для горных егерей, но воевать в лесу мы не умели. Финны — это лесные воины. У них была тактика «мотти», разработанная в 1939 году, во время русского нападения на Финляндию. Тогда финны научились сражаться в лесу, не держать фронт, а нападать с флангов, избегая лобовых атак.

— *У вас были финские проводники?*

— Редко. В батальоне был финский связной офицер. Мы вместе работали, но у них было собственное командование и были договоренности на уровне руководства. Они атаковали рядом одновременно с нами, но мы никогда не воевали вместе.

— *Советские войска часто засылали в тыл диверсионные группы, 30–60 человек, для атаки опорных пунктов. Делала ли что-то подобное немецкая сторона?*

— Мы так не делали. Иногда посылали разведку, но небольшими подразделениями. Я лично никогда в разведку не ходил.

— *Какие боевые задачи обычно были у вашей роты?*

— Ну, какие задачи? Атаковать, достигать поставленных целей — высоты брать, через реки переправляться.

На севере, у Северного Ледовитого океана, в бухте Питкевоно, высадилась русская разведывательная группа и хотела оттуда зайти на наши позиции. Меня с моим взводом ввели в бой. Мы атаковали, спустились в какое-то ущелье, там мне стало ясно, что дальше мы не пройдем, потому что нас все время обстреливает русская артиллерия на побережье у Пуманки. У меня там была перестрелка с двумя русскими. Они лежали на расстоянии 200 метров, за скалой, я лежал на другой стороне, тоже за скалой, и мы стреляли в друг друга из автоматов. Точно прицелиться было невозможно, потому что и я, и они были очень быстрыми. Позже мы установили, что там была большая группа из 72 морских пехотинцев. Мы ввели в бой целый батальон, чтобы эту группу снова скинуть в море. За ними пришли русские корабли, но мы им этого сделать не дали и взяли в плен несколько русских. Мертвых тоже было много.

— *В Варангер-фьорде высаживалось много русских радистов для слежения за конвоями, вы принимали участие в их поиске?*

— Да, высаживались, но мы ими не занимались.

— *Вы слышали о разведгруппе штаба советского флота?*

— Нет. О таких вещах я только читал в книге Чудова, он был наш непосредственный противник. Тогда у нас не было никакой информации.

— *Вы участвовали в боях против морских десантов в Мотовском заливе?*

— Нет, у нас была тихая позиция, на горе. Нам иногда

сообщали, что была русская разведывательная группа, ее скинули обратно в море. В бухте Лица после войны базировался русский атомный флот. В 2002 году, когда было переосвящение солдатского кладбища в Луостаари, мы хотели посетить места боев, нам это не удалось.

— *Какое было отношение к генералу Дитлю?*

— Каждый год 9 апреля генерал Дитль приезжал к нам в полк, был общий праздник. Кроме того, мы Рождество вместе отмечали. Так что знали его лично. Часто мы его не видели, но мы знали, что он на месте, и если что-то происходило, он был немедленно с нами.

— *Как вы восприняли покушение на Гитлера?*

— 20 июля было для нас разочарованием. Как мог немецкий офицер заложить бомбу, чтобы добиться должности, при этом убежать? Те, кто стоял там вокруг стола, ему были до лампочки. Сегодня говорят о господине Штауфенберге, которого расстреляли, но не про тех, кого он там убил. У господина Штауфенберга была одна рука, он мог стрелять, но он заложил бомбу и убежал. Мы, по крайней мере, в нашей части, это событие уж никак не поддерживали. По крайней мере, когда такие дела делают, надо, чтобы они получались. Самому надо было стрелять, а не закладывать бомбу и убегать, чтобы гарантированно убить, если уж на то пошло.

— *После этого покушения в вермахте что-то поменялось, с партийно-идеологической точки зрения?*

— Нет. В общем, ничего. Может быть, на высших уровнях что-то поменялось, но у нас, внизу, ничего.

— *Как вы получали информацию на фронте, у вас были газеты или радио?*

— На фронте у нас были газеты и радио. В плену ничего не было, новости были только от антифашистов.

— *Где вы жили на фронте?*

— Как говорится по-немецки, в «служебных помещениях». Это могла быть палатка, это мог быть барак, если это было расположение части, это могла быть землянка, в зависимости от обстоятельств.

— *Когда вы были солдатом, какое у вас было оружие?*

— Карабин. И штык. Больше ничего.

— *Ручные гранаты?*

— Нет, обычно их не было, их выдавали в определенных случаях перед боем. И у боевого охранения на фронте всегда были. Если часовой что-то замечает, он кидает туда гранату.

— *Что вы можете сказать о карабине?*

— Это было оружие для прицельной стрельбы. Нельзя было

просто палить во все стороны. Надо было смотреть, искать цели при каждом выстреле. С пистолетом-пулеметом совсем по-другому, там внизу магазин, нажал — и тра-та-та. А карабин — это охотничье оружие, боеприпасов мало, при каждом выстреле надо целиться.

— *Обычный русский пистолет-пулемет, ППШ, не брали?*

— Они тоже были. В каждом отделении у нас был легкий пулемет. Позже у нас были немецкие штурмовые винтовки и немецкие пулеметы. Они стреляли существенно быстрее, но расходовали существенно больше боеприпасов. Позже я работал логистиком, и я знаю, что исход битвы решается не только войсками на фронте, но и снабжением, которое придет позже, боеприпасами и продовольствием. Если ничего нет, то они там, впереди, будут стоять и ничего не смогут сделать.

— *Когда вы стали лейтенантом, какое оружие у вас было?*

— Пистолет. В бою — немецкий пистолет-пулемет. Он был надежный и легкий. У меня в конце войны был легкий русский пистолет-пулемет, не знаю, где я его взял, без барабана, со складным прикладом. Он был хороший.

— *Что можете сказать о немецком пулемете?*

— Немецкий пулемет, который у нас был сначала, MG-34, был надежный. Его было легко обслуживать, хотя, конечно, надо было иметь опыт. Русский пулемет был еще с водяным охлаждением, с ним было тяжелее.

— *Пользовались ли камуфляжем?*

— Нет.

— *Вы чему-нибудь учились у противника?*

— Воевать в тайге, прятаться в ветвях или в траве, перемещаться на открытой местности — солдаты этому быстро учились. Приспосабливаться и использовать местность. Еще мы выучили, что если враг прорвался через нашу позицию, то бесполезно стрелять сзади ему в спину. Надо отходить и заходить ему во фланг. У меня была ситуация у Северного Ледовитого океана. Вечером наш батальон атаковал, одна наша рота прорвала русские позиции, тогда русские солдаты втиснулись в расщелины в скалах и, если была возможность, сверху расщелин клали трупы, чтобы там удержаться. И когда мы прошли дальше, они стреляли нам в спину. Такого нельзя делать. Когда мы шли вперед, нашим людям приходилось переворачивать каждый труп, чтобы проверить, мертвый он или нет. Это эмоционально было очень тяжело. Мой товарищ из военной школы, с которым я начинал войну, при этом погиб.

— *Вы участвовали в рукопашных боях?*

— Нет.

— *Самый страшный эпизод, который вы пережили на войне?*

— Я не знаю. В Грязовце зимой, при 25–30 градусах мороза, мы должны были идти в лес и укладывать в штабеля стволы деревьев, которые срубили русские рабочие. Это было очень тяжело. Не было сил, не было инструментов, лошадей, ничего, только люди. Это было, конечно, очень тяжелое время, но мы это пережили.

— *Вы получали деньги за участие в военных действиях?*

— Нам платили нашу военную зарплату, как всем нормальным солдатам, каждые десять дней. Мы даже рубли получали. У нас были деньги, можно было что-то купить в тылу. Были буфеты, но нам ничего не было нужно. Там, на севере, в Лапландии, никого нет, только олени. Офицерская зарплата перечислялась на счет на родине. Из этих денег я ничего не получил, была денежная реформа, деньги исчезли.

— *Вы использовали оленей для транспортировки грузов?*

— Мы нет. Сани на оленях были в обозе. Собачьи упряжки тоже были.

— *Ходить на лыжах вы умели до войны?*

— Конечно.

— *Какие у вас были отношения с СС?*

— Мне повезло, что я не был в Ваффен СС. Нельзя забывать, что Ваффен СС были точно такие же солдаты, как вермахт. Части вермахта знали, что если рядом воюет часть Ваффен СС, то они в безопасности, с ними ничего не случится. Это были действительно отборные солдаты. Я персонально никогда не видел, чтобы была какая-то вражда между солдатами. Что могло происходить, так это со службами безопасности, которые работали в тылу с полуполицейскими функциями и так далее, там могли быть сложности, потому что у них были другие задания, и вели себя они тоже по-другому. Армейские командиры, которые были в прифронтовом тылу, иногда имели стычки с этими службами безопасности, но с Ваффен СС ничего такого не было. Я персонально никогда не видел.

— *Были задачи по преследованию групп советских разведчиков?*

— Нет.

— У *вас были ХИВИ?*

— У меня не было, но я знаю, что они были в большом количестве. Пленных русских солдат тоже, я бы сказал, утруждали не сидеть в лагере при хоть каком-то хлебе и воде, но и что-то делать, чтобы нам помочь, и при этом получать лучшую еду.

— *Вы были суеверны?*

— Нет. Пятница 13-е мне совсем не мешает.

— *Вы верили, что переживете войну?*

— Я об этом никогда не думал.

— *О чем вы разговаривали с товарищами?*

— Обсуждали поведение отдельных товарищей, что они делали. Как наступать, что вообще делать. Смерть, да, это может быть. Пережить войну, ну да, тоже может быть, тогда будем жить дальше. Только самому не сдаваться.

— *Алкоголь давали?*

— Нет. На Рождество и другие праздники мы получали вино из Коринтии, это земля в Австрии, потому что наша дивизия там базировалась. В обычном рационе алкоголя не было.

— *Отпуска?*

— Отпуска в плане были, конечно. Для тех, кто был на Арктическом фронте, один раз в году, четыре недели. Но надо учитывать дорогу. С фронта до дороги пешком, потом на машине 600 километров до Рованьеми, оттуда на поезде до южной Финляндии, оттуда на корабле в Германию, Штральзунд, оттуда опять на поезде до дома. Это занимало по меньшей мере от одной до полутора недель. И потом опять обратно. Потом три недели отпуск, в целом человек отсутствовал два месяца. В 1944 году я должен был поехать в отпуск на три недели. Я доехал до Хангюе, это в южной Финляндии, там мы получили сообщение, что русские там, на севере, у Кестеньги, прорвались, и все должны ехать обратно. На этом отпуск 1944 года для меня закончился.

— *В октябре 1944 года вы знали, что начинается советское наступление?*

— Мы, разумеется, знали в целом ситуацию на Восточном фронте. И, разумеется, после того, как финны 1 сентября заключили мир с русскими, мы понимали, что что-то будет. Русские, со своей стороны, очень четко контролировали, чтобы финны соблюдали все условия мирного договора. По этому договору финны имели обязательство на нас напасть, а если они этого не делают, то им Красная Армия помогла бы. Финны знали, что если русские придут, то добром для них это не кончится, поэтому они выполняли договор. Мы отступили до Кеми. Там я с моей ротой не успел перейти мост, был окружен. Рота сражалась до конца. Никто не дезертировал, но внезапно наступил конец. Мы больше не могли воевать, мы лежали в окопе, сверху были финны, сбоку были финны, слева было море, что нам было делать? Все, наступил конец. Меня допрашивал русский полковник, русский старший лейтенант переводил на финский, а финский лейтенант — на немецкий. Что получалось в результате этих переводов, я представить не могу. После допроса меня

отвели в лагерь. Через 14 дней нас погрузили и повезли в южную Финляндию. По дороге, между южной Финляндией и Выборгом, в наше купе, где находились 11 офицеров, пришел финский капитан. Сказал, что, если мы хотим, у нас есть последняя возможность написать домой и передать ценные вещи, он позаботится, чтобы они через Красный Крест были отправлены в Германию. Он предупредил, что у нас, вероятно, долгое время не будет возможности дать о себе знать. Тогда мы поняли, куда мы едем. Письмо, которое я тогда написал, пришло ко мне домой в 1950 году, когда я уже вернулся из плена. В Выборге, то есть на новой русско-финской границе, финские солдаты вышли, зашли русские и приняли командование. Нас вывели из вагонов и отвели в концертный зал, где мы переночевали. Один немецкий моряк, который также был выдан русским, начал рассказывать русскому капитану, что он коммунист, что его заставили воевать. Он предъявил партбилет немецкой коммунистической партии, но капитан дал ему этим партбилетом по уху. На следующее утро нам сказали все вещи сложить в рюкзаки, мы идем в banja. Помылись, и после banja получили рюкзаки обратно. Из зала стали забирать по шесть человек в вестибюль. Сначала солдат, потом офицеров. Каждый вставал перед русским солдатом и сдавал все, что у него было в карманах, — бритвы, документы, часы, кольца — все складывалось в огромную кучу. Это было «освобождение». Я сохранил часы, спрятав их в ботинок. Потом были лагеря Борвцы, Грязовец, офицерский лагерь номер 1050, потом я был в Плоском в бригаде, которая работала вне лагеря. Там провел полтора года, работая в поле. Как-то раз мы косили овес, который на несколько сантиметров возвышался над слоем снега. Зато агроном смог доложить, что урожай собран. Можно сказать, что там было очень мило… в своем роде. Ставили столбы освещения при минус 20. Это очень просто. Три человека целый день ломами копают яму 80 сантиметров в глубину. Потом туда опускают столб, немного земли, заливают водой, и все, он стоит прямо до весны. Ну а весной они стояли, наклонившись в разные стороны. У меня много таких историй, я их иногда рассказываю своим детям. В мае 1948 года я был в лагере в Горьком, на автомобильном заводе «Молотов», там мы в основном разбирали завалы. В 1970 году я работал в министерстве в Бонне и встретил там одного капитан-лейтенанта, он был военным летчиком и рассказал, что они бомбили автомобильный завод «Молотов». Тогда я сказал, что я за ним потом разбирал завалы.

— *Чего вы боялись больше всего: быть убитым, раненым или попасть в плен?*

— Больше всего боялись раненым попасть в плен. Солдат

может погибнуть, с этим надо считаться. Из опыта нам было известно, что если пленный немецкий солдат дошел до штаба русского полка — тогда он выжил, но по дороге в штаб русского полка была опасность, что его застрелят при попытке к бегству. Мы, плененные в Финляндии, с этим не сталкивались. Мы точно знали, что Красный Крест зарегистрировал имена всех, кого финны передали русским, поэтому русские нас не расстреляют.

— *Как вы относились к комитету «Свободная Германия» и к антифашистскому движению?*

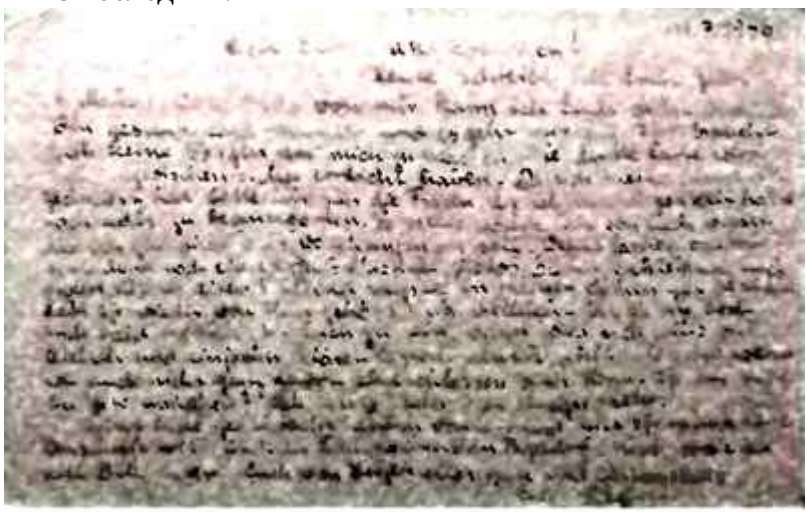
— Были те, кто поддерживал комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, были и те, кто их не поддерживал. Я был с теми, кто не поддерживал. В самом начале моей жизни в плену, в одном лагере, мы встретили группу немцев в основном в русской униформе. Они назывались как-то вроде «Немецкая освободительная армия». Я помню, что один из них был одет в немецкую униформу без знаков различия, но с русскими красными нашивками за ранения. Для нас это были предатели, абсолютно однозначно. Большинство пленных немецких солдат считали, что, пока идет война, нельзя просто так перепрыгнуть на другую сторону.

Когда мы пришли в русский плен, мы должны были надеть и носить наши ордена. В офицерском лагере военнопленных номер 1050 под Вологдой было примерно 1500 офицеров, в основном с Центрального фронта. Среди них было два летчика-аса, оба были награждены Рыцарскими крестами с дубовыми листьями. Один из них написал большую статью про великолепную красную авиацию, при том что сам сбил очень значительное количество русских самолетов. В 1946–1947 годах был приказ все немецкие ордена сдать. Некоторые сдали, а некоторые припрятали. Тот, что статью написал, пошел в русскую комендатуру, Рыцарский крест сдал и был отправлен в Москву, в школу ADV (Антифашистский немецкий союз), а второй работал в лагере бригадиром на лесоповале, потому что он свой Рыцарский крест не сдал, а утопил в ручье или я не знаю где.

— *Были попытки побега из лагеря?*

— Было несколько. Я знаю один случай. Это был восточный пруссак, маленький, приземистый. В фуфайке и ватных штанах его было не отличить от русского. Он говорил по-польски и, вероятно, немного по-русски. Он попробовал сбежать. Его схватили и привезли обратно в лагерь. Его сдали часовым, и те его забили до смерти. Основная масса немецких солдат не говорила по-русски. Кроме того, их сразу можно было узнать по фигуре и по внешнему виду. Так что шансов на успешный побег не было. У меня есть хороший знакомый, который потом служил в

Бундесвере. Он хотел бежать из штрафного лагеря, в котором были не только солдаты, но и русские уголовники. Два монгола его брали с собой. Бежать хотели в Монголию или Китай. Но он заболел, и монголы взяли с собой кого-то другого. Это был для него смертный приговор. Монголы взяли его с собой как запас продовольствия. Из штрафного лагеря он вернулся в 1956 году, одним из последних.



Дорогие родители и Лотта!

Пишу вам вот уже в четвертый раз. Новостей о себе не слишком много. Я здоров и все у меня нормально. За меня не беспокойтесь. Наверняка вы уже получили мою третью по счету открытку. Так как адрес мой изменился, прошу вас еще раз прислать ответ на все вопросы, которые я вам задавал. Мне о стольком хочется вас расспросить, что лаже и не знаю с чего начать. Что именно добралось из того, что я вам высылал? Фото, одежда, книги, еще какие-нибудь и мелочи?.. Очень хорошо разбирался в моих вещах. Вы о нем хоть что-то слышали? Возможно, я уже скоро буду с вами. Тогда вот все и выяснится и упростится. Мне страшно недостает музыки, хотя мы не лишены ее совершенно. Вложите фотографию. У меня больше фотографий не осталось.

Привет вам большой от меня и вот мой новый адрес. Привет и семье… В… И всем всем знакомым.

Желаю вам от всего сердца всего самого хорошего. Ваш Зигфрид

— *Работа в лагере была добровольной или принудительной?*

— И да, и нет. До 1946 года офицеры были освобождены от работы. Потом появился национальный комитет «Свободная Германия» и потребовал от офицеров помогать при восстановлении Советского Союза. После этого работать стало обязательно. С другой стороны, торчать целый день в лагере и ничего не делать изматывает еще больше, чем работа.

— *Кормили нормально?*

— В ноябре 1944 года мы пришли в лагерь номер 1050 в Грязовеце. Там нам дали большую, около пяти литров консервную банку «Оскар Майер». Больше никаких приборов, ни ложек, ни вилок, у нас не было — нас ведь от всего «освободили». В этой банке нам дали наш первый рыбный суп. Из этой консервной банки на нас смотрело больше рыбьих глаз, чем было наших глаз, смотревших в банку. Рыба была сварена целиком, нечищеной вместе с картошкой или картофельными очистками. Два дня мы держались, не ели, потом съели. В лагере 1050 находились офицеры и около 300 солдат, работавших на кухне. Они хорошо жили. Вот раскладка продовольствия немецких пленных. Она соблюдалась в рамках того, что было в наличии. У солдат было базовое снабжение, у офицеров снабжение было другим. В Советской Армии было два типа кухонь — одна для солдат, другая для офицеров. Д ля нас это было непонятным. В немецкой армии была одна кухня, и все, начиная с генералов, снабжались оттуда.

СОЮЗ ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
СССР

Почтовая карточка военнопленного

Carte postale du prisonnier de guerre

Кому (Destinataire) Familie Martin Ehrt

Куда (Adresse) Deutschland Sachsen

Kr. Kleingiesshübel 33 bei Kippen

СОЮЗ ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
СССР

Почтовая карточка военнопленного

Carte postale du prisonnier de guerre

Кому (Destinataire) Familie EHRT Martin

Куда (Adresse) Deutschland Kleingiesshübel 33

Kr. Pirna bei Kippen

Отправитель (Expéditeur)

Фамилия и имя военнопленного Kriegsgefangener

Nom du prisonnier de guerre EHRT Siegfried Martin

Почтовый адрес военнопленного U.d.S.S.R. Moskau

Adresse du prisonnier de guerre Rotes Kreuz Postfach No 117, 16

Зак. 16)

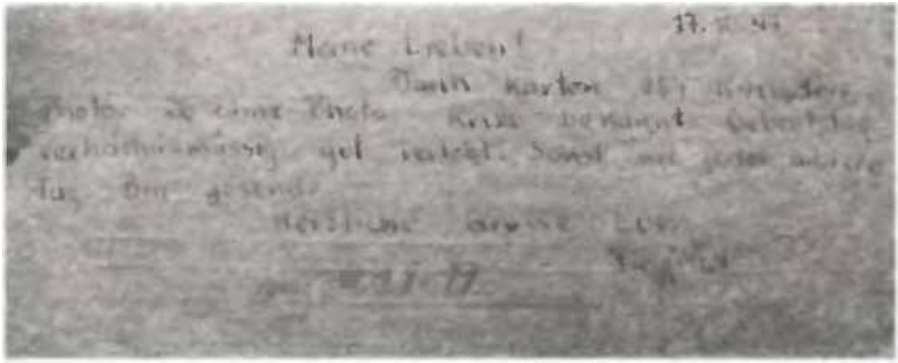
Почтовые карточки военнопленного Зигфрида Эрта

— *Вы писали домой в Германию из лагеря?*

— Да, как передовики производства мы получили разрешение посылать письма домой полевой почтой один раз в два месяца. Получали и ответные письма.

— *В лагере была русская администрация и была немецкая. Кто входил в немецкую администрацию?*

— Немецкая администрация была из антифашистов.



Мои дорогие!

Благодаря открыткам от 18.09 (Лотта) + фото. 29 — без фото. Крилле мне знаком. День рождения прошел относительно сносно. Здоров. Всего хорошего.

Зигфрид

— Можно ли говорить, что пленные «сталинградцы» были своеобразной элитой?

— Нет. В лагере 1050 я познакомился с группой, попавшей в плен под Сталинградом. Они меня научили собирать кости животных и вываривать, пока не появится слой жира. Они очень серьезно боролись за свое выживание. Известно, что из 90 тысяч взятых в плен под Сталинградом домой вернулось только шесть тысяч. Еще я от них узнал, что во время битвы за Сталинград обе стороны брали муку из elevator, чтобы печь хлеб, и друг другу не мешали.

— До того как вы попали на фронт, что вы знали о России?

— Ну что мы знали? Мы знали то, что учат в школе на уроках географии. Огромное государство.

— Что вас больше всего поразило в России?

— Простота людей. То, как мало можно иметь, чтобы жить в России. Как из ничего русские делают что-то, чтобы выжить. В Горьком, прекрасном старом городе, часть людей была очень хорошо одета, а часть ходила в лохмотьях. Разница была очень велика. Мы видели, что многими вещами спекулируют. Например, строительными материалами. В Горьком я работал плотником в бригаде, которая работала вне лагеря на ремонте дверей и окон в кремле. Из лагеря и в лагерь через весь город мы шли без конвоя. А куда бы мы убежали? Там у нас были какие-то русские знакомые, они с нами разговаривали, иногда что-то

давали, но только когда мы были одни. Как-то раз мы должны были отнести двери из горьковского кремля в ремонт и понесли по городу, один спереди, второй сзади. Проходили через bazar: «skol'ko, s ко Г ко?» — «Нет, нет, дверь не продается». На ремонт кремля было поставлено в три раза больше того, чем было нужно, и все это куда-то исчезло. По дороге в лагерь люди просили нас принести им стекла со стройки в обмен на еду. Вообще люди пытались нам помочь, но у них самих ничего не было. Я должен сказать, что русские люди очень добродушны, и с ними легко найти общий язык. Причем если русский один и ты пытаешься найти с ним общий язык, то, хотя русского языка мы не знали, объяснялись на пальцах, понимание было фантастическим. Но если подходит еще один или двое русских — разговор заканчивается. Конечно, как и везде, были сторонники твердой линии, упертые.

— *Какие награды вы имеете за войну?*

— У меня ЕК2 и ЕК1, Железные кресты первой и второй степени, и штурмовой значок. Никакого ордена на шее.

— *Имеете ли ранения?*

— Я был два раза ранен. Один раз осколками мины в плечо и бедро, а второй раз в шею. Не тяжелые ранения.

— *Война — это основное событие в жизни или послевоенное время имеет большее значение?*

— Это очень, очень тяжелый вопрос. Война, конечно, выковала людей. Разумеется, для нас это была не Вторая мировая война, а 30-летняя война XX века. Она началась в 1914 году, а закончилась в 1945-м. То, что в 1918 году не было достигнуто, в какой-то форме должно было быть закончено в 1945-м. Речь шла не о том, что надо обязательно изгнать нацистов из Германии, речь шла только о том, чтобы сломать немецкую экономику. Потому что немецкий менталитет здесь, в Центральной Европе, англичанам не нравится и не подходит. Потому, что англичане хотят быть единственными, кто рулит в Европе. Они объединяются с французами, когда идут против Германии, или с немцами, когда идут против французов. Это альфа и омега английской политики. Этого наш «хороший» Гитлер не понял — он был англофил. Это мое личное мнение. 30-летняя война в XX веке была начата английским премьер-министром, не немцами. Что касается меня, то мы не выбираем время, в котором живем, — это надо принять. Я жил в Веймарской республике, до 1933 года. Я жил в Третьем рейхе. Я четыре года прожил в Советском Союзе. Я три года прожил в ГДР. С 1950 года я живу в ФРГ. Пять различных форм государственного устройства. Все, в различной степени, называли себя демократиями, народными демократиями

или еще я не знаю как. Не спрашивайте меня, пожалуйста, где мне было лучше всего.

Мое поколение, в своей массе, с сегодняшними реалиями современной Германии себя не идентифицирует. Это больше не наш мир. Немецкие свидетели того времени посещаются и опрашиваются иностранцами. Немцы их о чем-то спрашивают, только если они представляют определенную сторону — если они были в концлагере или что-то аналогичное. В противном случае немцы от свидетелей того времени ничего слушать не хотят.

— *Когда вы поняли, что Германия проигрывает войну?*

— Я был уже в плену. Да, в 1944 году. Хотя мы тогда получали информацию только из газеты национального комитета «Свободная Германия». Нам читали политинформацию, и редакторами там были Пик, Гротевол и прочие люди, которые потом были в ГДР.

— *Как вы восприняли капитуляцию?*

— Никак. В лагере военнопленных нам сообщили, что война закончилась, капитуляция. Тогда было точно так, как сегодня. Мы читаем в газетах только то, что газеты захотят написать и на что имеют разрешение.

Помню, мы были в Плоском, на сельскохозяйственных работах. Туда из Германии вернулась русская часть. Они ликовали, у них были часы, по две штуки на каждой руке. Тогда мы поняли, что война закончилась.

— *Дайке шон.*

— Khoroscho.

Описание пребывания в плену, сделанное самим Зигфридом Эртом

8.10.1944 — в 10.30 утра под Кемью (Финляндия) попал в финский плен. Марш через Кемь на юг, затем возвращаемся назад в бывший немецкий военный госпиталь (северный выход).

9.10.1944 — приход группы финских офицеров штаба вместе с группой советских. Вечером допрос — допрашивающий советский полковник (через советского капитана и финского старшего лейтенанта).

10.10.1944 г. — транспортировка морем в Оулу (с главным счетоводом Шифеле и лейтенантом Арнольдом). Там нас ожидали немецкие офицеры из предприятия «Торнио». Среди них — лейтенанты Гёринг, Вурм, Шнайдер, Брюдерлин…

17 (или 18). 10.1944 — разгрузка. По слухам нас направляют в лагерь в Лахти.

21.10.1944 — под Випури нас передают русским. Их около 45 офицеров и 2500 солдат. Прибыли мы в Випури ночью, спали в физкультурном зале технического института.

22.10.1944 — дезинсекция. Все личные вещи изъяты. Офицеры, попавшие в плен в Торнио, Кеми и Хохланде, также прибыли. В том числе и мои сослуживцы из 1-го батальона 139-го полка.

Примерно 24.10.1944 — отправка всех военнопленных транзитного лагеря. 10 человек офицеров задержали для допроса (в старой бане), это главный счетовод Келер, обер-лейтенанты Вайс и Шинке, лейтенант Райн, штабс-медик Шульте, штабс-ветеринар Хаук.

После нескольких допросов (каждый по 3–4 часа) нас 3 (или 4) ноября 1944 года увозят на машинах ГПУ в Ленинград (Волосово). Еды почти никакой, ее отобрал конвой под предлогом «выискивания вшей».

Около 10 часов утра разгрузка в Волосово, затем марш в лагерь. Нас обругали свои же — прибывшие с острова Эзель немецкие солдаты. В тот же день расформирование лагеря и снова перевозка. 1000 человек немцев и 1000 человек эстонцев доставили на бумажную фабрику под Боровичами. Питание — как обычно (то есть ничего)!

В лагере Боровичи непрекращающиеся драки между немцами и эстонцами. Размещены в помещении с двумя парашами на всех.

Офицеров два дня спустя отправили дальше (обычным пассажирским поездом) в лагерь Боровичи. Туда же прибыли и те офицеры, которых выдали финны. Впервые увидел офицеров из так называемой «армии Зейдлица».

10–14 дней спустя переброска в городской лагерь (лагерная группа 27). Условия ужасные, в день умирают по 20–22 человека. Снова встретил знакомых, и они почти сразу же умерли (дизентерия).

Примерно 3 недели спустя всех офицеров собрали и направили в особый лагерь для офицерского состава (лагерь 150). По 19 человек в отделении с зарешеченными окнами на пассажирском поезде.

16.12.1944 — прибытие в Грязовец под Вологду в

150-й офицерский лагерь (размещенный в бывшем монастыре). Несколько дней, включая Рождество, в карантине, теснота страшная. Спим прямо на голом полу, ни матрацев, ни спальных принадлежностей.

Начало января 1945 г. — разместились в столовой лагеря. К Пасхе попадаю в госпиталь с подозрением на дифтерит.

12.05.1945–18 человек, в том числе и меня, направляют в совхоз Плоское на строительные работы. Жизнь более-менее переносимая. После завышения норм выработки у 250 человек значительное ухудшение здоровья. Рождество 1945 г. и Пасху 1946 г. благополучно пережили.

10.05.1946 — по политическим мотивам направлен вместе с 10 другими военнопленными назад в лагерь на строительство дорог.

Начало июня 1946 г. — формирование транспорта. Сначала работы в карьере. Драка с советскими охранниками.

3.07.1946 — наконец-то отправка.

11.07.1946 — мы в Борении под Горьким, лесной лагерь 117/16 Черный. Строительная бригада. Подход к работе типично русский. Январь — февраль 1947 г. — на транспортировке леса.

В середине февраля 3-я рабочая группа/6 занимается изготовлением ручек для топоров. Незадолго до Троицы — переброска в обход. Нас 6 человек работало без охраны у домика начальника станции.

1-й день Троицы 1947 г. Переброска в центральный лагерь 117/17. Там 3-я группа послана на строительные работы в клуб им. Свердлова (центр города), в 14-ю школу и 52-ю школу. До августа в 3-й рабочей группе/6.

В сентябре переброска в уже знакомый лагерь 9. Лагерь 17 необходимо освободить (школа).

21.11.1947 г. 3-я рабочая группа в полном составе доставлена в лагерь 1. Там не работаем. С декабря 1947 г. по февраль 1948-го — несение службы в бараках в кп-12 (Гуго Ройбер).

16.02.1948 — первые работы на постройке малоэтажки. 20–30.03.1948 — «Дом отдыха».

Начиная с 31.03.1948 г.:

Работали на ТЭЦ (Автозавод имени Молотова).

15.04.1948–3-я рабочая группа снова на несении службы в бараке (кп-12).

5.05.1948 — я включен в число отправляемых на родину.

10.05.1948 — разгрузка на Московском вокзале г. Горького.

11.05.1948 — в 4 часа утра отъезд из Горького.

14.05.1948 — в Москве. Затем Можайск — Смоленск — Орша — Минск — Брест (15.05) Варшава — Кутно — Познань (18.05).

18.05.1948 — прибытие во Франкфурт-на-Одере.

20.08.1948 — отъезд из Франкфурта на Одере в 23 часа.

21.05.1948 — прибытие в Пирну.

22.05.1948–11 часов утра — освобождение.

ЛИБИШ Гюнтер (Liebisch, Gunther)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Представьтесь, скажите, где вы родились и кто были ваши родители?

— Eto ja ne wse ponjal. Я родился в нынешней Польше, в Силезии, недалеко от Бреслау, который сегодня называется Вроцлав. В католической деревне с населением в тысячу человек. В школу я пошел в 1932 году в возрасте 6 лет. Окончил ее в 1940 году и переехал жить во Вроцлав, учиться на электрика.

Когда в 1939 году началась война, я еще жил в Силезии. Наша деревня стояла прямо у автобана. Он был забит транспортом, мы видели, что готовится война. Солдаты иногда вставали на привал недалеко от дома, и мы, подростки, разговаривали с ними.

— Насколько сильна была в школе национал-социалистическая пропаганда?

— Пропаганда была сильна, но мы жили в католическом регионе. Мы должны были ходить в церковь два раза в неделю. В шесть утра начиналось школьное богослужение, а в семь — учеба в школе. Церковь не поддерживала национал-социалистов, поэтому пропаганда нивелировалась. Тем не менее в Гитлерюгенд надо было вступать обязательно. С десяти лет принимали в Юнгфольк. Мы получили униформу. По вечерам в специальном помещении собиралось наше «товарищество». Летом мы выезжали в палаточные лагеря. Там нас учили ориентироваться на местности, рассказывали, какие бывают виды деревьев, как их узнать по коре и листьям. Стрелять не учили. Это не было каким-то извращением, это было полезно и интересно.

В сентябре 1939-го к нам в деревню пришли первые польские военнопленные. Мы работали на полях вместе с ними, научились говорить по-польски. У нас были прекрасные отношения, о какой-то враждебности не могло быть и речи. Им у нас в деревне было хорошо — жилье было, и они были практически свободны. Только постепенно становилось понятно, какое безумие эта война, в первую очередь война с Россией. Сейчас пишут, что, если бы мы не напали на русских, они бы сами на нас напали. Это полная ерунда! В то время у нас была такая сильная армия, что русские

не могли на нас напасть.

По окончании учебы я должен был надеть униформу. 30 марта 1944 года меня призвали в танковые войска. В одном маленьком городке в Шлезии в танковой резервной части номер 50 я проходил обучение на танкового ремонтника, электрика. Обучение шло прямо в ремонтном цеху. Когда я закончил обучение, то попал на формировку в Данию. Номера или названия этой части я не помню — это была сборная часть. Туда я попал из-за разногласий со старшим ефрейтором. Он был очень гордый, и я не мог найти с ним общий язык. Данию мы называли Шпек-фронт, Сальный фронт — там было спокойно и сытно. Там я прошел обучение на минометчика. За деревней, в которой мы жили, был хутор, в котором стоял пост. Меня и еще двоих послали туда дежурить. Мы решили, что втроем можно не стоять, и я пошел в дом. Потом ко мне присоединился второй товарищ, ему тоже было неохота стоять на посту. Пришла проверка, нас поймали и судили военным судом. В административном порядке приговорили к двум неделям штрафного взвода и четырем неделям на фронте. Не было бы счастья, да несчастье помогло: я не мог поехать на фронт, поскольку был болен — во время длинного марша стер палец на ноге, началось воспаление, и я не мог ходить. А мой товарищ поехал на фронт и оттуда не вернулся. Когда я выздоровел, то меня отправили в штрафной взвод. Там нас мучили и гоняли. Мы должны были целый день маршировать без какой-либо еды и питья от расположения части до бункера в лесу, который строили русские пленные. Помню, они нам дали кусок хлеба… В первый раз русских пленных я видел в 1943 году в Бреслау. Там строили картофельный склад, и я, как электрик, прокладывал проводку и устанавливал оборудование. Там пришел поезд с картошкой, и русские пленные его разгружали. Там я в первый раз услышал русскую речь. Как и немецким пленным в России, не всем русским пленным в Германии жилось плохо.

Две недели я пробыл в штрафном взводе и вернулся в часть. А вскоре, в феврале 1945 года, нашу часть послали на фронт в Померанию.

В Штатгарде, в Померании, мы выгрузились из поезда и сразу же попали под артиллерийский обстрел — получили сразу же промеж ушей. В Померании все было перепутано, было непонятно, где фронт, где тыл. Буквально на следующий день мы пошли в первую атаку. Не получилось, а приказ отступать пришел слишком поздно, и один товарищ был ранен. Мы положили его в плащ-палатку и отнесли на хутор, где находился лазарет. Там старший врач меня спросил: «Вы ведь мясник?» — «Нет». — «Но

перочинный нож у вас есть?» — «Да». — «Видите раненых. Срезайте с них одежду». Врач мне не просто так говорил про мясника — крови было море. Наступила ночь, раненых больше не приносили, я пошел на сеновал и лег спать в соломе. Когда я проснулся, хутор горел, а по нему ходили русские солдаты. Вот это сюрприз! Я начал думать, как мне сбежать. Я хорошо ориентировался, откуда мы пришли. Я вышел на дорогу, изобразил из себя пьяного, когда на меня натолкнулись русские, я что-то промычал невнятное. Проскочил мимо русских солдат и вернулся к нашей линии фронта! Я снова был на позиции. Ночью русские атаковали с танками Т-34. Я сидел в окопе и ничего не видел, только слышал рядом какой-то шум. Тут выстрелила наша ахт-ахт (8,8) зенитная пушка. Оказалось, этот шум происходил от танка Т-34, который загорелся недалеко от меня. В этот момент я так испугался, что забыл, как меня зовут. Нас выбили с наших позиций, мы отступили. Все было вперемешку, поэтому очень тяжело вспомнить, что именно и где было. Мы снова куда-то маршировали и пришли на полевой аэродром с новейшими реактивными самолетами. Это было неожиданно, мы их никогда не видели. Эти новейшие самолеты охранял только фольксштурм: пенсионеры со старыми автоматами, мы над ними смеялись. Цирк! Эти самолеты захватили русские, я уверен. Мы отступали дальше. Однажды на рассвете нас снова атаковали русские. Я уже был с пулеметом MG-42. Вторым номером расчета мне дали одного люксембуржца, который был старше меня. Он носил боеприпасы. Тут пришел приказ: «Спасайся, кто может». Товарища из Люксембурга ранило в бедро, он больше не мог идти. Я взял его на плечи и понес. По нам стреляла пехота, «сталинские оргёны» и минометы. В пяти метрах впереди нас упал снаряд «сталинского органа», он не взорвался. Очень повезло! Я вынес товарища из-под огня и только там его перевязал — перевязочный пакет мы всегда носили с собой в сумке. Взвалил его опять на плечи и понес дальше. Нас опять обстреляли. Он сказал, что его опять ранили. Я его положил, осмотрел — трассирующая пуля попала ему в спину, прошла через легкие, впереди на гимнастерке прожгла дырку и там застряла. Он принял пулю, которая иначе досталась бы мне. Я доставил его на перевязочный пункт, который находился в деревенском трактире, и пошел дальше. Dal’sche.

Следующие недели или дни прошли в беспорядочном отступлении, наша часть рассыпалась. Гражданское население исчезло, дома стояли пустые, и мы искали в них хоть какую-нибудь еду. Помню, в одном доме на столе стоял готовый обед. Я там нашел большую стеклянную банку с черникой, она мне так

понравилась, что я съел всю банку, и у меня начался понос. Мы должны были послать туда разведку, чтобы проверить, есть ли там русские. А меня оставили с пулеметом на опушке леса прикрывать разведчиков. Встать я не мог, и мне приходилось оправляться лежа. Никогда этого не забуду. Хорошо, что русских там не было и мы смогли там остановиться. Людей там не было, все было оставлено. В оружейном шкафу даже стояли охотничьи ружья. Я взял ружье и пошел на охоту. В лесу было много фазанов, я подстрелил фазана. Зачем, сам не знаю. Видимо, привычка. У нас дома было много дичи — зайцы, фазаны, косули. Мы, подростки, всегда были загонщиками. В одном месте стоял немецкий офицер. Мы их называли цепные псы. Они были очень опасные. Он хотел отправить нас на позицию — мы видели, что недалеко в поле товарищи копали окопы, строили оборону. Желания у нас не было. Он нам сказал: «Слушайте приказ, вы немедленно к нам присоединяетесь» — и вытащил пистолет. А у нас у каждого в кармане брюк был пистолет. Мы их нашли по дороге. Ведь по обочинам дорог стояли разбитые машины со всевозможными вещами — продовольствием, оружием, боеприпасами. Полный хаос, невозможно представить! Так что каждый нес рюкзак с консервами, табаком. Мы даже жаловались, что рюкзаки тяжелые. Тогда мой товарищ сказал этому офицеру: «Спрячьте обратно пистолет, я стреляю быстрее. Смотри, сколько нас, ты ничего не сможешь сделать. Беги отсюда, в спину стрелять не будем». Офицер убежал, и мы пошли дальше. Пришли в какую-то деревню. В ней никого не было. Зашли в дом священника возле церкви и легли спать на пуховых перинах. Мы не знали, куда идти, и пару дней прожили в этом доме. Дом был полон: в подвале стояли запасы вина, консервов, картошки — все, что надо. По дороге шло оживленное движение. Шли воинские части, из Восточной Пруссии шли беженцы, лошади, набитые вещами телеги, повозки, все в грязи. В один прекрасный день на дороге раздался взрыв — подходили русские. Мы выскочили из дома, с пистолетами, и хотели бежать в лес, но услышали приказ: «Стоять, бросить оружие!» — на чистом немецком. Пистолеты мы бросили, обернулись, там стояла целая русская часть. «Ruki werch!» Так мы попали в плен 6 марта 1945 года. Все наши вещи, одежда, рюкзаки, остались в доме. Тот, кто скомандовал нам «стоять, бросить оружие!», был немец, перебежчик, который теперь служил в Красной армии. В следующие дни мы с ним много общались. Я обратился к нему, спросил, можно ли нам взять наши вещи. Он разрешил. Потом нас отвели в лагерь военнопленных, который находился в этой же деревне. Там еще с 1940 года содержались пленные французы. В этом лагере мы

были два дня, потом нас, примерно двадцать человек, повели на восток, куда — никто не знал. По дороге с нами обращались не очень хорошо, издевались. Мы были свидетелями, как Т-34 расстрелял повозку с беженцами, там лежала убитая женщина и ее дети. В одном месте к нам подошел русский солдат с пистолетом в руке и хотел с нами рассчитаться. Наш конвоир дал очередь в воздух из своего автомата, только тогда тот отошел. Он бы нас всех убил. Потом мы пришли в лагерь, на месте которого до войны был женский санаторий. В нем были кровати и все оборудование — кухня, ванные. В этом лагере я получил медицинскую помощь, поскольку был легко ранен. Мы пробыли там три дня и наконец отдохнули после всего того, что пережили. Мы почувствовали, что наконец освобождены от этой проклятой, бессмысленной войны. Вы не можете этого представить! Мы спали весь день и всю ночь, ели. Это было освобождение! Вы не можете представить, какое это было счастье!

Вскоре нас опять построили в колонну по пять человек в ряд, и мы замаршировали дальше. В одном месте вдоль дороги на деревьях висели десять или двенадцать товарищей, в основном очень молодых. Видимо, их повесили за то, что они не хотели идти в плен. Смотреть на это было очень тяжело. Нас не кормили, но деревни вдоль дороги стояли пустые, и там без присмотра бегала живность — свиньи, куры, утки. Мы решили, что сами должны себя обеспечивать. Когда выясняли, есть ли среди нас мясник, то я вызвался, хотя я никогда до этого не разделывал туши. Правда, дома я видел, как забивают свиней. Я попросил нашего конвоира, совсем молодого красноармейца, пристрелить двух свиней, что он и сделал. Теперь нужен был нож. Конвоир сказал, чтобы я пошел в дом и там поискал. Я пошел, нашел нож, разделал свиней. В деревне мы нашли тележку, погрузили в нее мясо, повезли на луг возле деревни, развели костер, приготовили мясо и наелись до отвала. В Артцвальде мы остановились в бывшей казарме. Нас постригли налысо древней тупой машинкой — половину волос просто вырвали. Охраняли нас немцы в советской униформе с оружием. Это не были фольксдойчи. Мне кажется, это были перебежчики, но, так ли это или нет, я не знаю. Они были очень жестокие. Если что-то было не так, эти товарищи нас били дубинками. В казарме не было воды, а пить очень хотелось. Товарищи стали пить тухлую воду из пожарного резервуара и заболели дизентерией. Tselyi den’ v ubomoi sideli. Я держался вдвоем с моим вторым номером пулеметного расчета, присланным на замену раненому люксембуржцу. У нас был молочный бидон, в котором всегда была чистая вода. Так что мы не заболели. Вскоре мы пошли дальше. Я шел с левого края

колонны. Запомнилось, как нас обогнала какая-то русская часть на американских «Студебеккерах». Я уверен, что без этих машин русские не дошли бы до Берлина. Я с русскими машинами познакомился в лагере, они были bliat'. GAS. Один «Студебеккер» проехал совсем близко от меня, и оттуда кто-то ударил меня прикладом. Это увидел кто-то из следующего «Студебеккера» и кинул мне кусок хлеба в качестве извинения. Мы шли и шли. Пошел снег. Я уже шел в середине колонны — еще раз получить прикладом мне не хотелось. Неожиданно я увидел на дороге нечто припорошенное снегом. Я поднял. Оказалось, что это оказался кусок ветчины, как раз размером с этот кусок хлеба, который мне кинули со «Студебеккера»! Мы разделили хлеб и ветчину с моим товарищем.

Надолго мы задержались в Ландсберге-на-Варте (современное название Гбжув-Велькопольски. — *А. Драбкин)*. Там нас разместили в созданном немцами лагере для военнопленных. Лагерь принадлежал известному химическому концерну IG Farbenwerke, фабрики которого были разбросаны по всей Германии. Каждый день формировались рабочие команды на расчистку завалов на фабрике. Я всегда вызывался, потому что лучше работать, чем лежать в лагере. Конвоиром был пожилой русский солдат. Когда мы первый раз вышли из лагеря на работу, он залез в карман и показал нам несколько завернутых в платок карманных часов. Надо сказать, что часы, «ури», были самым желанным трофеем, первым, что спрашивали русские. Так что часы у нас быстро исчезали. Хорошо, что немецкие сигареты никто не курил. У русских была makhorka. Мы потом у нашего конвоира каждые десять минут спрашивали «сколько время», смеялись. В один из дней пришли русские врачи и начали спрашивать, у кого нулевая группа крови. Поскольку у меня была нулевая группа, я отозвался. Меня спросили, готов ли я сдать кровь для русских солдат. Я сказал, да, почему нет, у меня ее много. Мой родной город называется Костенблют, Кровь-за-деньги. Напротив лагеря, на вилле, размещался русский госпиталь. Там я сдал кровь русскому солдату. Он был еще моложе, чем я. За это я получил дополнительное питание.

В апреле нас погрузили в вагоны, и мы поехали на восток. Выгрузились в Познани. Разместились в бывшем немецком лагере для военнопленных. В лагере нас разделили на роты и водили на работу на русский аэродром, где ремонтировали технику. Я шлифовал клапана. Там было неплохо — у нас была работа, и нас прилично кормили. Однажды на построении нам сказали, что наша рота на работу не выходит, а ждет транспорта. Я и еще восемь человек решили, что ждать транспорта неохота, и пошли

на работу с другой ротой. Когда мы вернулись с работы, наша рота уже уехала. Нас построили на плацу. Пришел русский унтер-офицер или младший офицер, наорал на нас, сказал, что мы нарушили приказ и будем наказаны. Он шел вдоль строя и каждого бил кулаком. Я стоял последним. До войны я занимался боксом и увернулся от его удара. Он рассмеялся, потрепал меня по плечу.

20 апреля, в день рождения Адольфа Гитлера, нас погрузили в товарные вагоны. Надо сказать, что меня и сейчас разбуди, спроси, когда день рождения Гитлера, я без запинки отвечу: «20 апреля 1889 в Браунау-на-Инне». В нас вбивали эту дату с самого раннего возраста.

В вагонах был туалет, нары и маленькое окно с решеткой на крыше. Куда нас везут, мы не представляли.

Начальником поезда была еврейка, госпожа Либерманн. Она нас нормально кормила, мы получали то, что положено. Ехали долго. Только 29 мая нас выгрузили на вокзале города Владимира.

Разумеется, тогда мы этого не знали. Я увидел золотые купола соборов и сказал: «О! Мы на востоке». Мимо эшелона прошла госпожа Либерманн, сказала, что все квалифицированные рабочие берут свой багаж и выходят здесь, они приехали. Нас построили, и мы пошли в лагерь. По дороге встретили детей, которые нам кричали: «Гутен таг», «Геринг капут» и «Гитлер капут». Видели мы и взрослых, и в том, как они смотрели, не чувствовалось враждебности, скорее сочувствие. Мы пришли в лагерь. В нем уже размещались венгры и румыны. На второй день нас повели в banja, для уничтожения вшей. Я разделся, часы и все документы сложил в ботинки, а когда я вернулся из бани, мои ботинки исчезли. Spizdili!

Я пошел в барак искать мои ботинки. Нашел их у одного румына. Спросил у него, где мои часы и документы, которые были в ботинках. Он сказал, что это его ботинки, и пытался меня побить, но я наорал на него, забрал ботинки и ушел. Некоторое время мы жили в лагере и на работу не ходили. Однажды собрали команду, переселили нас в кремль в палатку. Оттуда мы ездили на поезде на лесоповал, грузили бревна в вагоны. На работе познакомились с гражданскими, с удовольствием с ними общались. Один мужчина дал мне два вареных яйца. Это увидел один из пленных и спросил меня, как бы ему тоже получить два яйца. Я ему отдал свои. Он с этим запасом еды сбежал. Когда мы вернулись в лагерь, меня вызвали к комиссару на допрос. Они подозревали, что я знал о готовящемся побеге. Про то, что я отдал яйца, рассказали мои немецкие товарищи. Среди нас всегда

были товарищи, которым нельзя было доверять. Меня посадили в подвал в карцер. Там я провел две ночи, пока не поймали беглеца. На этом дело закончилось. Потом мы строили наш новый лагерь на ulitse Frunse. В этом лагере я жил до конца моего пребывания во Владимире. Я работал автоэлектриком в бригаде, обслуживавшей гараж НКВД. Среди нас были только лучшие специалисты. Мы, к примеру, для лагерной кухни сделали машинку для чистки картофеля, а для столярной мастерской машину-рубанок. Молодой австриец Андреас делал охотничьи ружья. Кроме того, он сделал машину для нарезки резьбы на болтах и гайках, которые мы делали сами. Были два kuznetsa, венгры. Бригадир был немец из Судет. Он немного говорил по-русски. Австрийца и чеха быстро отправили домой, пришел новый бригадир, тоже слесарь высшей квалификации. Помимо работы по специальности, я в бригаде был вроде завхоза — приносил обед из лагеря, котелки с супом и kascha, и пакет с khleb. Весной за лагерем собирал крапиву и лебеду, я их еще по дому знал, и в кузнице мы из них варили суп — это были наши витамины. Еще я ходил на bazar, который был недалеко от лагеря, покупал makhorka. Однажды мне продали пустой пакетик, без махорки, а когда я стал возмущаться, меня побили.

Летом 1945 года в гараж прибыл трофейный красивый немецкий кабриолет «Опель Капитан». Мы привели машину в порядок и должны были обкатать ее после ремонта. А куда ехать? У меня откуда-то был русский бланк с печатью. Я заметил, что охранник у ворот совсем не умеет читать. Мы подъехали к воротам, охранник спросил, куда мы едем, я показал ему эту бумажку с печатью, он открыл ворота, и мы выехали. Погода была отличная, мы классно прокатились и вернулись обратно. Для больших офицеров были «БМВ», «Опель», французские и английские машины, но очень быстро выходили из строя моторы, потому что масло было отвратительным. Приходилось постоянно их перебирать. В конечном итоге мы на немецкие машины ставили русские двигатели ГАЗ. Мне наскучила работа в гараже, и, когда в лагере на построении ко мне подошел один nachalnik, кавказец, сказал, что ему нужно помочь, я с радостью согласился. Оказалось, что при строительстве затопило подвал какого-то здания. Я быстро разобрался, открыл створку дренажа, прочистил сток и осушил помещение. После этого меня стали считать крупным специалистом-сантехником. Я даже ремонтировал водопровод во Владимирском кремле. К осени лагерь получил немецкий грузовик. Один мой коллега знал эту машину, поскольку дома ездил на точно такой же. Хотя у меня и не было прав, но мы с ним вдвоем стали шоферами. Ездили в Гусь-

Хрустальный, ездили под Суздаль в колхозы за kapusta и kartoschka, ездили в Пенкино, в лес за дровами. Из Коврова возили квашеную капусту — там были огромные цистерны, в которых ее квасили. При аварии на производстве погибли трое военнопленных. В столярной мастерской сделали гробы, а нам сказали везти их на поле возле тракторного завода и там закопать. Была зима, с трудом мы выкопали могилу. Когда вывалили туда из гробов трупы товарищей, у них отломались руки.

— *Вам давали зимнюю одежду?*

— Да, да, ftifayka и valenki. Какое-то время у меня даже была шуба. Был закон, по которому мы не ходили на работу, если температура была ниже 22 градусов мороза. Машина наша сломалась, и мы ее бросили, поскольку не было запчастей. Я пошел работать на стройку на ulitsa Сакко и Ванцетти, носил kirpichi и pesok на nosilki. Там в основном работали женщины и трое или четверо мужчин. Однажды они на складе с цементом изнасиловали девушку. Меня тоже спрашивали, не хочу ли я. Я сказал, spasibo, menja ne nado. Ужасно, конечно. Однажды сломалась бетономешалка. Я снял мотор, отнес его в мастерскую техникума, что был неподалеку, проверил его и починил. Там заинтересовались, спросили меня, как я это сделал. Я рассказал, написал на доске формулу. В общем, попреподавал немного. Через некоторое время лагерь опять получил машину, на этот раз русскую с русским шофером Костей. Я при нем был вторым водителем. Мы много ездили в Иваново, Ковров, Пенкино. Зимой по утрам под машиной надо было разводить костер, потому что масло становилось слишком густым, машина не заводилась. Это было почти искусство! Утром я заводил машину и работал первую половину дня, а Костя ездил после обеда. Вторую половину дня я был свободен. Потом эта машина тоже сломалась, и мы опять получили новую машину, трофейную, «Опель Блитц». Костя хотел слишком большую зарплату, вместо него взяли другого водителя, который «Опель Блитц» называл «Опель Bljat'». Он ничего не понимал в технике. Как-то зимой, когда стояли сильные морозы, я поехал один в Пенкино за дровами. На обратном пути машина сломалась. Я замерзал, помощи ждать было неоткуда. Открыв капот, я обнаружил, что сломался бензонасос. Чудом мне удалось его починить, машина завелась. Никогда в жизни я не мерз так, как в этот раз. В конце 1948 года мы ехали с Костей, машина опять сломалась — открутился болт, и из системы охлаждения вытекла вся вода. Я пошел в ближайшую деревню. Постучался в первый же дом, попросил воды. Я был первый немец, которого хозяева видели в жизни. Меня пустили в дом, накормили и

заставили рассказать всю свою историю. Это было непросто, учитывая мои знания русского языка! Наконец меня отпустили, дав два ведра воды. Костя хотел уехать с этими двумя хозяйскими ведрами, но я сказал, что ведра надо отдать, потому что хозяева хорошие. Потом нас отправили в команду по заготовке дров, в какой-то поселок. Там мы жили в деревне. Мой хозяин, ветеран Первой мировой войны, был в немецком плену. Его сын, Vanja, был на два года младше меня и как раз получил повестку в армию. Babuschka молилась и плакала в углу с иконами, я спросил, почему она так убивается, она сказала: «wojna budet, wojna budet». — «Net, khwatit wojna, i nam khwatit, i amerikanskim toje khwatit». Она сразу как-то успокоились. Меня знали в деревне и приглашали на праздники и танцы. Мы с товарищем, который неплохо говорил по-русски, почти каждый вечер куда-то ходили.

— *Немецкие солдаты пользовались популярностью у местных дам?*

— Да, да, konechno. Когда я приезжал из леса с дровами, их выгружали на станции. Там были девушки, которые грузили дрова в вагоны. Я приходил к ним в бытовку, где можно было обогреться. Они меня всегда ждали и любили слушать рассказы про жизнь в Германии. Я там спал на pechka, было очень тепло. Товарищи жили там в одном доме. Там же жила красивая девушка. Она спала на кровати, а товарищи спали на полу. Ночью там было какое-то движение, шум, они ходили в туалет. Я не знаю, как она их терпела. Однажды я все-таки залез к ней в кровать…

В начале 1949 года мы вернулись в лагерь. Нас определили колоть дрова. Мы их кололи недели две каждый день. Это был наш дембельский аккорд. В лагере построили киоск, в котором можно было купить сахар, хлеб, papirosy Belomor. Деньги мы с собой брать не могли — обязаны были потратить в этом киоске. Потом пришел поезд, и мы поехали domoy.

— *Куда вы поехали? Дома была уже Польша?*

— Kuda khoteli. Я писал родителям. В 1946 году все немцы, которые были в Польше, должны были оттуда уехать. Поляки всех вышвырнули. Мой брат обосновался в ФРГ, туда же переехало большинство из нашей деревни, там мы нашли новую родину. Я приехал в деревню Мелендорф округа Диполь. Бургомистр разместил меня на хуторе, примерно километр от деревни. Комната, кровать без белья, пустой шкаф — все. Мои деревенские знакомые дали мне пуховую перину. Первые ночи на пуховой перине я потел — было очень жарко.

— *Когда поняли, что война проиграна?*

— Когда мы были на фронте в Померании, это было

понятно. Но прекратить воевать у нас возможности не было, мы видели, как вешали товарищей, которые больше не хотели воевать.

— *Что вас мотивировало воевать дальше?*

— Мы не были мотивированы воевать дальше. Мы были в одной деревне в Померании и неожиданно узнали, что русские находятся в этой же деревне. У меня откуда-то была снайперская винтовка с оптическим прицелом. Я себе на чердаке обустроил позицию и контролировал участок обороны. Вечером из дома вышел молодой русский солдат с котелком супа, который еще дымился, и куда-то пошел. Я мог и должен был его застрелить, стрелять я умел. Но я не смог. Я выстрелил в котелок с супом, суп пролился, русский испугался и убежал.

— *Какие различия были между русской и немецкой армиями?*

— Русских солдат гнали в огонь и на смерть. Их, как и нас, не спрашивали, хотят они этого, или нет.

В 2000 году, когда я был во Владимире, я встречался с dejurnyi офицером нашего лагеря. Я с ним ездил на машине по колхозам, у него родители были в Гусь-Хрустальном, он меня знал. Мы поужинали, выпили, и в конце я его поблагодарил, за то, что он для нас делал, когда мы были в лагере. Еще был лагерный врач, Тамара, она сопровождала нас до Бреста, я ей тоже очень благодарен.

Куне Гюнтер (Kühne, Gunter)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Я родился третьим из семи детей моих родителей 3 июля 1926 года в Гросс Аркер возле Геры. Мой отец был рабочим на кирпичном заводе, моя мать — домохозяйка. Отец был коммунистом. Он родился в 1902 году под Лейпцигом и юношей работал на большом химическом заводе Leuna. В 1923 году, когда ему был 21 год, он участвовал в восстании на заводе. И, как коммунист, был выслан из земли Саксен-Анхальт. Поэтому он переехал из Саксен-Анхальта в Тюрингию. Во время войны ему было около 40 лет, это не лучший возраст для солдата, к тому же он был глава большой семьи, семеро детей, и, когда его пытались призвать в армию, его предприятие дало ему бронь. Жили бедно. В шесть лет я пошел в народную школу. В 14 лет я начал учиться на слесаря по машинам. Три года посещал профессиональную школу и три года среднюю профессиональную школу. Но ее я не закончил, потому что мне пришла повестка из Имперского трудового агентства. Разумеется, я был в Юнгфольк и Гитлерюгенде. Там были в принципе 99,9 процента детей, хотели они этого или не хотели.

— *В каком подразделении Гитлерюгенда вы были?*

— В самом обычном подразделении. Там еще были летчики, моряки, радисты и мотористы, водители, но я был в обычном подразделении. Как член Гитлерюгенда, я был воодушевлен все новыми победами немецкой армии. Польша была покорена за 17 дней, Франция за 6 недель, страны Бенилюкса, Голландия, Бельгия были сметены с дороги, мы думали, что так будет и в России. Я не думал о том, что там умирают люди, не только солдаты, но и гражданские, дети, и о том, что там из-за войны возникают нужда и голод, я тоже не думал. Когда я был подростком, когда мне было 12–13 лет, я зарабатывал карманные деньги тем, что разносил газеты. У нас в деревне жили 2000 человек, я всех знал, я знал всех, кто был в партии, потому что у них на двери висел белый эмалевый нацистский значок со свастикой, и там было написано: «Германия здоровается словами «Хайль Гитлер». Тогда я знал, что, когда я позвоню или постучу и меня пустят в дом, мне нужно говорить «Хайль Гитлер», обычно я говорил «Гутен таг». У моего отца было поле. В воскресенье 22 июня 1941 года мы с моим отцом, я с ручной тележкой, а он с косой, пошли туда косить траву для кроликов. Там, у забора, стоял его коллега по работе Мартин. Германия как раз объявила войну России. Мой отец сказал ему: «Мартин, Гитлер совсем уже сошел с ума». А тот ответил моему отцу, что это конец Германии. Я, как 12-летний член Гитлерюгенда, подумал: «Что там мелют эту два старичка? Что они понимают?!» Но они оказались правы.

— *Вы жалели, 410 на вас, может быть, войны не хватит?*

— Нет. Я никуда добровольцем не записывался. Отец мне говорил, чтобы я никуда не записывался добровольно. Когда я учился на слесаря, мы должны были в течение шести недель проходить обучение в лагере предварительной военной подготовки Гитлерюгенда. Мы жили в бараках учебного военного лагеря Отров. Нас обучали раненые унтер-офицеры читать карту, ориентироваться по компасу, учили стрелять, окапываться — полная начальная военная подготовка. Тогда отец мне сказал: «Даже когда станешь солдатом, никогда не вылазь вперед, не будь крайним ни сзади, ни слева, ни справа». Я запомнил эти слова, и я всегда держался в середине. Во время «марша мертвых» из Берлина во Франкфурт-на-Одере я тоже был в середине. Я не могу вам сказать, сколько народа там застрелили… Если бы меня там тоже застрелили, я бы лежал на кладбище в Хальбе, и кто бы мной интересовался? «Ах, он хорошо учился в школе и был хорошим товарищем!» Кого это интересует? Он был использован в преступном и бессмысленном деле…

В октябре 1943 года, после окончания моего профессионального обучения, я был призван в Имперское

трудовое агентство. В Вестфалии на аэродроме, где базировались боевые самолеты, которые в основном летали в Англию, мы строили каменные заграждения. Через шесть месяцев, в марте 1944 года, я вернулся домой, а там уже лежала повестка в военно-морские силы. 1 апреля 1944 года я прибыл в 24-й морской учебный батальон [SchifFstammabteilung], располагавшийся в голландском городе Бреда. Сначала прошли шестинедельную базовую пехотную подготовку. После нее я, как подготовленный слесарь по машинам, обучался на моториста подводных лодок. Но подводных лодок для нас больше не было. Когда наше базовое обучение в Кригсмарине, по окончании которого я стал механиком тяжелых машин, было окончено, нас без нашего согласия передали в дивизию Ваффен СС «Гитлерюгенд». Мы сдали нашу военно-морскую форму, и 20 июля 1944 года, в день покушения на Гитлера, весь морской учебный батальон, 600 человек, был передан в дивизию Ваффен СС «Гитлерюгенд». Нас погрузили в специальный поезд и из Голландии через всю Германию повезли в Берлин-Лихтерфелде, где располагалась дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Там я обучался на наводчика 12-сантиметровых минометов, которые перевозились гусеничными бронетранспортерами. Наводчики должны были уметь хорошо считать, а у меня было хорошо с математикой. Так что я там был на правильном месте.

Когда обучение было закончено, нас отправили на фронт. Дивизия наступала в Арденнах в декабре 1944 года, в Бельгию, через немецкий Эйфель, в Сант Вит в Бельгии. Там я был ранен в бедро и попал в лазарет в Аденау в Эйфеле.

— *Как вы были ранены?*

— Мы должны были сменить позицию. Мы должны были прицепить лафет миномета к бронетранспортеру. В это время налетели самолеты. Я получил осколок снаряда в бедро, кроме того, оказался прижат лафетом миномета к тягачу. В итоге получил так называемый перелом с раздроблением кости, и одна нога стала на 3 сантиметра короче другой.

В санитарном поезде меня перевезли в Росток, в так называемый лазарет-на-родине. Я, собственно, тюрингец и должен был быть в лазарете-на-родине в Гере, но американцы на западе уже приближались к Тюрингии и Саксен-Анхальту, так что раненых домой в Тюрингию уже не посылали, и я приехал на Балтийское море, в Росток. Пролежал в госпитале примерно до марта 1945 года. Потом я был в РЕА-клинике, это что-то вроде спортивного госпиталя немецкого вермахта, в котором восстанавливались солдаты после ранения. Я с трудом ходил на костылях, когда приехала медицинская комиссия для

определения годности для фронта. Я вошел в кабинет на костылях, и меня еще поддерживали два человека. Я сказал: «Господин главный штабной врач, я не могу ходить без посторонней помощи». — «Тебе не надо ходить. Ты должен стоять в окопе и стрелять». Меня признали годным и оттуда вместе с другими рекрутами меня отправили в район Берлина. Мы были частью так называемой 9-й армии под командованием фельдмаршала Буссе.

Мы больше не были элитной частью, как во время битвы в Арденнах. В котле у Хальбе была сборная солянка из солдат дивизии СС, Гитлерюгенда, моряков, летчиков, помощников зенитчиков, пехотинцев и танкистов, с непонятным руководством и диким беспорядком. Нас в котле было 200 тысяч солдат, а русских перед нами стояло 2,2 миллиона, в десять раз больше, чем нас. Точно такое же соотношение было с танками и с артиллерией. Мы всегда думали, что у русских нет самолетов. Привет! Русские превосходили нас в десять раз, никаких шансов у нас не было. На солдатском кладбище в Хальбе лежат 28 тысяч павших солдат. Это был забой скота. Я не могу этого описать, я не знаю, какие там были потери у русских, но у нас они были чудовищные. В этом лесу под Хальбе лежали штабеля трупов, один метр в высоту. Это не как сейчас, как я вижу на войне в Афганистане. Там солдат, которые увидели два трупа, посылают домой с посттравматическим синдромом и ими занимаются психиатры, потому что они утрачивают психическую устойчивость. Нам тогда, под Хальбе, уже давно надо было всем к психиатру. В принципе это была последняя битва Гитлера, который думал, что Немецкая империя еще будет спасена. Мы, солдаты, уже давно знали, что война проиграна, но об этом нельзя было говорить. Во время отступления от Одера в каждой деревне был так называемый «дуб Гитлера» — дерево на рыночной площади, на котором висели солдаты, дезертировавшие с фронта. Их вешали с табличкой на груди: «Я был слишком труслив, чтобы сражаться за народ и родину». В Бранденбурге песок и сосны, там нет лесов, как в Тюрингии.

На мне была униформа Ваффен СС: на рукаве была нашивка с надписью «Гитлерюгенд», а в петлицах череп с костями и руны СС. Перед тем как попасть в плен, я столкнулся с двумя старыми парашютистами. Они десантировались на Крит, воевали в Греции, еще я не знаю где — у них был очень большой опыт. Один из них вытащил из кармана десантных брюк складной нож и срезал мне с униформы все нашивки. Конечно, было видно, что нашивки срезаны, потому что ткань под нашивками была новая. Тогда они мне из парашюта сделали накидку, чтобы русские, когда возьмут

в плен, не увидели манипуляции с моей формой. Позже, в плену, то, что я был в СС, не играло никакой роли, но в момент взятия меня в плен это имело огромное значение. Если бы мне в момент взятия в плен попался плохой русский или тот, у кого нацисты убили на войне брата, или двух братьев, или родителей, или сестру, и он увидел, что я из Ваффен СС, он бы взял свой автомат и пристрелил меня. Так что этим двум парашютистам я обязан жизнью.

28 апреля мы лежали в ямках в песке, когда нас окружили конные красноармейцы и взяли в плен. Я не знаю, были ли это монголы, но у них были такие узкие глаза. Я сразу поднял руки достаточно высоко, как знак, что я сдаюсь. Мне было страшно, потому что я был Ваффен СС, про которых говорили, что они все преступники. Мы такими не были. Нас заставили. Мне никаких обвинений не предъявляли, и на меня никто никаких показаний не давал. Я пять лет был в русском плену, и моя нога никогда не ступала на русскую землю, кроме как в качестве woennoplennyi.

Мы думали, что русские нас поставят к стенке и отдадут приказ расстрельной команде, так, как мы делали с русскими. К счастью, этого не произошло. Когда я увидел русских, я был удивлен. Как русские дошли от Волги до Берлина на таких примитивных машинах? Когда я увидел их оружие и лошадей, я подумал, что этого не может быть. Технически совершенные немецкие танки и артиллерия очень, очень сильно уступала русской технике. Знаете почему? У нас все должно быть точным. А снег и грязь точности не помогают. Русский «Калашников», например, который у нас в ГДР был в боевых группах, был примитивный, но он работал. Когда я попал в плен, у меня был «штурмгевер», современное оружие, но он отказал после трех выстрелов — попал песок.

Что такое «боевая группа»? В Грюнефелъде, во Франкфурте-на-Одере, когда меня передавали, я подписал бумагу, что я никогда больше не возьму в руки оружие.

В ГДР во время холодной войны создавали так называемые боевые группы, это что-то вроде гражданской армии, резервистов. Они были одеты в униформу, вооружены «Калашниковыми». На каждом народном предприятии, на котором я работал, ко мне приходил руководитель и говорил, что я должен быть в боевой группе. Я говорил, что я не буду в боевой группе, потому что подписал обязательство никогда больше не брать в руки оружие. Тогда они мне говорили, что мне не надо брать в руки оружие, я могу копать окопы. Так что у меня была возможность изучить автомат Калашникова.

— *Часы отняли?*

— Немедленно. Это и американцы делали. В Союзе военнопленных некоторые из нас были в Бад Кройцнахе, в американском плену, у американцев было по десять часов на руке! Русские в этом не были исключением, я бы даже сказал, что американцы были гораздо хуже.

Начался плен. Сначала мы были на Шпрее, на большом лугу. Там русскими было собрано примерно три тысячи пленных. Потом мы маршировали пешком по линии старой железной дороги до Франкфурта-на-Одере. Во Франкфурте-на-Одере нас разместили в большой казарме, которую до того занимали русские, и мы там ждали, что с нами будут делать. Там было огромное количество пленных. Однажоы нас построили, и русская переводчица, которая очень хорошо говорила по-немецки, я думаю, что она была еврейка, спрашивала нас о профессии. Я был слесарь по машинам, и меня отметили как специалиста. Из Берлина мы шли пешком до Франкфурта-на-Одере. Оттуда отправили в Познань, в карантинный лагерь. Мы, не знаю, сколько недель, должны были лежать в Познани в карантине, русские боялись эпидемий. Только потом в товарном поезде нас отправили через Польшу и Россию во Владимир.

Когда мы в июле 1945 года приехали в лагерь во Владимир, все теплые места, такие, как портной, сапожник, банщик, повар, уже были заняты «сталинградцами», еще с 1943 года, когда они попали в плен. Не могу сказать, что они были кастой или мафией, но лагерная иерархия была, все места были разделены, мы должны были работать и подчиняться.

Разместили нас в главном лагере Владимирского тракторного завода. Там нас разделили на рабочие бригады. Так как русские мужчины еще не вернулись с фронта, мы работали с русскими девушками и женщинами, строили трактора. Я монтировал моторы с молодыми русскими девушками. Они все были не из Владимира, как они мне рассказывали, их принудительно призвали на работу на пять лет.

— *Что вас в России больше всего поразило?*

— Веселость и сердечность простых людей. В Германии были русские пленные, им определенно было хуже, чем нам. Гораздо лучше быть немцем в русском плену, чем русским в немецком.

Вы понимаете по-немецки? Нет? Я очень жалею, что тогда, когда я был молодым, я учил русский недостаточно интенсивно. С русскими девушками и женщинами мы говорили не по-немецки. Они называли нас «немцы» или «фрицы», они с нами говорили по-русски. Мы должны были стараться их понимать. Рабочие задания тоже давались на русском языке. Тогда я мог до-

Вот это я написал моей матери к ее дню рождения 30 октября 1949 года. Открытка пришла вовремя, моя мать очень обрадовалась. Да, это я сам нарисовал…

вольно неплохо говорить по-русски, не как школьник, а на бытовые темы. Сейчас я уже не могу.

Это было как в Германии, где все немецкие женщины должны были работать в оружейной промышленности. Лично со мной обращались корректно, я работал вместе с русскими, и я могу назвать это настоящей дружбой. У русских доброе сердце. Я не хочу представлять, что бы было, если бы было наоборот, если бы мы выиграли войну и русские были бы в немецком плену. Нас обеспечивали согласно Женевской конвенции, мы получали 600 грамм хлеба в день, три раза по 200 грамм, три раза в день суп и kascha на обед, 70 грамм сахара. Масло, мясо и колбасу мы не видели. Мы хотели есть, но не голодали. А русские девушки не всегда получали свою норму хлеба на предприятии, поскольку, если они не выполняли норму, их наказывали точно так же, как и нас. Надо сказать, что мне очень повезло, что я всегда был в основном лагере, а не во внешних лагерях, в которых военнопленные работали в каменоломнях, на добыче торфа, строительстве дорог или лесоповале.

Я должен сказать, на тракторном заводе во Владимире я был очень удивлен, когда мы, как военнопленные, туда зашли. Я был знаком только с немецкими станками — шлифовальными, фрезерными, сверлильными и так далее. То, что я, как woennoplennyi, увидел на этом тракторном заводе, меня

поразило. Там в каждом цехе стояли абсолютно новые, огромные, технически на новейшем уровне, станки из Цинцинатти, США. На всех табличках на станках было написано «Цинцинатти, made in USA». В литейном цехе было не так, как обычно, ручные литейные формы и ручное литье, там все было автоматизировано. Литейные формы двигались по конвейеру к литейной печи, и там в них разливали металл, и они двигались дальше.

Я хорошо работал. Русские даже присвоили мне звание «лучший работник», и моя фотография висела вместе с русскими на Доске почета. Когда я в ГДР это рассказывал, мне никго не верил, говорили, что я издеваюсь. Фотография была маленькая, овальная, я ее увеличил и сделал четыре штуки, и, когда нам разрешили писать домой, я послал ее моим родителям. Мои братья и сестры даже не поверили, что это я, на фотографии у меня были волосы, я выглядел довольно ухоженным, не как унтерменш или доходящий заключенный.

— *Почему вы вообще пошли работать, вас спрашивали, хотите ли вы работать?*

— Мы должны были работать. Десять часов в день. Сменами, мы работали днем и ночью.

— *У вас не было мысли не признаваться противнику, что вы специалист?*

— Нет. Мы делали то, что нам говорили делать, и мы старались это делать хорошо. Если бы я плохо работал, мне бы не присвоили звание «лучший работник». Это звание еще многие заслужили. Это как и сегодня, орден получает кто-то один, хотя тысячи его заслуживают.

В июле 1948 года в наш лагерь приехала комиссия, я думаю, что она была из GPU, они все были комиссары. Мы построились, пошли в banja, после которой голыми должны были пройти мимо комиссии с поднятой рукой. Всех, у кого была эсэсовская татуировка с группой крови, а мне ее сделали еще в Берлине, отсортировали и отправили в специальный лагерь.

— *Когда вы оказались в лагере для эсэсовцев, вы были с людьми из вашей роты?*

— Нет, все были незнакомые и никакой особой общности и сплоченности я не чувствовал.

Из этого специального лагеря нас отправили в Астрахань. Там мы работали на сплаве леса — вытаскивали из Волги стволы деревьев. Те, кто не умел плавать, очень об этом жалели. Эта работа, к счастью, продолжалась недолго, нас оттуда отозвали и привезли в Цимлянскую, город на канале Волга — Дон, там мы строили инфраструктуру канала Волга — Дон. Там очень многих русских, которые строили канал, переселили, и им нужны были

квартиры или дома. Мы их строили, и я из слесаря по машинам стал каменщиком. Мы построили дом культуры, городской совет, вокзал, все, что относилось к инфраструктуре канала Волга — Дон. Это было до конца 1949 года. 3 января из Цимлянской меня освободили.

Перед отъездом мы строили вокзал. В России строят даже зимой, мы нагревали песок и воду, чтобы сделать бетон. В Германии так не делают, боятся, что дом упадет. Но они не падали, вероятно, они там до сих пор еще стоят. До обеда мы работали, на обед съели наш kapusta суп, kascha и хлеб, после обеда построились и замаршировали из лагеря на работу получать инструменты. Но тут появился русский с приказом и сказал: «Все woennoplennyi, nazad, nazad, dawaj, dawaj» — обратно в лагерь. И началось! Мы гадали, что еще придумали русские? Сейчас нас определенно всех отправят в Сибирь! Ничего подобного! Мы построились на плацу, пришла комиссия, лагерное начальство, переводчица и так далее, принесли список, сказали, что все, кого сейчас зачитают, выходят направо. Я был в списке, думал: «Что же сейчас будет?» Те, кто вышел направо, пошли в banja, очистка от вшей, получили новую одежду и уже ночью замаршировали к товарному поезду, до которого было километров 15–20. Товарный поезд стоял с открытыми дверями, вокруг стояла охрана с собаками, и там тщательно контролировали, кто в какой вагон заходит, чтобы никого не перепутать и чтобы никто не сбежал. Мы не знали, куда мы едем, на запад, на восток, на север или на юг. Честно говоря, мы уже особо не беспокоились, потому что слишком много пережили. Но оказалось, что мы едем домой. Удобства в вагоне были дыра в полу, к этому мы уже привыкли. Двери вагона все время были открыты, пока мы ехали через всю Россию. Когда мы проехали польскую границу, в каждом вагоне возле тормозного устройства стоял русский с «Калашниковым» или с пулеметом, наши проводники. Если бы этих русских там не было, поляки вытащили бы нас из поезда. Они знали, что бывшие эсэсовцы едут домой. Русские дали очередь над головами поляков, отогнали их. Русские нас защитили и довезли до дома в полном порядке. До Франкфурта-на-Одере мы ехали 12 дней.

НКО—СССР

Воинская часть
Полевая почта
№ 1048

СПРАВКА

Бывший военнопленный
Кука Гюнтер
(Фамилия, имя, отчество)

Артур, 1926 года рождения освобожден из лагеря для военнопленных и следует по месту своего постоянного жительства в г. Франкфурт-на-Одер

Командир в/ч Советской Армии
Полевая почта № 1048

Ministerium d[illegible]kräfte
UdSSR
Militärrat[illegible]
Feldp[illegible]
19[illegible]

Ausweis

Ehemaliger Kriegsgefangener
Kühne Günter
(Name, Vorname, Vatersname)

geboren am 1926 ist aus dem Kriegsgefangenenlager entlassen worden und befindet sich auf der Heimreise nach Frankfurt-Oder

Kommandeur der Einheit der Sowjetarmee

Справка бывшего военнопленного Гюнтера Куне

— Когда вы вернулись из плена, была какая-то программа поддержки?

— В Грюнефельде, у Франкфурта-на-Одере, был

демобилизационный лагерь. Там нас первым делом тщательно обыскали, раздев догола. Отобрали любые написанные от руки записки, любые пометки в книгах, все отобрали. Нашу одежду еще раз продезинфицировали. И отправили в карантинный лагерь.

Нам выдали 50 восточных марок, один бесплатный билет на поездку общественным транспортом, поездом или автобусом. Мы поехали на поезде из Франкфурта-на-Одере в Берлин. У меня был очень хороший друг, у него в Оффенбахе-на-Майне была кожевенная фабрика, он по возрасту мне в отцы годился, детей у него не было, и он мне сказал: «Гюнтер, если ты не найдешь работу, приезжай ко мне, у нас нет детей, будешь работать у меня на фабрике, может быть, я тебя даже усыновлю». Но я ответил, что я семь лет не был дома, хочу увидеть моих братьев и сестер, моих родителей, моих бабушку и дедушку, я очень истосковался. А если в ГДР у меня что-то не сложится, я поеду к тебе на Запад, адрес у меня есть. И из Берлина я уехал с Восточного вокзала, а те, кто поехал на Запад, уехали с Западного. Я поехал в Лейпциг на поезде. Я выглядел как русский: куртка, новый костюм слесаря, русская меховая шапка и деревянный чемодан, заполненный сигаретами. Я никогда в жизни не курил, но в плену мы получали каждый месяц табак или махорку (надо сказать, что многие военнопленные меняли продукты на табак и поэтому умерли). Я приехал домой с чемоданом сигарет. От города, от коммуны, от государственных учреждений я ничего не получил, и от них ничего нельзя было ожидать, абсолютно ничего — 50 марок и иди ищи работу. Я зашел в поезд. Поезда тогда, в 1950 году, были переполненные. Когда я зашел, я сидел один в купе, все люди оттуда ушли, потому что я выглядел как русский, они думали, что у меня вши. Я вышел в Лейпциге на вокзале, после пяти лет жизни взаперти. Люди, толпы, крики, шум, мне это было слишком. Я был не готов к свободе, как зверь, выпущенный из клетки. Я нашел поезд в Геру, там было то же самое. Купе было полное, шесть человек, я туда зашел, все тут же оттуда вышли, я был в купе один с моим деревянным чемоданом. Никто не хотел иметь со мной дела. Его надо было охранять, чтобы они его не украли — в ГДР одна сигарета стоила 5 марок. Я вышел в Гере на вокзале и сказал себе, что первым делом я иду к парикмахеру. Сел в кресло к парикмахеру, чемодан поставил у себя между ног, я его строго охранял. Парикмахер был милый пожилой человек, он меня спросил, откуда я. Я сказал, что из русского плена. Он сказал: «Что, только сейчас?!» Я сказал, что я не последний, там еще много. Он меня постриг, мы побеседовали. Теперь мне надо было в Гросс Аркер, мой родной город. Туда ехал только один

автобус, он отправлялся от почты. Я зашел в автобус в Гросс Аркер, он был переполнен. Я вырос в нашем маленьком городе, в деревне, я там знал всех. В автобусе я не видел ни одного знакомого лица, и меня тоже никто не узнал после моего 7-летнего отсутствия. Я послал телеграмму, что я приезжаю в такой-то день, и моя маленькая сестра, она 1938 года рождения, ей тогда было 12 лет, встретила меня и немедленно узнала, я был этим удивлен. Она бросилась мне на шею, приветствовала меня — это была большая радость. И вот хороший сын вернулся домой после 7-летнего отсутствия. Тогда была экономика дефицита, были карточки на продукты, карточки на табак, карточки на одежду, после войны ничего не было. На Западе был план Маршалла, там было немного лучше, но на Востоке было в принципе плохо. Мы, по крайней мере частично, сами себя обеспечивали. У нас был участок, сад, овощи и фрукты, у нас были кролики, куры, и мы кормили свинью. Нам в этом отношении очень повезло. Моя мать, я хорошо это помню, готовила очень вкусный овощной суп, Leipziger Allerlei, с горохом, бобами, картофелем и хорошим куском мяса. Она налила мне большую тарелку этого супа, я после пяти лет лагерной диеты съел тарелку, и она хотела налить мне еще. Я сказал: «Я больше есть не могу, мне нельзя». Я очень медленно начинал нормально есть, чтобы себе не повредить, чтобы привыкнуть к другому питанию. Вот так 7 января 1950 года я оказался дома.

МВД СССР

Главное Управление по делам о военнопленных и интернированных

Арх. № 173147

Зам. литера или кассетонитель	Зам. на дело
108	18475
152	14475

УЧЕТНОЕ ДЕЛО

На военнопленного Куне
(фамилия)
Гюнтер Артур
(имя и отчество)

Дело закончено в связи с бытием в лагере № 62 гор. Франкфурт на Одре
22 декабря 1949 г.

Личное дело военнопленного Гюнтера Куне

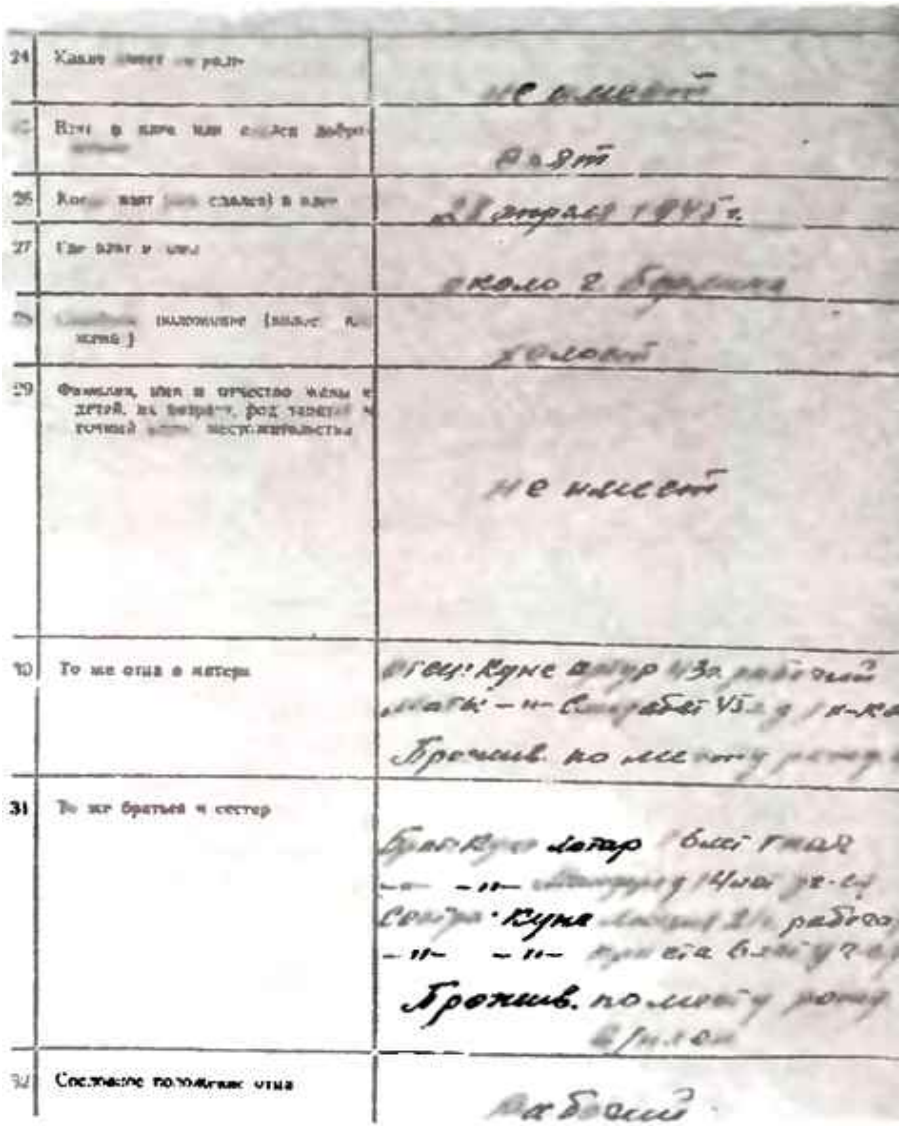
Главное управление МВД СССР по делам о военнопленных и

Учетное дело № 12475 Лагерь № 82 Дата прибытия в

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

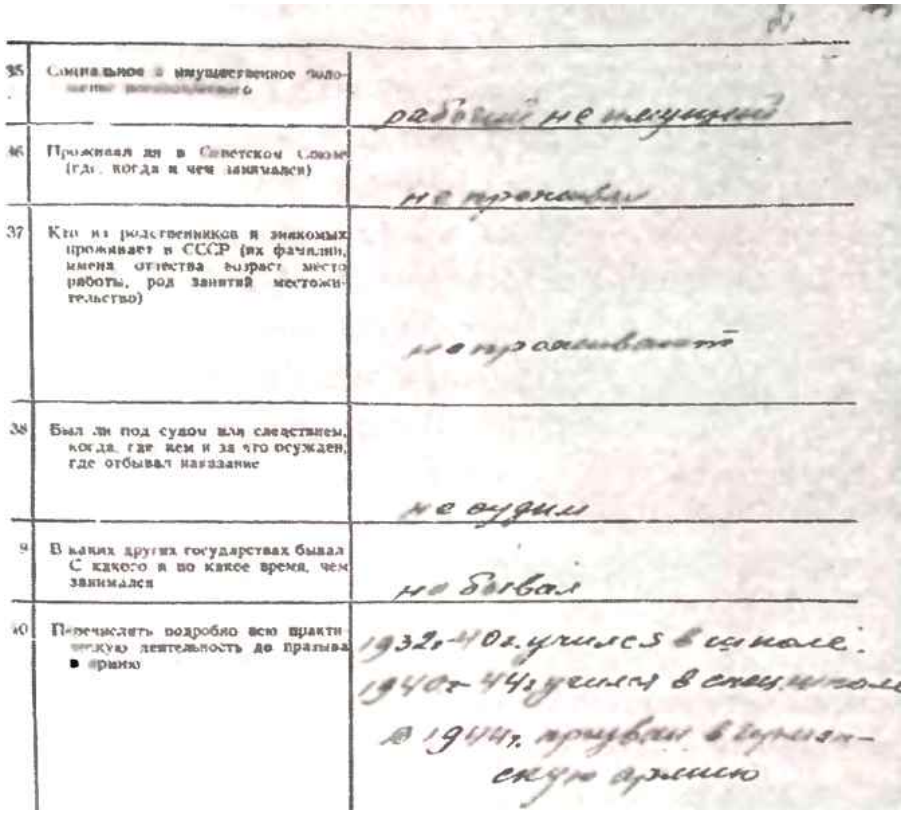
1	Фамилия	Куне
2	Имя	Гюнтер
3	Отчество	Петер
4	Год рождения	1926 г.
5	Место рождения	дер. Гросс-Ремлинген района Целле земли Нижняя Саксония
6	Адрес до призыва (последнее местожительство перед арестом в армию)	по мобилизации
7	Национальность	немец
8	Родной язык	немецкий
9	Какими еще языками владеет	не владеет
10	Подданство или гражданство	германское
11	Партийность	не состоял ни в какой партии
12	Вероисповедание (религия)	евангелист
13	Образование: а) общее б) специальное в) военное	а. 8 кл. нар. школы б. 3 г. сел. школы в. не имеет
14	Профессия и специальность до службы в армии	слесарь
15	Стаж работы по специальности	не имеет
16	В какой армии противника состоял	германской
17	Призван в армию по мобилизации или поступил добровольно	по мобилизации
18	Когда призван (или поступил в армию)	1944 г.
19	Род войск	морской флот
20	В какой (последней перед пленением) части служил	дивизия "30 января" СС
21	Матрикульный номер	29604
22	Чин или звание	солдат
23	Занимаемая должность в части	сварог

Личное дело военнопленного Гюнтера Куне



24	Какое имеет [illegible] роль	не имеет
[illegible]	Кто в плен [illegible] сдался добров[illegible]	Взят
26	Когда взят [illegible] сдался) в плен	21 апреля 1945 г.
27	Где взят в плен	около г. Бранденб[illegible]
[illegible]	[illegible] положение [illegible] жена)	холост
29	Фамилия, имя и отчество жены и детей, их возраст, род занятий и точный [illegible] местожительства	не имеет
30	То же отца и матери	Отец: Куне [illegible] 43 [illegible] рабочий Мать — и — [illegible] 63 [illegible] Брошив. по месту [illegible]
31	То же братьев и сестер	Брат Куне [illegible] [illegible] — — — [illegible] Сестра Куне [illegible] [illegible] — и — — и — [illegible] Брошив. по месту [illegible]
32	Состояние политических отца	не [illegible]

Личное дело военнопленного Гюнтера Куне



35	Социальное и имущественное положение [illegible]	рабочий не имущий
36	Проживал ли в Советском Союзе (где, когда и чем занимался)	не проживал
37	Кто из родственников и знакомых проживает в СССР (их фамилии, имена, отчества, возраст, место работы, род занятий, местожительство)	не проживают
38	Был ли под судом или следствием, когда, где, кем и за что осужден, где отбывал наказание	не судим
9	В каких других государствах бывал. С какого и по какое время, чем занимался	не бывал
40	Перечислить подробно всю практическую деятельность до призыва в армию	1932-40 г. учился в школе. 1940-44 г. учился в спецшколе. В 1944 г. призван в Германскую армию

Личное дело военнопленного Гюнтера Куне

— В вашем личном деле не указано, что вы были в СС. Вы это скрыли или просто не отметили?

— Странно… Когда я попал в плен, я себе сказал, что русские не такие тупые, чтобы не знать, какие части были в немецкой армии. Кроме того, у меня была татуировка с группой крови. Я себе сказал, что, когда я буду писать свою биографию, я напишу правду, и пусть меня хоть 50 раз допрашивают, я ничего неправильного не скажу. Надо сказать, что биографию я определенно раз тридцать писал. Последние два года, когда я был в лагере НКВД, особенно часто, особенно про мои политические взгляды, в каких я был частях, где принимал участие в боях и так далее. Так что с самого начала я писал, что 20 июля 1944 года меня принудительно перевели в дивизию «Гитлерюгенд» Ваффен СС. Я точно помню, что в лагере во Владимире, в июле, была прекрасная погода, молодая русская меня допрашивала. Когда она меня спросила, какая моя последняя воинская часть, я сказал,

что дивизия Ваффен СС «Гитлерюгенд». Русские не говорят «Хитла», они говорят «Гитлер». Тогда она с отвращением от меня отодвинулась и спросила: «Ты — Гитлер?» Я сказал: я не Гитлер. Она чего-то не поняла, я не знаю, что именно.

В ГДР про плен мы ничего говорить не могли. Во Франкфурте-на-Одере, когда меня передавали, я должен был подписать бумагу о неразглашении. Этого хотели от нас и русские, и наши так называемые восточные функционеры, из комитета «Свободная Германия». В 1950 году искал работу в Гере, где было много машиностроительных предприятий, но они почти все в рамках репараций Советскому Союзу были демонтированы и вывезены. Я пошел в Бюро по трудоустройству и сказал, что я слесарь. Меня семь лет не было дома, я был на казарменном положении и спал на нарах, а они мне предложили работу в Рудных горах. Я отказался и не поехал. Они были этим недовольны и сказали, что я теперь должен искать работу самостоятельно. Я нашел работу. На рабочем месте ко мне подошел руководитель и сказал, что я должен заполнить заявление о вступлении в Общество немецко-советской дружбы, поскольку на этом народном предприятии все 100-процентно обязались вступить в Общество немецко-советской дружбы. Я сказал, что листок с заявлением о вступлении он может забрать обратно, потому что я из этого общества только что вышел, я только что из плена, где пять лет ел сухари и капустный суп. Меня немедленно уволили. Только в 1960-м или в 1962 году, я был уже десять лет дома, я все-таки вступил в Общество немецко-советской дружбы.

— Вот этот костюм на фотографии из лагеря, где вы его взяли?

Фото, сделанное в лагере военнопленных

— У нас в июне была фотосессия. Я обычно ходил в поношенной русской униформе: эти казацко-индийские блузы, знаете, и русское солдатское белье. Зимой мы носили русские ватные куртки и русские валенки. И русские меховые schapka. В принципе мы одевались как русские. Тот, кто нас фотографировал, пришел к нашему бригадиру и сказал: «Ребята идут фотографироваться, надо их одеть во что-то приличное». На меня надели поношенную куртку вермахта, с которой были спороты все знаки различия, а на рукаве была нашивка woennoplennyi. Их обычно носили те, у кого в лагере был более высокий статус. Рубашка была русская, только что постиранная, галстука у меня не было.

— *Вы жили на тракторном заводе?*

Deutschland – russ. Zone.

СОЮЗ ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
ССС

Почтовая карточка военнопленного

Carte postale du prisonnier de guerre

Кому (Destinataire) Fam.: Arthur Kuhne

Куда (Adresse) 15 Gross-Aga b. Gera
Heinstrasse 15

Отправителя (Expéditeur) Kgf. Günther Kuhne
Фамилия и имя военнопленного
Nom du prisonnier de guerre

U.d.S.S.R.

Адрес военнопленного
Adresse du prisonnier de guerre Lager 7182/14

Почтовая карточка военнопленного Гюнтера Куне

— Нет, я жил в лагере военнопленных, который располагался рядом с заводом. Я все время был на тракторном заводе, я оттуда выходил ровно один раз, на 1 Мая, нас строем и под охраной отвели в кино. Там показывали немецкий фильм «Белый сон», на немецком языке с русскими субтитрами. Еще, я должен сказать, у меня был еще один контакт с гражданскими. Одна старая русская mamochka спросила у нашего бригадира, нет ли у него двух надежных людей, которые ей помогут собрать урожай картошки. Наш бригадир назвал меня и моего товарища, и нас забрала эта старая дама, возраст я сейчас не могу оценить, я был молодой. Мужа у нее уже не было, дети были где-то далеко, но был урожай картошки и овощей. Наш бригадир забрал нас из лагеря, без охраны, и отвел нас двоих к ней, она жила в деревянном доме, по-спартански, но прилично. Мы выкопали картофель, перебрали его и сложили в подвал под домом, чтобы он зимой не замерз. Потом это старая дама приготовила нам картошки, у нее была коза, и она дала нам большую миску йогурта. Первый раз в плену я сытно поел. Я эту старую даму никогда не забуду, потом она нас отвела обратно в лагерь. Я в России никогда не пытался бежать из лагеря, потому что я владел

русским языком несвободно, и поэтому у меня не было никаких шансов.

— *Как вы в лагере относились к антифашистам?*

— Я к ним не очень хорошо относился, более того, я их ненавидел, потому что они были гораздо хуже русских. Среди антифашистов были нормальные люди, но те, кого я знал…

Один мой хороший товарищ, с которым мы вместе копали картошку у старой дамы, был из окрестностей Лейпцига. Он служил в военно-морском флоте, его не перевели оттуда в Ваффен СС, как меня. Его в 1948 году отпустили домой, но я это только потом узнал. Он добровольно записался в школу антифашистов. Он учился в школе антифашистов, его досрочно отпустили с обязательством поступить в полицию ГДР, точнее, тогда была еще зона советской оккупации. Он приехал в ГДР, поступил в полицию, учился и стал начальником уголовного розыска в Ростоке. Когда меня из-за эсэсовской татуировки отсортировали в другой лагерь, я ему сказал устно, письменно мы ничего передавать не могли: «Хельмут, если ты попадешь домой раньше, чем я, пожалуйста, съезди к моим родителям и расскажи им, что я еще жив и у меня все хорошо». Он так сделал. Он приехал домой в 1948 году, поехал из Лейпцига к моим родителям и сказал, что у него весточка от Гюнтера, у него все хорошо.

— *Когда вы надели эсэсовскую униформу, каким было отношение к вам гражданского населения в Германии?*

— Собственно, неплохое, потому что, с сегодняшней точки зрения, война была проиграна в 1942 году, после Сталинграда, но тогда Геббельс выступил на большом пропагандистском мероприятии и сказал, что мы хотим тотальной войны, да, и все закричали «ура». Это был конец, но в политической диктатуре никто не осмеливался выступить против «Хайль Гитлер». Тогда, в общей эйфории, было так, что Ваффен СС были признанными немцами частями, которые применяли в горящих точках, там, где вермахт не справлялся. У них была специальная, лучшая техника, лучшее вооружение. Я себя, как член Ваффен СС, дискриминированным не чувствовал, за исключением следующего случая. Когда мы, дивизия Ваффен СС «Гитлерюгенд», участвовали в наступлении в Арденнах, мы могли передвигаться только ночью, потому что американцы и англичане, со своими ябос и лайтнингами английскими, уничтожали все, что днем двигалось по дорогам. Мы двигались только ночью, мы въехали в Эйфель с нашими гусеничными транспортерами, в кузове которых были минометы, и ночевали там, в Эйфеле. Нас разместили по домам. Население Эйфеля —

ультракатолическое. Мы были в крестьянских домах, в каждом доме было распятие и терновый венок. И они нам, солдатам, даже не дали воды. Была война, был 1944 год, они нас игнорировали. Это уже была оппозиция, восстание, это чувствовалось. Нас, 18-летних, ужаснуло то, что они с нами не хотят иметь ничего общего.

— *Отношения СС и вермахта?*

— Вермахт к Ваффен СС относился с завистью, как сегодня бедные к богатым. У Ваффен СС было все, лучшее оружие, самое современное оружие, у вермахта было устаревшее, поэтому они завидовали.

— *Как вы восприняли известие о капитуляции?*

— Об этом мы узнали в Познани. Я должен сказать, что это было для нас, немцев в нацистском смысле, непостижимо. Как такое вообще может быть, думали мы? Победоносная Германия лежит в руинах и капитулирует, бессильная и неспособная бороться. Все. Я приведу маленький пример, как нас подстрекали. У нас в народной школе в седьмом или в восьмом классе был классный руководитель, он был инструктор райкома партии [Politischer Amtsleiter], в СА еще была золотистая униформа, политических руководителей поэтому называли «золотые фазаны». Он ненавидел евреев и внушал это нам, невинным детям. У нацистов была антисемитская газета «Штурмовик», он эту антисемитскую газету приносил на уроки и читал нам, 12-летним, из нее статьи. Он воспитывал в нас ненависть к евреям. Каждое чтение он заканчивал следующими словами, я окончил народную школу в 1941 году, 70 лет прошло, но они до сих пор в меня впечатаны: не верь лисе в винограднике и не верь словам еврея. Каждый день он нам это говорил. Что мы, молодые люди, должны были думать?

— *У вас в школе была молитва за Гитлера перед началом занятий?*

— Нет, мы должны были петь песню. В школе были еще дисциплина и порядок, у нас были складывающиеся сиденья, скамейки на два или три человека. Когда учитель входил в класс, мы должны были встать, и звук от складывающихся сидений должен был быть как выстрел, «цак», и мы все стоим. Потом мы пели народную песню, потом садились, и начинался урок. В принципе нас сначала подстрекали, потом натравили, потом использовали в преступных целях и потом принесли в жертву. Я в 17 с половиной лет пошел в Имперское трудовое агентство, а в 24 года вернулся домой, это была моя юность. Ни одного дня отпуска, и ни одного дня за эти годы я не был дома.

— *За что вы воевали? Каким был ваш персональный мотив?*

— Когда мы стали солдатами, мы были последним резервом Гитлера, я 1926 года рождения, были еще 1927 года рождения, мы были последними. В Эйфеле, во время наступления в Арденнах, у нас еще был порыв, мы думали, что сейчас мы сбросим американцев в Канал. Но потом от воли к победе, даже у старых солдат, которые воевали с начала войны, ничего не осталось. Мы, в массе, плыли по течению без какой-либо цели. Мы знали, что это конец. От победоносного вермахта уже ничего не осталось. Когда мы капитулировали, я сказал: слава богу.

— *Вы получили награды за войну?*

— Нет. Я был слишком молодой. Я даже ефрейтором не был, я был простой солдат. Дядя моего отца был унтер-офицер, воевал в России с самого начала. Он получил Рыцарский крест за уничтожение 25 танков Т-34. Он приезжал в отпуск, сияющий, герой, но мой тесть сказал: «Зачем ему этот Рыцарский крест? Он получит железный крест на могилу». Так и получилось — погиб в России. Мне не нужны были награды, быть немножко трусом тоже может быть хорошо.

— *В России есть стереотип о немецкой педантичности. Вам не мешало отношение русских к работе?*

— Русские несколько равнодушны к качеству работы. Все равно как, главное, что оно работает. Немцы более целеустремленны. Но русские счастливее нас. Если у вас в голове цель и вы не можете этого добиться, вы в конечном итоге сходите с ума. В России, на тракторном заводе, мы до 1946, 1947 года работали с русскими женщинами, потом из армии начали возвращаться русские мужчины, и женщины с завода постепенно исчезли. Мы в литейном цеху лили алюминиевые блоки тракторных моторов. Крановщик, который грузил алюминиевые чушки в электропечь, был русский, Ваня его звали, ему, как и нам, было 18 лет, он хотел стать летчиком, он над нами все время подшучивал. Он говорил, что Гитлер капут, а нас пошлют в Сибирь на 25 лет. А мы ему говорили: «Ваня, ты шутишь». Мы с ним были в очень хороших отношениях.

Когда мы пришли в лагерь, у нас не было ложек. Один товарищ из Рудных гор вырезал деревянную ложку с голой женщиной вместо ручки, с грудью и всеми делами. Мы из этой деревянной ложки сделали форму и лили алюминиевые ложки с голой женщиной вместо ручки, потом их обрабатывали и полировали, они выглядели шикарно. Русские по этим ложкам сходили с ума, все хотели такие ложки. Мы их даже продавали. Но мы очень рисковали, потому что лили ложки из стратегического алюминия, а за воровство очень просто можно было получить 10 лет.

В лагере во Владимире у нас было настоящее кабаре, где ставили оперетты Легара. В столовой при этом сидело больше русских, чем военнопленных. Русские любили слушать, как мы поем, и много аплодировали. Мы были этим воодушевлены. У нас был оперный певец из Дрездена, на Рождество он нам пел «Когда солдат стоял на берегу Волги…» (Es steht ein Soldat am Wolgastrand, Hält Wache für sein Vaterland. (Франц Jlerap, оперетта «Царевич»), мы все плакали. Эту песню нельзя было исполнять в ГДР.

— *Рождество в плену отмечали?*

— Мы должны были работать, потому что русские отмечают Рождество не тогда, когда мы, а 6 января. Нам не нравилось, что в этот большой и привычный для нас христианский праздник мы должны работать. Надо сказать, что сначала было совсем плохо — выходной был раз в десять дней. Потом был один выходной каждую неделю. Сначала мы работали по 10 часов в день, потом только восемь. Все это постепенно нормализировалось, но нашу молодость у нас украли.

— *За участие в войне пенсию доплачивают?*

— Нет, абсолютно ничего. В ГДР не было пенсии даже для инвалидов войны, для тех, кто потерял руку или ногу.

— *Ваши годы на войне учитываются в пенсии?*

— Мне очень повезло. Я вышел на пенсию в 1991-м. До 1992 года пенсию начисляли по старым законам. По новым законам, каждый день болезни, праздников, учебы или военной службы из пенсии вычитается, а по старым законам я получаю пенсию за мои шесть месяцев в Имперском трудовом агентстве, два года войны и пять лет в русском плену. Всего у меня 50,3 года рабочего стажа.

Шилингер Руперт (Schillinger, Rupert)

Синхронный перевод — Ольга Рихтер

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Я родился в 1922 году под Мюнхеном. Мой отец был сапожник. Это профессия с течением времени перестала приносить доход, потому что появились большие обувные предприятия, которые ремонтировали обувь даже дешевле, чем это делал мой отец, и он остался без работы. Жили очень бедно. Нас было трое детей, квартира было очень маленькой. Родители в кредит построили дом, но банк потребовал выплатить всю сумму единовременно, и мой отец ходил по родственникам и знакомым и умолял дать ему в долг, чтобы мы смогли отдать долги. Я до сих пор удивлен, что это получилось. После окончания народной школы меня отправили учиться в гимназию-интернат у францисканцев, потому что плата за обучение у них в гимназии была ниже. Кроме того, мать хотела, чтобы один из ее сыновей стал священником. Когда президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером, меня это внутренне возбудило, я был очень счастлив. Гитлер обещал снова сделать действительными старые деньги, которые пропали, когда в Германии была инфляция. Мой дедушка имел много старых денег, если бы они вернулись, мы стали бы богатыми. Надо сказать, что Гитлер положительно повлиял на ситуацию в Германии. Появилась работа. Стало меньше бедных людей. Тех, кто тогда симпатизировал Гитлеру и вступал в партию, можно понять. Мой отец тоже вступил в партию, но не был руководящим членом партии, он был попутчиком, как и многие тогда.

В 1940 году меня призвали в Трудовое агентство. В нем все молодые люди и девушки проходили полугодовую службу, но я отслужил только три месяца. В Трудовом агентстве было неплохо, пока я не сказал, что собираюсь стать священником. Дело в том, что партия отрицательно относилась к Церкви, и многие молодые люди поддерживали эту политику. Я не собирался скрывать, что готовлюсь в священники, и, когда этот вопрос официально мне был задан, я ответил на него положительно, что очень удивило моего командира взвода. Ко мне не стали относиться хуже,

потому что я был очень хорошим спортсменом и командир взвода меня рассматривал как одного из четырех лучших во взводе. Но был там один товарищ, который начал рассказывать плохие шутки про Церковь, папу, епископов и священников. Я ему сказал на хорошем баварском, что если он не заткнется, то он от меня получит. Он не остановился, и я его действительно ударил. Он был крепким, бывшим мясником, и не мог просто так это оставить. Началась настоящая драка. Факт драки дошел до командира отделения, настоящего берлинца. Он на нас наорал. Главным вопросом был: «Кто первым начал?» Потому что виноватым всегда был тот, кто первый начал, наказывали его, а не того, кто себя защищал. Я сказал, что первым начал я. Командир отделения очень удивился, потому что он знал, что я хочу стать священником. Я должен был пойти к командиру взвода, потом к начальнику лагеря и рассказывать, почему я это сделал. Я не почувствовал какого-то непонимания с их стороны, а мой командир отделения меня поддержал, сказав, что ему нравится, как я отстаиваю свои убеждения. В итоге меня даже не наказали. В 1941 году меня призвали в армию, в горные егеря. Подготовку проходили в Обераммергау. Нас обучали только вещам, которые имели значение в бою, разумеется, строевой подготовке, но регулярной горной подготовки у нас не было. Например, зимой нам просто выдавали лыжи, и мы должны были на них кататься, несмотря на то, умели мы или нет. Я кататься на лыжах научился только после войны. В армии у меня никогда не было проблем из-за моего выбора профессии, более того, мой выбор даже во многом уважали. Надо сказать, что у горных егерей было очень сильное чувство товарищества, спаянное горами. Когда мы шли в гору, наш командир точно так же нес свой рюкзак и точно так же потел, как и все остальные, простые солдаты. Это очень существенно влияло на дух товарищества.

В качестве солдата 4-й горнострелковой дивизии после трех месяцев обучения я попал в Россию.

— *Насколько неожиданной была война с Россией?*

— Настроение у населения было очень различным. Мы чувствовали, что дело идет к войне, но особого воодушевления по этому поводу не испытывали. Многие пережили Первую мировую и понимали, что такое война. Врага, конечно, пропаганда представляла так, чтобы пробудить энтузиазм у населения. У Гитлера была неограниченная власть! Удивительно, что народ все это допустил, но надо понимать, что у населения был страх. Все боялись, что сосед настучит, и все молчали. В России было так же.

— *Вы знали, что Россия — это враг?*

— Я так скажу. После войны я в гимназии при освящении памятной доски выступал с речью перед участниками. Свою речь я построил на письмах с фронта, направленных в монастырь одному из отцов от солдат, желавших стать священниками. Этот отец всю войну переписывался с солдатами и молился над этими письмами. Я в этих письмах не видел, чтобы было написано, что это война идет за родину или за фюрера. В них эта война воспринималась как выполнение долга по защите от коммунизма. Я тоже считаю, что мы воевали не против русских, а против коммунизма.

— Как рассматривался заключенный в 1939 году пакт Молотова — Риббентропа?

— Это было позитивно воспринято населением. Было сказано, что так мы избежим войны. Тогда напряжение все возрастало, и этот пакт был воспринят позитивно. Я хорошо помню, как встречались Молотов с Риббентропом. Потом мы совместно напали на Польшу, немцы с запада, а русские с востока.

— Где вы были 22 июня 1941 года, как узнали о начале войны с Россией?

— Мы, учебный батальон горных егерей, находились на марше в Италию. Надо сказать, что сразу вспомнилась история Наполеона, который хоть и дошел до Москвы, но кончил плохо. Воодушевления у нас не было.

— В каком месяце вы вошли в Россию в 1941 году?

— Осенью. Наш марш был тяжелым из-за погоды.

— Что вы знали о России до того, как вы туда попали?

— Мы знали только то, что писали в газетах и говорили по радио. Тогда не было частных радиостанций, радио было у всех одно, приемник был один на всех.

— Что на вас произвело самое большое впечатление в России, что там было такого, чего вы не знали?

— Самым большим моим впечатлением в России были ее размеры и просторы. Кроме того, удивляло поведение населения — это было то, чего мы не ждали. Мы думали, что мы идем во враждебную среду, вокруг будут враги. Но, поскольку поначалу мы находились в резерве, мы общались с гражданским населением. В Сталине, например, а это был коммунистический район, население было настроено дружелюбно. Тогда мы говорили, что, если бы немецкое руководство было разумным, оно сразу должно было объявить Украину независимой. Украинцы не хотели иметь ничего общего с Советской Россией. С течением времени мы немного узнали русский менталитет — русские для меня пассивные люди. Все время нашего пребывания

в России, я должен сказать, мы очень хорошо относились к русскому населению.

— *Как пережили зиму 41-го в России?*

— Было очень холодно — мороз до минус 40 градусов. У нас не было зимней одежды, и мы надевали носки на уши. На фронте в принципе было затишье, но мы постоянно несли потери обмороженными. Лично я относительно легко переносил мороз и мог на 40-градусном морозе стоять в карауле, а многие этого не могли — они выходили на десять минут на улицу, и у них уже были белые носы и уши. У нас был строгий приказ класть бумагу в ботинки для тепла. Если кто-то обмораживал себе ноги и выяснялось, что у него в сапогах не было бумаги, то это рассматривалось как умышленное членовредительство. Таких судили и расстреливали.

— *Кем вы были зимой 1941 года?*

— Обычным солдатом, горным егерем. Потом я стал связным при командире взвода. Я могу сказать, что мне повезло — я никогда в жизни не стрелял в человека. Вооружен был карабином «маузер 98к».

Пистолеты-пулеметы были только у командиров отделений. Русские в некоторых вещах нас невероятно превосходили. Русские пистолеты-пулеметы работали зимой, а немецкие замерзали. У русских была одна марка автомобилей. Когда автомобиль ломался, русские всегда могли взять запчасти с другого автомобиля, а у нас было огромное количество разных марок автомобилей, и отремонтировать их было очень сложно.

— *Зимой 1941/42 года были перебежчики с немецкой стороны?*

— В России желающих перебежать к русским, чтобы избежать опасности, было немного, потому что все очень боялись плена. Об этом много говорили, была целенаправленная пропаганда. Когда мы были в Италии, то очень боялись попасть в руки партизан. Они творили страшные вещи.

Перебежчики появились в Италии, когда мы воевали против американцев. Это происходило очень часто. Но если было доказано, что кто-то перебежал добровольно, то его семью арестовывали.

— *Были случаи самострелов?*

— Да, такое тоже было, конечно, как в любой армии. Но русских солдат контролировали намного жестче, чем нас, у них это делали комиссары. При атаках они были сзади и расстреливали тех, кто не хотел идти в атаку, у нас такого не было. Конкретно у нас в части самострелов не было.

Были случаи невыполнения приказа. Я сам один раз

отказался выполнять приказ. Меня определили в расстрельную команду, когда расстреливали одного партизана. Я до смерти перепугался, когда услышал, как меня вызывают. Я сел вместе с тремя моими товарищами, которых назначили в эту команду, и сказал, я этого делать не буду. Товарищи мне сказали, что я должен стрелять мимо. Я сказал, что я не хочу ни там стоять, ни стрелять, ни целиться. Я отказался выполнять приказ. Это безусловно означало, что меня будут судить и однозначно расстреляют, это было абсолютно ясно. Я пошел к моему командиру взвода и сказал ему, что отказываюсь выполнять приказ, поскольку собираюсь стать священником. Он сказал, что я должен найти кого-то другого, кто за меня это сделает. Я ужаснулся, — теперь я должен был найти человека, который вместо меня убьет другого человека. Я был в отчаянии. Тогда один из трех товарищей по команде сказал, что мне не надо искать — он выстрелит мимо. Он так и сделал. Мы радовались, что это так закончилось, мы больше никогда об этом не говорили, потому что, если бы наверху всплыло, что я отказался выполнять приказ, это кончилось бы плохо.

— *Зимой 1941/42 года было русское наступление?*

— Да, да. Мы пытались караулами отбиваться от русских. На нашем участке тоже было русское наступление, но я его проспал. Я спал и не слышал, как все остальные вскочили по команде «тревога». Когда я проснулся, они уже возвращались из боя, я у них спросил, где они были, они сказали, что русские атаковали. Мой командир отделения после этого очень низко оценил мои боевые качества, сказал, что, когда атакует противник, надо просыпаться. Я ему сказал, что надо было меня разбудить и что если бы русские захватили меня в плен, то он был бы в этом виноват.

— *Вы думали, что вы выиграете войну?*

— Выиграем войну! Ага! Мы думали о том, как бы нам попасть домой! Мечтали о том, чтобы ранило, и попасть в госпиталь на родину. Мы очень быстро увидели, что эта война проиграна.

— *Когда лично вы это поняли?*

— Я это уже точно не помню.

Весной я заразился желтухой от наших мулов. Честно сказать, я им за это благодарен. Тогда желтуха не считалась опасной болезнью, но у меня она протекала в тяжелой форме, и один врач отправил меня в госпиталь на родину. По дороге домой другой врач узнал, что у меня желтуха, и хотел отправить меня обратно на фронт. Я сказал, что на фронт не поеду, пока они меня не обследуют. Меня обследовали и признали, что моя печень все еще

очень твердая и мне нужен отпуск. Я поехал в лазарет в северной Германии. Там было хорошо, нас встречали с оркестром и обращались как с тяжелобольными, хотя это был лазарет для легкораненых.

Я вернулся в свою дивизию, когда она наступала в горах Кавказа. Надо сказать, что кавказцы были настроены в нашу пользу. Они, собственно, с войной ничего общего иметь не хотели. У нас с местным населением на Кавказе были прекраснейшие отношения.

В 1943 году меня тяжело ранило. Мы наступали на Кайман, мое подразделение шло в авангарде, а основные силы следовали за нами. В сумерках, когда мы вышли на большую поляну, русские из леса с противоположной стороны поляны запустили осветительную ракету и открыли огонь. Я почувствовал удар в лицо. Сначала я не понял, что произошло, но хлынула кровь, и я догадался, что ранен. Наши открыли ответный огонь. Я побежал назад, спасая свою жизнь. Хорошо, что мы недалеко отошли от леса. Как оказалось, пуля прошла насквозь через щеку и шею, не задев жизненно важных сосудов и нервов. Хорошо, что это была обычная пуля. Если бы это была разрывная пуля «дум-дум», которые тогда использовали русские, то мне оторвало бы голову.

Раненых, двенадцать человек, собрали и понесли на носилках, сделанных из двух палок и мешка, в тыл. Я не хотел, чтобы меня так несли, я мог идти сам, хотя у меня из раны все время текла кровь. Мы шли семь часов. Проводниками у нас было четыре пленных кавказца. Я всегда говорю, что моя мама не смогла бы обращаться со мной лучше, чем они. Двое из них меня поддерживали, а другие двое шли впереди и очищали дорогу, убирали ветки и так далее, чтобы со мной ничего не случилось. Мы делали привалы, и они меня укладывали так, чтобы я, с раненой головой, мог отдохнуть. Это была забота, которую я часто упоминаю в моих проповедях. Потом нас еще три часа везли верхом на лошадях, и двое из них все время шли справа и слева от лошади и поддерживали меня, чтобы я не упал. Мне было очень грустно, когда я с ними расставался, я охотно взял бы их дальше с собой. Я попал в лазарет в Майкоп. Я не мог есть суп — мне очень хотелось бутерброд с колбасой. Я попросил русскую медсестру (говорить я не мог, поэтому я ей нарисовал, что я хочу). Она действительно принесла мне бутерброд с колбасой. Мне потребовалось несколько часов, чтобы его съесть, потому что я едва мог жевать. Врач узнал от медсестры, что я ел бутерброд с колбасой, и немедленно вычеркнул меня из списка тех, кого отправляли в Германию самолетом. Поэтому я поехал домой на поезде.

Интересно, что в день, когда меня ранило, у моей матери было чувство, что со мной что-то произошло. Это материнский инстинкт.

После выздоровления и до 1945 года я был в учебном батальоне горных егерей. Сначала я обучался на радиста, а затем был оставлен в качестве инструктора. Мне присвоили звание ефрейтора, и я стал командиром отделения. Меня все время пытались продвинуть по службе, сделать офицером, но мне этого не хотелось. Кроме того, для этого нужно было проходить стажировку в боевой части на фронте, а мне это, честно говоря, уже совсем не хотелось. Мне нравилась работа радиста, радиостанция. У нас, в отделении связистов, был студент-музыкант. Он мастерски разбирался в «радиосалате», творящемся в эфире, и находил необходимую станцию. Руководство на него очень полагалось. Настраивать радиостанцию самостоятельно было строжайше запрещено, но у нас был техник, радиолюбитель, который все равно это делал, и мы могли слушать зарубежные радиостанции, хотя это было запрещено под страхом смертной казни, но мы все равно слушали. Тем не менее я два раза был в Италии, участвовал в боевых действиях, но там не было ничего особенного. Весной 1945 года я стал обер-егерем. Мой командир, когда производил меня в обер-егеря, а мы были вдвоем, спросил меня, нет ли у меня какого-либо желания. Я ему сказал, что хочу, чтобы это было мое последнее воинское звание.

— У *вас в роте были ХИВИ?*

— Да, несколько человек. Были и те, кто воевал на немецкой стороне. Была даже русская дивизия. Я как-то должен был доставить туда одного солдата. Я не знаю, где они воевали, я с ними встречался, только когда я был дома, в Германии.

— *Вши были?*

— И сколько! Это была катастрофа! Мы были тотально завшивлены. Мы не могли ни мыться, ни стирать. Во время наступления, весной или осенью, наша одежда была сырой, и мы спали в ней, чтобы она на нас высохла. В обычных условиях от этого можно было заболеть, но на войне ресурсы организма мобилизуются. Я помню, мы вошли в какой-то дом после марша, абсолютно мокрые, свет зажигать было нельзя, я нашел какой-то ящик, который мне удивительно хорошо подходил, и лег в нем спать. Утром я обнаружил, что это был фоб.

— *Русские солдаты получали водку зимой. Вам ее давали?*

— Нет. Чтобы согреться, у нас был только чай. Теплой одежды не было. В Германии собирали теплую одежду для солдат на фронте, люди сдавали свои шубы, шапки, варежки, но до нас ничего не дошло.

— *Вы курили?*

— Да. Сигареты выдавали. Я их иногда менял на шоколад. Иногда появлялись маркитанты, можно было что-то купить. В принципе было нормально.

— *Что вы можете сказать о подготовке армии к войне?*

— Я должен сказать, что условиям войны в России армия не соответствовала. Что касается русских, то отдельно взятый солдат не был нашим врагом. Он выполнял свой долг на своей стороне, а мы на своей. Мы знали, что русские солдаты находятся под давлением комиссаров. У нас такого не было.

— *Самое опасное русское оружие?*

— В 1942 году самой опасной была авиация. Русские самолеты были примитивны, но мы их боялись. У нас, у горных егерей, были вьючные животные, мулы. Они очень рано замечали, что летят самолеты, и просто останавливались, не двигались с места. Это была самая лучшая тактика — не двигаться, чтобы тебя не заметили. Русских бомб мы боялись, потому что они были наполнены гвоздями и шурупами.

— *Прозвища у русских самолетов были?*

— Ночной бомбардировщик называли «швейная машинка». Больше я не помню… Мы много забыли о войне, потому что после нее мы о ней не говорили. Я только в последние годы начал вспоминать, где и в каких опасностях я побывал. Воспоминания возвращаются и становятся живыми. Но в целом, я могу сказать, когда мы смотрим в прошлое, мы его видим в просветленном, блаженном свете. Над многим мы теперь просто смеемся. Острые углы округлились, мы больше не злимся на то, что было тогда. Теперь у нас совсем другой взгляд, даже на бывших врагов. Мы много раз были во Франции, встречались там с солдатами. Мы с французами отлично понимаем друг друга, хотя в прошлом мы относились друг к другу очень враждебно. Я помню, во время войны мы пришли в какой-то город, мы шли не колонной, а просто, как на прогулке, по направлению к собору, и, когда мы шли, люди в домах, видя нас, закрывали окна с ругательным словом «бош», хотя мы вели себя очень прилично.

— *Вы слышали о существовании «приказа о комиссарах»?*

— Нет. Я о таких вещах, честно, ничего не могу сказать.

— *Ваши братья вернулись домой?*

— Они вернулись несколько позже. Я вернулся домой через десять дней после окончания войны. Мой старший брат вернулся через три недели после меня, а младший через три месяца. Но мы все трое вернулись. Когда вернулся я, мы дома не стали это праздновать, моя мать сказала, что мы должны дождаться остальных братьев. Когда они возвращались, мы праздновали, и

моя мать сказала, что про меня она знала, что я вернусь домой, она была абсолютно в этом уверена.

— *Вы получали зарплату как солдат?*

— Да, солдаты получали наличными, а унтер-офицеры получали зарплату на счет. В России мы иногда квартировали в городах, в огромных шикарных квартирах на больших улицах, а за ними была бедность. У нас такого не было.

— *Что вы делали в свободное время на фронте?*

— Мы писали письма. Для меня было очень важно, чтобы у меня было что почитать. У нас были только дешевые романы, они меня не интересовали, но мне пришлось несколько прочитать, чтобы было о чем говорить с товарищами и чтобы они не спрашивали, почему я их не читаю. Я писал письма, чтобы практиковаться в немецком языке. Я писал письмо, и если мне не нравилось, как оно было написано, я его рвал и писал новое. Для меня это была необходимость, чтобы духовно оставаться в живых.

— *Какое было ваше отношение к 20 июля 1944 года?*

— Я очень жалел, что не получилось. Мы знали, что все заканчивается и что наверху невозможные люди. У меня тогда было впечатление, что большая часть населения думает точно так же. Почему с ним ничего не случилось?

— *Какими наградами вы отмечены?*

— «Мороженое мясо» за зиму 41-го. Награда за ранение и Железный крест второго класса, он почти у всех был, мы им особо не гордились.

— *Где вы были в момент окончания войны?*

— Перед концом войны меня перевели в военную школу в Миттенвальде, на офицерскую должность. Это прямо возле моего дома. Мне очень повезло, нет, не повезло, это сделал любимый Господь, что получилось так, как получилось. Война уже закончилась. Я продолжал оставаться командиром отделения из 12 человек. В казарме в Гармише мы занимались бытовыми вещами: грузили продовольствие, работали по хозяйству. Казарма должна была полностью в том виде, в котором она есть, быть передана американцам, которые медленно продвигались из Обераммагау к Гармишу. Из казармы выходить было запрещено. Я стоял с моим отделением в карауле, начальником был обер-лейтенант, которого я знал еще по Мюнхену. Я ему объяснил, что хотел бы сходить в местный монастырь. Обер-лейтенант меня отпустил, я распрощался, но он мне сказал, что я еще солдат и должен вечером, к семи часам, вернуться. Я пошел в монастырь и попался офицерскому патрулю. Это было смертельно опасно, меня могли расстрелять на месте. Они меня остановили и спросили, куда я иду. Я сказал, что иду домой. Это были двое

разумных молодых людей, и они меня пропустили, мне очень повезло. С небес был дан знак, что я еще нужен.

— *Война — это самое главное событие в вашей жизни или послевоенная жизнь важнее?*

— Да, конечно, в течение жизни были события, которые были гораздо важнее, чем война. Война нас, молодых людей, выковала. Мы созрели на войне. Я благодарен судьбе, что я это пережил и пошел своим путем.

Морелль Вольфганг (Morell, Wolfgang)

— Меня зовут Вольфганг Морелль. Это фамилия гугенотская, потому что мои предки пришли из Франции в XVII веке. Я родился в 1922 году. До десяти лет учился в народной школе, а потом почти девять лет в гимназии, в городе Бреслау, нынешнем Вроцлаве. Оттуда 5 июля 1941 года меня призвали в армию. Мне как раз исполнилось 19 лет.

Я избежал трудовой повинности (перед службой в армии молодые немцы обязаны были полгода отработать на Имперскую службу труда) и шесть месяцев был предоставлен сам себе. Это был как глоток свежего воздуха перед армией, перед пленом.

— *Перед тем как попасть в Россию, что вы знали о СССР?*

— Россия была для нас закрытой страной. Советский Союз не хотел поддерживать связь с Западом, но и Запад не хотел связей с Россией — обе стороны боялись. Однако еще в 1938 году, 16-летним парнем, я слушал немецкую радиостанцию, регулярно вещавшую из Москвы. Надо сказать, передачи были неинтересные — сплошная пропаганда. Производство, визиты руководителей и так далее — это никого не интересовало в Германии. Была информация и о политических репрессиях в Советском Союзе. В 1939 году, когда произошел поворот во внешней политике, когда Германия и СССР заключили договор о ненападении, мы увидели советские войска, солдат, офицеров, танки — это было очень интересно. После подписания договора сильно возрос интерес к Советскому Союзу. Некоторые мои школьные товарищи начали изучать русский язык. Они говорили так: «В будущем мы будем иметь тесные экономические отношения, и надо говорить по-русски».

— *Когда начал формироваться образ СССР как врага?*

— Только после начала войны. В начале 1941 года чувствовалось, что отношения ухудшаются. Ходили слухи, что СССР собирается отказаться от экспорта зерна в Германию.

— *Как восприняли начало войны с Советским Союзом?*

— Чувства были очень разные. Некоторые считали, что через неделю все враги на Востоке будут уничтожены, как это произошло в Польше и на Западе. Но старшее поколение восприняло эту войну скептически. Мой отец, воевавший в России в Первую мировую войну, был убежден, что мы не доведем эту войну до счастливого конца.

В конце июня я получил письмо, в котором мне

предписывалось в такой-то час такого-то числа быть в казарме воинский части. Казарма располагалась в моем родном городе, так что ехать было недалеко. Меня готовили на радиста два месяца. Однако первое время я больше играл в теннис. Дело в том, что мой отец был знаменитый теннисист, и сам я начал играть с пяти лет. Наш теннисный клуб располагался недалеко от казармы. Как-то в разговоре я сказал об этом командиру роты. Он очень хотел научиться играть и тут же взял меня с собой на тренировку. Так я вышел из казармы гораздо раньше других. Вместо строевой подготовки я играл в теннис. Командира роты моя строевая выучка не интересовала, он хотел, чтобы я играл с ним. Когда началась подготовка по специальности, игры закончились. Нас учили приему-передаче на ключе, учили подслушивать вражеские разговоры на английском и русском. Пришлось учить русские знаки азбуки Морзе. Каждый знак латинского алфавита кодируется четырьмя знаками Морзе, а кириллического — пятью. Освоить это было непросто. Вскоре обучение закончилось, пришли курсанты следующего набора, и меня оставили инструктором, хотя я и не хотел. Я хотел на фронт, потому что считалось, что война вот-вот закончится. Мы разгромили Францию, Польшу, Норвегию — Россия долго не продержится, а после войны лучше быть ее активным участником — больше льгот. В декабре по всей Германии собирали солдат тыловых подразделений для отправки на Восточный фронт. Я подал рапорт, и меня перевели в команду для отправки на войну.

До Орши мы ехали по железной дороге, а от Орши до Ржева нас перебросили на траспортных Ю-52. Видимо, очень срочно требовалось пополнение. Надо сказать, что, когда мы прибыли в Ржев, меня поразило отсутствие порядка. Настроение армии было на нуле.

Я попал в седьмую танковую дивизию. Знаменитая дивизия, которой командовал генерал Роммель. К тому времени, как мы прибыли, в дивизии танков уже не было — они были брошены из-за отсутствия горючего и снарядов.

— *Выдали ли вам зимнее обмундирование?*

— Нет, но мы получили несколько комплектов летнего. Нам выдали три рубашки. Кроме того, я получил дополнительную шинель. А ведь в январе стояли морозы под сорок градусов! Наше правительство проспало наступление зимы. Например, приказ собрать лыжи у населения для армии вышел только в марте 1942 года!

— *Когда прибыли в Россию, что поразило больше всего?*

— Пространство. Мы мало контактировали с местным населением. Иногда останавливались в избах. Местное население

нам помогало.

Из нашей группы стали отбирать лыжников для операций в тылу противника — нужно было подсоединяться к линиям связи противника и прослушивать их. Я в эту группу не попал, и 10 января я уже был на передовой в качестве простого пехотинца. Мы чистили дороги от снега, воевали.

— *Чем кормили на фронте?*

— Горячее питание было всегда. Давали шоколад с колой, иногда ликер — не каждый день и ограниченно.

Уже 22 января я попал в плен. Я находился один в боевом охранении, когда увидел группу русских солдат — человек пятнадцать в зимней одежде на лыжах. Стрелять было бесполезно, но и сдаваться в плен я не собирался. Когда они подошли поближе, я увидел, что это монголы. Считалось, что они особенно жестокие. Ходили слухи, что находили изуродованные трупы немецких пленных с выколотыми глазами. Принять такую смерть я был не готов. Кроме того, я очень боялся, что меня будут пытать на допросе в русском штабе: сказать мне было нечего — я был простой солдат. Страх перед пленом и мучительной смертью под пытками привел меня к решению покончить с собой. Я взял свой «маузер 98к» за ствол и, когда они подошли метров на десять, вставил в рот и ногой нажал на спусковой крючок. Русская зима и качество немецкого оружия спасли мне жизнь: если бы не было так холодно, а части оружия не бы ли так хорошо подогнаны, что смерзлись, то мы бы с вами не разговаривали. Меня окружили. Кто-то сказал «Хенде хох». Я поднял руки вверх, но в одной руке я держал винтовку. Ко мне приблизился один из них, забрал винтовку и что-то сказал. Мне кажется, что он сказал: «Радуйся, что для тебя война кончилась». Я понял, что они настроены вполне дружелюбно. Видимо, я был первым немцем, которого они видели. Меня обыскали. Хотя я не был заядлым курильщиком, но в моем ранце была пачка, 250 штук сигарет «R-6». Все курильщики получили по сигарете, а оставшееся вернули мне. Эти сигареты я потом менял на пропитание. Кроме того, солдаты обнаружили зубную щетку. Видимо, они столкнулись с ней впервые — внимательно ее разглядывали и смеялись. Один пожилой солдат с бородой потрепал меня за шинель и пренебрежительно бросил: «Гитлер», — потом показал рукой на свою шубу, шапку и уважительно сказал: «Сталин!» Меня тут же хотели допросить, но никто не говорил по-немецки. У них был маленький словарь, в котором была глава «Допрос пленного»: «Wie heissen Sie? Как фамилия?» Я назвался. «Какая часть?» — «Я не понимаю». Я решил на допросе держаться до последнего и не раскрывать номер своей части. Немного

помучившись со мной, они прекратили допрос. Пожилому солдату, который хвалил свое обмундирование, приказали сопровождать меня в штаб, который находился в шести километрах в деревне, оставленной нами два-три дня назад. Он шел на лыжах, а я пешком по полутораметровому снегу. Стоило ему сделать пару шагов, как я оставался на много метров позади него. Тогда он указал мне на плечи и концы лыж. Я бы мог ударить его кулаком в висок, забрать лыжи и сбежать, но у меня не было воли к сопротивлению. После 9 часов на 30 — 40-градусном морозе мне просто не хватило сил решиться на такой поступок.

Первый допрос в штабе проводил комиссар. Но прежде чем меня вызвали на допрос, я сидел в сенях дома. Я решил воспользоваться минутой и вытряхнуть снег, который набился в мои сапоги. Я успел снять только один сапог, когда ко мне обратился офицер богатырского вида, одетый в каракулевую накидку. На французском, которым он владел лучше меня, он сказал: «Повезло, что ты попал в плен, ты обязательно возвратишься домой». Он отвлек меня от вытряхивания снега из сапог, что впоследствии мне дорого стоило. Нас прервала переводчица крикнувшая из-за двери: «Войдите!» Предложение слегка перекусить мой пустой желудок принял сразу же. Когда мне протянули черный хлеб, сало и стакан воды, мой нерешительный взгляд бросился в глаза комиссару. Он сделал знак переводчице попробовать пищу. «Как видите, мы не собираемся вас травить!» Я очень хотел пить, но в стакане вместо воды оказалась водка! Потом начался допрос. Меня опять попросили назвать фамилию, имя, дату рождения. Потом последовал главный вопрос: «Какая воинская часть?» На этот вопрос я отказался отвечать. Удар пистолета по столу заставил меня придумать ответ: «1-я дивизия, 5-й полк». Полная фантазия. Неудивительно, что комиссар тут же взорвался: «Врешь!» Я повторил. «Вранье!» Он взял маленькую книжку, в которой, видимо, были записаны дивизии и входящие в них полки: «Слушайте, вы служите в 7-й танковой дивизии, 7-й пехотный полк, 6-я рота». Оказалось, за день до этого были взяты в плен два товарища из моей роты, которые рассказали, в какой части они служат. На этом допрос был окончен. За время допроса снег в сапоге, который я не успел снять, растаял. Меня вывели на улицу и повели в соседнюю деревню. За время перехода вода в сапоге замерзла, я перестал чувствовать пальцы ног. В этой деревне я присоединился к группе из трех военнопленных. Почти десять дней мы шли от деревни к деревне. Один из товарищей умер у меня на руках от потери сил. Мы часто чувствовали ненависть к

себе местного населения, чьи дома при отступлении были разрушены до основания во исполнение тактики «выжженной земли». На разгневанные окрики «Фин, фин!» мы отвечали: «Германски!», — и в большинстве случаев местные жители оставляли нас в покое. Я отморозил правую ногу, правый сапог был разорван, и я использовал вторую рубашку как перевязочный материал. В таком жалком состоянии мы встретили съемочную группу киножурнала «Новости недели», мимо которой мы должны были несколько раз прошагать по глубокому снегу. Они сказали пройти и еще раз пройти. Мы старались держаться, чтобы представление о немецкой армии не было таким плохим. Наша «провизия» в этом «походе» состояла в основном из пустого хлеба и ледяной колодезной воды, от которой я получил воспаление легких. Лишь на станции Шаховская, восстановленной после бомбежек, мы сели втроем в товарный вагон, где нас уже ждал санитар. В течение двух-трех дней, что поезд ехал до Москвы, он обеспечивал нас необходимыми медикаментами и едой, которую готовил на печке-чугунке. Для нас это был пир, пока еще был аппетит. Пережитые лишения сильно потрепали наше здоровье. Меня мучили дизентерия и воспаление легких. Примерно через две недели после пленения мы прибыли на один из грузовых вокзалов Москвы и нашли пристанище на голом полу у сцепщицы вагонов. Два дня спустя мы не поверили своим глазам. Часовой посадил нас в белый шестиместный лимузин «ЗИС», на котором был нарисован красный крест и красный полумесяц. По пути в госпиталь нам показалось, что водитель специально едет окольными путями, чтобы показать нам город. Он с гордостью комментировал те места, мимо которых мы проезжали: Красная площадь с мавзолеем Ленина, Кремль. Дважды мы пересекали Москву-реку. Военный госпиталь был безнадежно переполнен ранеными. Но здесь мы приняли благотворно подействовавшую на нас ванну. Мою обмороженную ногу перевязали и с помощью подъемных блоков подвесили над ванной. Нашу униформу мы больше никогда не видели, так как должны были надеть русские шмотки. Нас отправили в котельную. Там уже находилось десять совершенно изможденных наших товарищей. На полу стояла вода, в воздухе стоял пар, вырывавшийся из дырявых труб, а по стенам ползли капли конденсата. Кроватями служили носилки, поднятые на кирпичах. Нам дали резиновые сапоги, чтобы мы могли ходить в туалет. Даже появляющиеся время от времени санитары были в резиновых сапогах. Мы провели в этом ужасном подземелье несколько дней. Лихорадочные сны, вызванные болезнью, затягивают воспоминания об этом времени… Дней через пять, а может, и десять нас перевели во Владимир.

Разместили нас прямо в военном госпитале, находившемся в здании духовной семинарии. В то время во Владимире еще не было лагеря для военнопленных, в лазарете которого нас могли бы разместить. Нас уже было 17 человек, и мы занимали отдельную палату.

Кровати были застелены простынями. Как решились разместить нас вместе с русскими ранеными? Явное нарушение запрета на контакт. Один мой русский друг, занимавшийся по роду своей деятельности изучением судьбы немецких военнопленных во Владимире, признался мне, что ни разу не видел ничего подобного. В архиве Советской Армии в Санкт-Петербурге он наткнулся на карточку из картотеки, документально подтверждающую наше существование. Для нас же подобное решение было огромным счастьем, а для некоторых даже спасением. Там мы почувствовали отношение к себе, как к своим, в том, что касалось медицинского обслуживания и условий жизни. Наше питание не уступало питанию красноармейцев. Охраны не было, но, несмотря на это, никто даже не думал о побеге. Дважды в день проходили врачебные осмотры, по большей части их проводили женщины-врачи, реже сам главный врач. Большинство из нас страдало от обморожений.

Я уже доходил. Аппетит пропал, и я стал складывать хлеб, который нам выдавали, под подушку. Мой сосед сказал, что я дурак и должен распределить его между остальными, поскольку я все равно не жилец. Эта грубость меня спасла! Я понял, что если я хочу вернуться домой, то должен заставлять себя есть. Постепенно я пошел на поправку. Мое воспаление легких сдалось после двух месяцев лечения, в том числе банками. Дизентерию взяли за рога введением внутримышечно марганцовки и приемом 55-процентного этилового спирта, что вызвало неописуемую зависть окружающих. С нами обращались действительно как с больными. Даже легкораненые и медленно выздоравливающие были освобождены от любой работы. Ее выполняли сестры и нянечки. Повар, казах, приносил частенько до краев полную порцию супа или каши. Единственное немецкое слово, которое он знал, было «Лапша!». А когда он его произносил, то всегда широко улыбался. Когда мы заметили, что отношение русских к нам нормальное, то и наш враждебный настрой поубавился. Этому помогла и очаровательная женщина-врач, которая относилась к нам с симпатией. Мы называли ее «Белоснежка».

Менее приятными были регулярные посещения политкомиссара, надменно и во всех подробностях рассказывавшего нам о новых успехах русского зимнего наступления. Товарищ из Верхней Силезии — у него была

раздроблена челюсть — пытался перенести свои знания польского языка на русский и переводил, как мог. Судя по тому, что он и сам понимал не больше половины, он был совсем не готов переводить все и вместо этого ругал политкомиссара и советскую пропаганду. Тот же, не замечая игры нашего «переводчика», подбадривал его переводить дальше. Часто мы едва сдерживали смех. Совсем другие новости дошли до нас летом. Два парикмахера под большим секретом рассказали, что немцы стоят под Каиром, а японцы оккупировали Сингапур. И тут сразу возник вопрос: а что ждет нас в случае страстно желаемой победы? Комиссар повесил над нашими кроватями плакат «Смерть фашистским захватчикам!». Внешне мы ничем не отличались от русских раненых: белое белье, синий халат и домашние тапочки. Во время частных встреч в коридоре и туалете в нас, конечно же, сразу узнавали немцев. И лишь у немногих наших соседей, которых мы уже знали и сторонились, такие встречи вызывали негодование. В большинстве же случаев реакция была другой. Примерно половина была нейтрально настроена к нам, и примерно треть проявляла различную степень заинтересованности. Высшей степенью доверия была щепотка махорки, а порой даже и скрученная сигарета, слегка прикуренная и переданная нам. Страдая оттого, что махорка не входила в наш рацион, страстные курильщики, как только к ним возвращалась способность передвигаться, устанавливали в коридоре дежурство по сбору табака. Постовой, который сменялся каждые полчаса, выходил в коридор, вставал перед нашей дверью и обращал на себя внимание типичным движением руки курильщиков, «стреляя» чинарик или щепотку махорки. Так проблема с табаком была как-то решена.

— *Какие разговоры шли между пленными?*

— Разговоры между солдатами на родине шли только на тему женщин, но в плену тема № 1 была еда. Я хорошо помню одну беседу. Один товарищ сказал, что после обеда он мог бы кушать еще три раза, тогда его сосед схватил свой деревянный костыль и хотел его побить, потому что, по его мнению, можно было бы есть не три, а десять раз.

— *Среди вас были офицеры или были только солдаты?*

— Офицеров не было.

В середине лета почти все снова были здоровы, раны залечены, никто не умер. И даже те, кто поправился раньше, все равно оставались в лазарете. В конце августа пришел приказ о переводе в трудовой лагерь сначала в Москву, а оттуда в район Уфы на Урале. После почти райского времени в лазарете я понял, что совсем отвык от физической работы. Но расставание стало

еще тяжелее и оттого, что ко мне здесь относились дружелюбно и милосердно. В 1949 году, проведя почти восемь лет в плену, я вернулся домой.

Диршка Клаус-Александр (Derschka, Klaus Alexander)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Меня зовут Клаус-Александр Диршка, родился 2 июля 1924 года в Клаусберге в Верхней Силезии, сегодня занятой Польшей. Перед войной я учился в школе. А в 17 с половиной лет я пошел в армию добровольцем.

— *Почему вы пошли на войну добровольцем?*

— Чтобы защитить мою родину. Кроме того, я должен был еще полгода учиться в школе, а так я мог уже в нее больше не ходить. Я был в Гитлерюгенде, нас воспитывали в том духе, что молодым везде у нас дорога, а в армии есть масса возможностей. Потом, солдатом, я думал, что я идиот, мог еще полгода прожить дома, «как бог во Франции». Правда, через полгода меня все равно бы забрали.

Обучение проходил во Франции, в городе Метц. Восьмая пехотная дивизия стояла у Канала, готовилась к высадке в Англию. Мы тренировались в посадке на корабль и высадке. Я учился на радиста, но через пару месяцев обучение прервали, и мы вернулись в Германию. Здесь я поступил в офицерскую школу восьмой пехотной егерской дивизии, которая была в то время во Франции. Но тогда я не знал, к какой дивизии я отношусь.

Офицерская школа была в Кобленце, а потом нас опять отправили в Метц для специального обучения — офицеры должны были владеть всем оружием, включая 5-сантиметровые минометы. В марте 1942 года наша дивизия стала егерской. Егерские дивизии могли передвигаться быстрее пехотных, кроме того, нас обучали воевать в горах. В пехотных дивизиях были лошади, а у нас были мулы. В 1942 году я был в отпуске, а когда вернулся, то получил приказ ехать в Россию на фронтовую стажировку. Мы поехали через Берлин обычным поездом на Варшаву и до Старой Руссы. Дивизия занимала оборону в коридоре, пробитом к окруженной в Демянске группировке. Мы его называли «шланг». Там для меня началась война. Я был командиром отделения седьмой роты второго батальона. Там, в русских болотах, я находился все время. Оборона состояла из опорных пунктов, соединенных деревянными гатями. Опорный пункт строился из бревен в виде каре с открытой назад стеной. Он был рассчитан на отделение, которое состояло из 9 — 12 человек. Эти сооружения постепенно погружались в болото, и приходилось сверху их надстраивать. Ночью мы отходили из этих опорных пунктов, чтобы отдохнуть, в них оставалось только охранение. По тревоге опорные пункты сразу же занимались пехотой. Почти каждую ночь мы маскировали наши позиции еловыми ветками или еще чем-нибудь.

— *Почему Германия начала войну с Россией?*

— Мы знали, что русские хотели напасть первыми, а мы их опередили. Англичане напали на Грецию, когда наши части уже стояли на русской границе. Часть наших войск была отправлена в Грецию, чтобы остановить англичан. Там у нас были большие потери. Это нам помешало напасть на Россию весной.

— *Когда вы в октябре 1942 года прибыли на русский фронт, у вас была информация о боях в Рамушевском коридоре?*

— Нет. Как солдат вы ничего не знаете. Информация доходила только случайным образом, если кто-то придет, но к нам, в болота, редко кто приходил. Я, как немецкий солдат, сейчас и тогда никак не мог понять то, с каким упорством и безрассудством русские солдаты бежали прямо на наш огонь.

Немецкая пехотная дивизия была устроена совсем иначе, чем русская. По обучению и имеющемуся вооружению немецкая дивизия была сильнее русской дивизии. У нас в пехотной дивизии была своя артиллерия, дивизия могла вести войну самостоятельно. Русские же должны были все время спрашивать у своего командования: можно мне сейчас стрелять? Куда я должен стрелять? У нас тоже так было, но у нас артиллерийские наблюдатели были в пехоте, на самом переднем крае, и когда

русские нападали, то вся дивизионная артиллерия стреляла по одной цели, хотя находилась в разных местах. Когда атаковал, к примеру, батальон русских, вся артиллерия стреляла по нему.

А у русских огонь артиллерии надо было планировать заранее и подтягивать артиллерию. Поэтому мы знали, что если у русских появилась артиллерия, то в следующие дни что-то будет происходить.

— *С русской стороны были снайперы?*

— Мы считались с тем, что с русской стороны всегда были снайперы. В сумерках, утром или вечером, они занимали позицию. Был период, когда у нас во взводе каждый день был один мертвый от пули снайпера. Я тогда лично пару дней пролежал на переднем крае, пытался самостоятельно обнаружить русского снайпера. И хотя русские позиции были примерно в трехстах метрах, я не смог ничего обнаружить. Поэтому я затребовал немецкого снайпера из батальона. Снайпер пришел, я ему рассказал, где были убитые, как они лежали, куда были попадания. Вечером он ушел вперед, на нейтральную полосу. На следующий день вечером он вернулся и сказал, что никого не видел. Так он уходил и приходил два-три дня, потом он вернулся еще засветло, очень спокойный, и сказал, что русского снайпера больше нет в живых. Он мне показал позицию, с которой стрелял русский снайпер. Он ее заметил, потому что оттуда был выстрел по другой цели.

Были периоды многодневных атак русских. Погибшие и раненые были с обеих сторон. Своих мы каждый вечер пытались вытаскивать. Мы также забирали в плен русских раненых, если они были. На второй или третий день ночью мы услышали, как на нейтральной полосе кто-то стонет по-русски: «Мама, мама». Я с отделением выполз искать этого раненого. Было подозрительно тихо, но мы понимали, что русские тоже выползут за ним. Мы его нашли. Этот солдат был ранен в локоть разрывной пулей. Такие пули были только у русских, хотя они были запрещены. Мы ими тоже пользовались, если захватывали у русских. Мои солдаты стали оказывать ему помощь, а я выдвинулся вперед и наблюдал за русской стороной. В пяти метрах от себя я увидел русских, тоже примерно отделение. Мы открыли огонь, а русские кинули в нас гранату. Русские отступили, мы тоже отошли, забрав раненого. Мы его отнесли на перевязочный пункт. Там его прооперировали и отправили дальше, наверное в Старую Руссу. У нас раненых отправляли не сразу в госпиталь в Германию, а как минимум через три госпиталя по дороге, и каждый был лучше, выше уровнем, чем предыдущий. В первом, возле линии фронта, была только первичная обработка, грубая, дальше лучше.

— *Какое оружие было у вас лично и чем было вооружено отделение?*

— Когда мы прибыли в Россию, у меня не было оружия. По прибытии мне дали новый немецкий десятизарядный карабин. Это прекрасное оружие, но не для болот. При попадании грязи он отказывал. Тогда я пошел к командиру роты, сказал, что мне нужно другое оружие. Он мне сказал: «Возьми у русских, у них есть хорошие вещи». Командир роты меня не любил, мы с ним ругались, но другого оружия для меня у него действительно не было. Я только прибыл и понятия не имел, как мне взять у русских. Он мне сказал, что возле нашего опорного пункта лежат убитые русские, там должно что-то быть. Как стемнело, я пошел туда, куда он сказал, и действительно нашел в воде русский пистолет-пулемет, с диском. Я его отмыл стиральным порошком, смазал, и он сразу заработал. С немецким оружием так не получалось, оно было слишком точно сделано, если внутрь попал песок, то все — не стреляло. А с русским — пожалуйста. Так я завел себе русский пистолет-пулемет, который всегда был мне верен. Когда надо было стрелять, он всегда стрелял. Кроме того, у меня еще был пистолет в кобуре. У меня были две сухарные сумки. В одной я носил продукты, а в другой боеприпасы для моего русского пистолета-пулемета.

— *У вас были ручные гранаты и нож?*

— В сапоге был нож для ближнего боя, но в основном его использовали, когда надо было что-то отрезать, бинт, например. У каждого были ручные гранаты типа «яйцо» и фанаты на длинной ручке. В ближнем бою мы их всегда использовали.

— *Что вы можете сказать о ваших командирах; вы помните, как их звали?*

— Я долго вспоминал имя своего ротного, вспомнил, но потом опять забыл. Он был злой и к тому же карьерист. Мы друг друга не любили. Я старался не попадаться лишний раз ему на глаза.

— *Вы ходили в атаку?*

— Да, конечно. Русские никогда не атаковали мелкими группами, они всегда атаковали минимум ротой, батальоном, иногда полком, иногда несколькими полками. Мы думали, что последние ряды русских наступали без оружия, они подбирали оружие у павших из первых рядов, и среди них были эти, как они назывались, комиссары. Они шли сзади с пистолетом и отдавали приказы. Они были очень плохие по отношению к своим солдатами.

— *Вы были в болотах с октября 1942 года по апрель 1943-го. Как одевались зимой?*

— Я на фронт попал еще в летней униформе. Потом получил зимнюю куртку, белую снаружи, а внутри серую. Она была относительно водонепроницаемая, хорошая. Позже пришло зимнее обмундирование, но слишком, слишком поздно. Моя дивизия формировалась в Верхней Силезии. Надо сказать, что после Первой мировой войны мы не имели права иметь армию. Только сто тысяч на всю Германию. В каждой области формировалась территориальная дивизия, которая была как бы привязана к своему округу. На Рождество и подобные праздники мы получали из региона посылки. Сигареты, французское вино и тому подобные вещи мы получали независимо от этих посылок, но нечасто.

— *Как вас ранило?*

— Это было в районе поселка Великое Село. Зимой 1943 года наша дивизия последней выходила из котла, держала горло. Через Ловать была переправа. На другой стороне реки дорога поднималась наверх и была видна русским. Возле переправы мое отделение строило деревянный бункер для командира роты. Он был почти готов. Мы собрались обедать и пошли по дороге вверх. Там стоял одинокий дом. Внутри никого не было, мы сидели на скамейках и ждали, когда привезут обед. Все было спокойно. Неожиданно в 200 метрах разорвался снаряд. Через пару минут в 100 метрах еще один. Я подумал, что надо уходить, и уже отдал команду, но третий снаряд попал точно в дом. Меня завалило бревнами. Я себя ощупал, на месте ли зубы и все остальное, потом смог освободиться. Я был единственный, кто смог вылезти из-под завала. Что стало с остальными, я не знаю. В шоковом состоянии спустился вниз по дороге, добежал до нашего перевязочного пункта. Там мне сказали, что я не ранен. Я опустил руку, и потекла кровь. Меня обработали, остановили кровь. Целый день я просидел на перевязочном пункте, потому что русские обстреливали дорогу, по которой можно было добраться до тылового госпиталя. Только вечером я смог дойти до госпиталя. Там неожиданно я услышал голос, знакомый с родины: «Дайте попить, дайте попить». — «Пауль, это ты?!» — «Клаус, это ты?!» Быть не может! Мой старый друг еще по школе. Тут нам дали наркоз вместо алкоголя по поводу встречи. Когда я пришел в себя после операции, врач сказал, что руку надо ампутировать. Я сказал: «Ни в коем случае! Рука остается на месте». — «Под твою ответственность. Если ты умрешь, то я не виноват». — «Хорошо». Потом меня с несколькими остановками привезли в Восточную Пруссию, в Гумбинен. Мой отец воевал в Италии и был как раз в отпуске, дома. Он узнал, что я в Гумбинене, и приехал с матерью в госпиталь. У меня были страшные боли в руке, но я

этого не хотел показывать родителям, чтобы они не переживали. Я выпросил у врача свою форму и встречал родителей в ней.

— *Что произвело на вас самое большое впечатление в России?*

— Ничего. Вы будете смеяться, но я в России едва ли что-то видел. Я все время лежал там, в болоте. В России женщину один-единственный раз только видел, с расстояния в два километра. По пленным о русских нельзя было получить никакого впечатления — они были очень испуганы, не знали, что мы будем с ними делать. У нас в дивизии пленных не убивали. Я знаю только один случай, когда убили пленного комиссара. Убил тот, который должен был вести его в тыл. Немедленно было возбуждено дело, и его судили военным судом.

— *У вас были ХИВИ?*

— На фронте нет. Они были в тылу. Это одна из причин, почему я говорю, что война — это что-то ужасное. Человека посылают воевать против людей, которых он не знает, которые, возможно, милее и лучше, чем он сам, и человек их убивает. И он должен их убивать, или его самого убьют. Это злое дело. Ведь, по сути, человека загоняют в угол. Нам тогда было 18 лет, на другой стороне тоже были 18-летние, они думали точно так же, как мы.

— *Какое было самое опасное русское оружие?*

— Разрывные пули. Хотя они были запрещены, но русские ими пользовались.

— *Русские считают, что немцы тоже использовали разрывные пули.*

— Нет. Такого солдата немедленно отдали бы под трибунал. Я стрелял разрывными пулями, но это были русские трофеи.

— *Чего вы боялись больше — плена, смерти или ранения?*

— Плен был самым страшным. Однажды я ненадолго попал в плен. Это случилось вскоре после того, как я попал на фронт. Русские прорвались. Обычно русские наступали в определенную точку с двух сторон. Чтобы отбить атаку, их надо было просто атаковать во фланг. Но тут нас окружили и взяли в плен. Там была женщина в звании майора, которая говорила по-немецки. Она подошла ко мне, спросила имя, звание, часть — обычные вопросы. Думал, меня убьют. Других наших куда-то увезли, а я должен был остаться с ней. Я предполагаю, что я ей кого-то напоминал. Мне дали поесть, она у меня спросила, как там у нас с едой. Потом меня привязали к телеге. На второй или третий день была какая-то суматоха, а я как раз не был привязан и решил бежать. Так получилось, что я пробежал мимо этого майора. Она на меня посмотрела, увидела, что я убегаю, и отвернулась. Было понятно, что она хотела, чтобы я убежал.

— *У вас были какие-то прозвища для русского оружия?*

— На моем участке обороны, за который я отвечал, в ста метрах сзади я установил два русских пулемета с дисками-пластинками. Вот эти пулеметы называли музыкальные пластинки. Я из него всегда стрелял.

— *Русская разведка ночью утаскивала пленных?*

— Об этом я не знаю, могло быть, иногда кто-то пропадал. Но в целом, я бы сказал, что нет, местность не позволяла — можно было легко утонуть. Там передвигаться можно было только по гатям.

— *Были перебежчики с русской стороны?*

— Иногда да. Чаще всего, когда у русских приходили новые части. Мы днем спали, а воевали ночью. Я как-то как раз прилег, автомат повесил на вбитую вместо гвоздя гильзу. Неожиданно меня кто-то начал дергать за ногу. Немец бы так не сделал. Я понял, что это русские. Открыл глаза, а рядом со мной около 30 человек! Что мне делать?! Автомат на гвозде. А я всегда говорил, что последний патрон оставлю для себя, я в плен попадать не хотел. А тут их 30 человек! Один из них неожиданно сказал по-немецки, что они хотят сдаться, прошли уже 200 метров по немецким позициям и не встретили ни одного немца. Повезло! Я и еще один товарищ повели их в тыл. Я шел спереди, и тут наши, немцы, открыли по нам огонь! Стреляли, как сумасшедшие, идиоты, от страха, что русские прорвались! Я закричал, что это я. Только тогда они прекратили стрелять. К счастью, никого не ранило. Их немедленно отвели в роту, а потом в батальон. Я их отводил и там должен был вместе с ними стоять с поднятыми руками, пока меня не узнали. В таком количестве перебежчики были единственный раз.

— *Что у вас было на ногах?*

— У меня были горные ботинки. Обычно у нас были сапоги, но зимой они промерзали, трескались, и были горные ботинки.

— *Валенки у русских брали?*

— Нет. В болоте в них нельзя было ходить, слишком сыро, они намокали и промерзали.

— *Вас комиссовали после ранения, вы больше не были на фронте?*

— И да, и нет. Я почти до конца войны преподавал в офицерской школе. Я отвечал за песочный ящик. У нас был песочный ящик примерно десять на десять метров, и там разыгрывались какие-нибудь сражения, в основном из Первой мировой войны или восемнадцатого века. Мы прорабатывали, как должен вести себя офицер в той или иной ситуации. 15 января 1945 года русские прорвались. Нашу школу сразу распустили, а мне поручили весь курс, со всеми учебными материалами, на

поезде перевезти в Киршберг?.. Хиршберг?.. в Нижней Селезии. Там меня назначили командиром подразделения истребителей танков. Нам выдали фаустпатроны, но они мне не понравились. Я стрелял из него по танку, снаряд попал в дерево и отрекошетировал обратно к нам. Мы больше их не использовали. У нас были теллермины. Я такими в 1942 году два легких танка лично уничтожил. Танк может пройти не везде, а в городе им особенно тяжело. Когда русские танки подходили к какому-нибудь населенному пункту, уже было ясно, по какой улице они пойдут. Там мы пытались заложить мины. В 1942 году самым большим недостатком русских танков было отсутствие рации. Чтобы передать команду, они останавливались, из люка высовывался командир и махал флажками. Разумеется, мы стреляли по этому офицеру. Позднее появились Т-34, они были неплохие, но чтобы их остановить, надо было только застрелить этого офицера с флажком.

— *Русским в зимнее время давали водку. Было ли у немцев что-то подобное?*

— Да, да, почти каждый день, когда они нападали, они были пьяны. Когда мы были во Франции, жили в домах, в которых внизу были винные погреба, там мы иногда пили. На фронте водку давали очень редко. Со снабжением вообще были проблемы, потому что мы почти всегда были наполовину окружены. Я тогда не пил и не курил, так что я не пил.

— *Вши были?*

— Это было самое худшее, что у меня было в России. Это было ужасно. Их нельзя вывести. Зимой они были в швах одежды, только вроде их выведешь, а они опять тут. Война была не такой плохой, как вши.

— *Порошок был против вшей?*

— Был, но я не помню, чтобы я его получал. И когда какая-нибудь часть овшивлевала до того, что о войне уже не думала, ее снимали с фронта и везли в пункт очистки. Там раздевались догола и проходили через мойку. Я месяцами лежал в воде, в которой лежали трупы, и только там я мог нормально отмыться.

— *Как вы стриглись?*

— Парикмахерские были только в спокойные времена, а так мы сами стриглись, но не налысо. Я вспоминаю, что, когда мы лежали в болоте, приходил парикмахер, за два-три километра от фронта он был, к нему там была очередь. Мы стриглись не так, как дома, короче, но нормально, не налысо. Если с такой прической приехать домой, то никто не понял бы, что ты с фронта.

— *Офицеры следили за внешним видом солдат? Наказания за*

это были?

— Да. Я очень от этого пострадал. Однажды русские выгнали нас из тех дыр, которые мы занимали. Все перепуталось, где свои, где русские. Я пришел на какой-то хутор. Оружия у меня уже не было. Там раньше стояла немецкая часть, а потом вошли русские, и мне два дня пришлось прятаться в навозной яме. Потом немцы выбили русских, и я смог оттуда выбраться. Встретил немцев и пошел искать мою часть. Нашел. Там я уже числился пропавшим без вести. Доложился моему лейтенанту. Как я уже говорил, он меня не любил. Он на меня посмотрел и спросил: «Где ваша кепка?» Где?! В русском навозе утонула! Где! Он на меня посмотрел: «Я вас наказываю, будете чистить конюшню». Я пошел чистить конюшню, а тут, слава богу, объявили тревогу. Я бросил чистить конюшню и побежал на обший сбор. Потом лейтенант меня спрашивает: «Что я вам приказывал?» — «Вы мне много чего приказывали». — «Еще поговорим». Потом мы пару дней стояли на речке, отмывались, приводили себя в порядок, хотя река была еще частично замерзшей. В какой-то момент возник мой ротный: «Вы на фронте отказались выполнить приказ!» Наорал на меня. Я сказал: «Ну поори, поори, мы будем еще на фронте». Он исчез. Вскоре я был ранен, потом был в резервной части и оттуда направлен на офицерские курсы. На курсах мой командир меня вызвал, сказал, что из резервной части получили донесение, что я на фронте отказался выполнять приказ командира. Невыполнение приказа на фронте обычно означало расстрел. Я сказал, что не знаю, о чем речь, но тут сообразил, что речь идет об этой истории с моим ротным. Я рассказал эту историю. Командир спросил, не возражаю ли я, что мой ротный будет допрошен по моему делу. Я сказал, разумеется. Через пару недель он мне сказал, что мой ротный написал, что он особо не помнит, в чем было дело, потому что он ведет тяжелые бои и у него сейчас другие проблемы. Командир сказал, что надо завести дело, которое будет тянуться неизвестно сколько, да к тому же, как известно, начальник всегда прав. Поэтому лучше он посадит меня в казарму на трое суток под домашний арест и отчитается о моем наказании. Я сказал, три дня отпуска — это прекрасно. На курсах были юноши, им еще 18 не было, их еще как солдат и не рассматривали, довольствие у них было хуже нашего, а я получал еду из своей части, да мне еще офицеры что-то собрали, сигареты, сладкое — я там жил, как король! Они мне завидовали. Я еще делился с охраной продуктами и сигаретами. Прекрасно было. На этом дело кончилось.

— *У вас есть награды за войну?*

— Знак за ранения в серебре за два ранения, хотя был ранен три раза. Железный крест второй степени и Железный крест первой степени, две нашивки «Танк голыми руками» за два подбитых лично танка.

— *В Демянском котле были части вермахта и Ваффен СС. Как складывались взаимоотношения между ними?*

— На фронте мы не знали, кто наш сосед и что происходит вокруг. В России я Ваффен СС не встречал. Между вермахтом и СС никакой вражды не было. Более того, СС считались очень хорошими солдатами.

— *Что воздействовало тяжелее, природные условия или противник?*

— Конечно, солдаты противника. Что касается природных условий, то болота с оборонительной точки зрения нам очень помогали — русские не могли там наступать, где они хотели.

— *Что такое хороший солдат?*

— Я бы сказал, что хороший солдат — это тот, у кого хороший начальник.

— *Второй вопрос должен был быть, что такое хороший командир?*

— Хороший командир — это тот, который получил хорошее профессиональное образование, позволяющее ему защитить своих подчиненных.

— *Во время войны русские солдаты говорили: вот кончится война, и я буду… Что говорили немецкие солдаты?*

— Только не военным. Все что угодно, только не военным.

— *Как вы видели окончание войны?*

— Я думал, что вообще все будет по-другому. Понимаете, для нас это не была шести-семилетняя война, которая началась в 1939 году. Для нас это была тридцатилетняя война, которая началась в 1914 году. Война, которая началась в 1914 году, была взрывом, при котором образовались все эти Польши, Чехии, Югославии и т. д., которых тогда не существовало, они принадлежали России, кайзеровской Германии и Австрии. Война началась с того, что убили представителя австрийского кайзера, и Германия была обязана оказать помощь. Но всегда Франция, Англия и Америка превращали эти относительно маленькие конфликты в мировые войны. Вторая мировая война была превращена в мировую войну Францией, Англией и Америкой. Это они нам объявили войну, а не мы им. В целом Америка думает только об экономике. Остальные страны слишком глупые, чтобы это осознать. Я мечтаю (в сегодняшней Германии это невозможно, в другой Германии) о том, что Россия вернула бы Германии Восточную Пруссию. При поддержке русских, которые

сделают Польшу опять маленькой, Восточная Пруссия была бы опять немецкой. Это моя мечта.

— *Когда вы поняли, что война проиграна?*

— Мой отец был журналистом. Он всегда не боялся высказывать собственное мнение, и в начале 30-х годов, когда все стало национал-социалистическим, он попал под подозрение, что он против нацистов. После войны мы узнали, что моего отца должны были отправить в концентрационный лагерь, но у него был друг, который помог оттянуть отправку. Когда началась война, мой отец сразу ушел в армию, потому что с солдатом они ничего не могли сделать. Мне еще не было 18 лет, когда я решил пойти добровольцем, поэтому нужно было получить письменное разрешение от отца. Во время своего первого отпуска с фронта, это было, вероятно, в 1940 году, он со своей частью ехал из Польши в Италию и по дороге заехал домой всего на одну ночь вместе со своим командиром. Этот командир, майор, был в курсе, что я, идиот, хочу стать солдатом. Он мне сказал: «Слушай, я был такой же молодой, как ты, и я был такой же тупой, как ты. Пойми, война уже закончилась, она уже проиграна». Я не поверил. «Вот Россия — а Россия на моей школьной карте занимала полкарты. Они хотят на нас напасть. Русские превращены в рабов большевиками, они будут за нас». — «Эго все неправда». С этого момента я в целом знал, что войну мы не выиграем, но еще этому не верил. Потом, в России, поверил.

— *Как и к кому вы попали в плен?*

— Я попал в плен к американцам в центральной Германии в районе Тогнгау?.. Цорнгау?.. в апреле 1945 года. Сначала нас везли на запад на автомобилях, потом на поезде в открытом сверху товарном вагоне. Я хотел сбежать по дороге, взобрался на верх вагона, посмотрел, а там сидит охранник. Он меня заметил и начал ругаться. Нас привезли в Майнц на Рейне. На вокзале наш локомотив взорвался, а нового не подали. Так мы простояли до ночи. Когда стемнело, американцы стали освещать вагоны прожекторами. Я выбрал момент, когда меня не было видно, вскарабкался наверх и выпрыгнул из вагона. Приземлился прямо в воронку с водой. Кое-как выбрался с вокзала. Среди разрушенных бомбежкой домов заметил один целый. Было непонятно, есть там американцы или нет. Я лег в развалинах и стал наблюдать. Американцев вроде не было. Вскоре туда пришли две женщины, я еще подождал и постучался в дом. Сказал: «Не пугайтесь, я немецкий солдат». Они сказали, что дом часто проверяют американцы, и посоветовали спрятаться на чердаке. Утром я спустился. Мне дали поесть, переодели в іражданское.

Я решил идти к знакомым крестьянам, которые жили

недалеко на другой стороне Рейна. Познакомился я с ними еще до войны. Мне было 16 лет, когда мы всем классом поехали на велосипедах из Бреслау в Берлин. В Берлине мы хотели увидеть Геббельса и послушать его выступление. Потом мы на поезде поехали в Кобленц, а оттуда вверх по Мозелю, по направлению к Франции. Потом мы поехали в Нае (Nahe) и вернулись в Висбаден. Мы шли по Висбадену и удивлялись, почему на улицах темно и никого нет. Нас остановил полицейский, спросил, что мы делаем. Мы сказали, что возвращаемся домой. Он сказал, что мы сумасшедшие, сегодня началась война с Францией. Нас отвели на крестьянский двор, где мы прожили несколько денй. Вот к этим крестьянам я и решил податься.

Женщины мне сказали, что на окраине Майнца есть переправа через Рейн, но надо быть осторожным — там патрулируют американские катера. Когда я подходил к реке, меня остановил патруль. Я немного говорил по-английски — в школе учил, попытался им что-то сказать, они посмеялись над моим английским и отпустили меня. Я спустился к Рейну, там стояли лодки. Я подошел к одной лодке, попросил перевезти на другую сторону. Мне сказали, что не могут, у них были какие-то дела, но сказали, чтобы я шел к соседнему кораблю и там сказал, что я от них, и попросил перевезти меня. Я пошел. На втором корабле капитаном был прожженный тип, который потребовал не только денег за перевоз, но и пригрозил, что в случае если я ему не заплачу, то он сдаст меня американцам. Я вернулся обратно, рассказал эту историю. Они сказали: «Он такое сказал? Придут обратно немцы, он свое получит». Все-таки я нашел лодку, переправился на другую сторону Рейна.

Переночевал в выброшенном на берегу голландском корабле. На следующий день я добрался до знакомого фольварка. Хозяева у меня настойчиво выясняли, не солдат ли я, потому что их бургомистр был коммунист, и у них могли быть из-за меня неприятности. У меня было мое военное удостоверение личности, так что я решил его не показывать. Четыре недели я прожил у этих крестьян. Война закончилась. Я решил идти пешком домой. Граница американской оккупационной зоны проходила по реке. Через реку был мост, взорванный еще немцами. Я огляделся, не увидел ни американцев, ни русских и по остаткам этого моста перелез на другую сторону реки. И тут увидел русского. Он сказал: «Немецкий товарищ, немецкий товарищ». Поскольку документы я показать не мог, меня как гражданского отправили на сборный пункт в Торгау. Некоторое время я там жил в казарме. Однажды ночью пришел пьяный русский. Я как раз умывался и был по пояс голый. Он выстрелил из пистолета в воздух и

спросил: «Ты, ты был солдатом?» Я не мог соврать, потому что на теле были шрамы от ранений. — «Да». — «В России?» — «Да. Демянск». Он ушел, вернулся с бутылкой, и мы должны были выпить за наше здоровье. С русскими никогда нельзя угадать, что произойдет в следующую минуту. Этот русский мог меня застрелить, просто чтобы развлечься, но в итоге мы просто выпили водки. Таким было мое первое впечатление от русских — никогда не понятно, чего от них ждать. Вскоре меня отпустили, и я вернулся домой. Верхняя Силезия отходила полякам. Русские были победителями, а поляки делали вид, что они тоже победители. Это было злое время. Поляки были ужасны, я видел, как они убивали немцев. Первое время я прятался, поскольку в свое время я был молодежным руководителем района, меня все знали и могли выдать новым властям. Постепенно я перестал скрываться. Познакомился с одним польским офицером-пограничником. Я по-польски не говорил, мы с ним говорили по-английски. Однажды в субботу на танцах он мне сказал: «Николай, — меня зовут Клаус, значит, Николай. — У меня уже пару недель лежит приказ, арестовать некого Николая Диршку». — «Так это я». — «Да?! А я и не знал!» Я понял, что он мне дал шанс — надо немедленно уходить. Я поехал на перекладных в Нейсе. Город был полностью разрушен. Там находился демобилизационный пункт, где собирали немецких солдат, забирали у них все ценные вещи и на поездах отправляли в Германию. Вскоре мы оказались на другой стороне реки, в будущей ГДР. Мой отец тогда работал в администрации небольшого городка возле Мюнхена. Он немедленно прислал разрешение на жительство. Так я оказался в Западной Германии. После всего, что я пережил, я решил выступать против войны. Нужно все сделать, чтобы войн больше не было. Солдаты войну не делают, войну делают политики.

— *Какие потери были у вас в отделении на русском фронте?*

— Из всех, кого я знал, а это сотни солдат, осталось 19 человек. Не все они были убиты, многие ранены, но потери были очень большие… Теперь солдаты уже не те. Мир знает, что мы были лучшими солдатами в мире, не наци, а мы, старые прусские солдаты.

Динер Манфред (Diener, Manfred)

Материал предоставлен Мартином Регелем

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Меня зовут Манфред Динер, я родился в Веймаре 10 октября 1927 года. Мои родители имели четкие национал-социалистические взгляды. Мой дедушка погиб на Первой мировой войне. Мой отец был членом НСДАП с 1925 года, был так называемый «старый боец». У него был золотой партийный значок и КО Adler (КО Орел), он был соратник Фрица Заукеля. У моих родителей была пекарня и лавка колониальных товаров. Я был единственный ребенок. Родители вставали в 3 часа утра, чтобы печь хлеб, ведь в 5 утра должны были быть свежие булочки. Иногда я жил у бабушки. Рядом с ней жил бывший лейтенант, участник Первой мировой войны. Я был очень воодушевлен его рассказами. Вообще все военное меня вдохновляло. Мой дядя Фриц дарил мне много военных игрушек: солдатики, танки, пушки, все возможное. Помню еще такой эпизод. Когда я жил у бабушки, коммунистический руководитель Фильхауэр повесил на трубе старого кирпичного завода красное знамя. Мой отец приехал меня навестить. Увидев знамя, он залез на трубу, сорвал его и повесил наш флаг. Позже я вам еще расскажу, как эти два антипода встретились в 1945 году.

В 1934 году я пошел в народную школу. Тогда четыре класса учились в одном помещении, и я всегда смотрел, какой материал

будет в следующем году. Практически я учился на год вперед. Я был не самый плохой ученик. Когда мне было 10 лет, я поступил в Юнгфольк (младший Гитлерюгенд). Это не было принудительно, как иногда сейчас говорят, это было добровольно, но, с моральной точки зрения, это было необходимо. В Юнгфольк я был юнгшарффюрер, командир отделения, состоявшего из 9 — 12 товарищей. У нас были игры на местности, палаточные лагеря, нам это очень нравилось, это было прекрасное время.

В 1934 году бывшие ÄDÄ-генералы, генералы бывшего рейхсвера, которые потом нас предали, рассматривали СА как могучую силу, которая могла бы отобрать у них власть. Поэтому они повесили на Рема клеймо «гомосексуалист», и его, и многих верных ему товарищей из С А просто расстреляли в Бад Вииссее. Гитлер это практически разрешил, а потом говорил, что его самых верных товарищей расстрелял этот армейский сброд, эти генералы, ублюдки. Это мне рассказывал Рохус Миш [Rochus Misch], радист Гитлера, который с 1940 по 1945 год постоянно был с Гитлером.

Мой дядя был предводителем СА в Бад Кезен. Пришли люди из гестапо, арестовали моего дядю, арестовали моего отца. Моя тетя, жена барона фон Эберштайна, который тогда исполнял обязанности главы полиции Мюнхена, тоже имела большие проблемы. Но Фриц Заукель тогда спас моего отца. Вы должны это знать, как с самого начала вели себя генералы, эта прусская знать, которая с самого начала играла с Гитлером, предавала его. Мы проиграли войну только потому, что нас предали.

Когда мне исполнилось 14 лет, я добровольно вступил в Гитлерюгенд. В Гитлерюгенде мы проходили начальную военную подготовку. Изучали пневматическое оружие, потом мелкокалиберное оружие, делали упражнения с ручными гранатами, бросали их на дальность и точность. Кроме того, была хорошая спортивная подготовка. В Гитлерюгенде я тоже был командиром отделения [Rottenführer], «ротте», это 9 — 12 юношей Гитлера. В школе начиная с 1939 года я вел фронтовой дневник, отмечал каждый день изменение линии фронта. Я был очень увлечен военным делом и слушал все военные новости по радио, мне это нравилось. В 1942 году я окончил народную школу вторым в списке и, как выпускник народной школы, мог пойти учиться на банковского служащего. Первым был швейцарец (саксонская Швейцария. — *Пер.*), которого мы звали Колли. Он был лучше меня в спорте. У меня был большой недостаток — я не умел плавать, потому что река Ильм, которая текла рядом, для плавания была непригодна.

Один офицер СС мне сказал, что я могу стать фюрером СС. В армии были офицеры, в СС офицеры назывались «фюрер». Я тогда уже для себя определил, что я буду штабным офицером. У тех, кто записывался в СС добровольно, было большое преимущество, они уже через два года могли стать офицерами, кроме того, во время обучения они получали стипендию.

Я пошел в Имперский тренировочный лагерь СС для бывших командиров Гитлерюгенда, который находился в Чехии. Там нас очень, очень жестко муштровали. Эсэсовские офицеры сразу за нас взялись, но нам после Гитлерюгенда, после начальной военной подготовки, которую мы получили, было не так тяжело. Обучение продолжалось примерно восемь недель. После обучения я ехал домой через Прагу, и в Праге мы зашли в пивную на Карловом мосту. Мы были в униформе Гитлерюгенда и самым вежливым образом попросили пива. Представьте себе, пива нам не дали и еще и оскорбили! Был прямой приказ вести себя прилично, и мы без всяких комментариев вышли из пивной. Чехи во время войны жили лучше всех в Европе, исключая Швейцарию. Их не призывали в армию, их не бомбили, они все работали в оборонной промышленности и хорошо зарабатывали, продовольственное снабжение они получали по высшей группе А. Гейдрих, которого потом убили англичане, был, собственно, благодетелем чехов. Его убили, так как англичане боялись, что чехи солидаризируются с немцами. Чехия раньше принадлежала Императорской и Королевской монархии, была исконно немецким районом на протяжении сотен лет.

Я вернулся домой, в Ваффен СС можно было поступать только с 17 лет. На призывной комиссии в СС обнаружилось, что у меня недостаточный вес. Мне 17 еще не было, и я должен был работать на Имперское трудовое агентство. На комиссии сидел представитель Агентства, офицер люфтваффе. Он сказал врачу призывной комиссии: «Доктор, не беспокойтесь, мы его откормим». В Имперском трудовом агентстве я провел лучшее время в моей жизни. Я работал на аэродроме, снабжение люфтваффе было, разумеется, великолепным, кроме того, тем, кому не было 17 лет, давали дополнительный паек. Так и получилось.

Мы работали в ангарах, в которых самолеты заправляли и ремонтировали. Однажды наши истребители сбили бомбардировщик, он упал в лес, там был лесной пожар, и нам приказали его тушить. Я там отравился дымом и был отправлен в лазарет. Наконец мне исполнилось семнадцать. Я вернулся домой, моя мать меня сфотографировала, еще в униформе Имперского трудового агентства, но потом все эти фотографии

были утрачены.

Вскоре пришла повестка прибыть в Нойцелле у Губена в учебный и резервный батальон 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». К счастью, там было только военное обучение. Мы изучали карабин 98к и MG-34, а здесь были пулеметы MG-42 и штурмовой карабин 44/45, великолепное оружие, с магазином на 36 патронов, с укороченными патронами со стальной гильзой, того же калибра, как карабин 98к. Нас учили жить в свинарниках, на сеновалах, в окопах — это была хорошая практическая подготовка к фронту. Бывало, все наши вещи выкидывали из окон казармы, и мы в кратчайшее время должны были привести все в порядок. Вы знаете старую поговорку: пот экономит кровь, тяжело в ученье — легко в бою. Постоянные 25-километровые марши с полной выкладкой, постоянная муштра — это было действительно ужасно.

Я был кандидат в офицеры СС. Я отучился на банковского служащего, у меня была гарантия стипендии, я был доброволец. Я должен был учиться на штабного офицера, но командир роты перевел меня на полевого офицера, потому что многие товарищи были ранены или убиты. Я должен был пройти испытание на фронте, потом полгода школа юнкеров, потом опять полгода испытание на фронте. Во время испытания на фронте надо было получить или значок «Ближний бой», или Железный крест второго класса, или оно продлевалось еще на полгода. Большинство шли в жопу во время первого испытания на фронте. И в 19 лет я мог стать офицером, унтерштурмфюрером СС. Не имея права поступления в университет, даже не окончив среднюю школу, достаточно было только среднего профессионального образования. Такое было возможно только в Ваффен СС. У нас не было господ, мы обращались друг к другу не «герр», а только по званию.

Наше товарищество было великим. За кражу у товарища у нас немедленно была штрафная рота. В первый же день обучения в СС нам сказали, что, если кто-нибудь из наших командиров к нам безнравственно приблизится, мы должны немедленно об этом докладывать. Мы не поняли, о чем речь, но нам объяснили, что речь идет о гомосексуализме — одном из четырех смертельных грехов Ваффен СС.

Была проверка на храбрость. Ее проходили добровольно, и прошедший получал нашивку на рукав — тонкую полоску с вышитой серебряной Мертвой головой. Тогда девушки были не такие, как сейчас, когда солдат приходил домой в красивой униформе и с такой нашивкой, они на него бросались. Я тоже хотел иметь такую нашивку. Проверка на храбрость была ужасна,

когда я сейчас об этом думаю, я понимаю, что мы были очень легкомысленными. Она состояла из трех частей: надо было спрыгнуть с 4-метровой высоты в полной выкладке — это самое простое. Потом надо было бросить ручную гранату в окоп с товарищем, а он должен был бросить ее дальше, пока она не взорвалась. А потом наоборот, я сидел в окопе, а товарищ бросал в меня гранату. Последнее испытание состояло в том, что надо было вырыть окоп, забраться в него, а танк должен был над ним проехать. Гранату я с первого раза прошел. Земля была очень твердая, и пока я рыл окоп, я потел, как бык, но танк не мог попасть гусеницей на окоп — это не засчитывалось. Три раза он надо мной проезжал! Начальство хотело знать, кто из нас трус, а кто нет. Я прошел проверку и получил эту нашивку на рукав. Я был очень горд собой!

Рождество 1944 года. Фронт уже был в Польше, в опасной близости от границы Германии. Почему нас не ввели в бой на Одере? Если бы все дивизии СС ввели в бой на Одере, русские бы его никогда не перешли! Это была гигантская сила, дивизии СС. Но нет, пришел поезд, и нас, 700 человек, отправили в Венгрию. Мы ехали через Прагу и выгрузились за Веной. Пришел мой будущий командир роты и выбрал 10 человек во вспомогательную роту. Я обычно был в первых рядах, когда намечалось что-то интересное, и в последних, когда интересного не намечалось, в плену, например. Остальные 690 человек были немедленно брошены в бой.

Я начиная с 1990 года со многими встречался из нашей дивизии, дивизии «Викинг», с третьей танковой группой. Я у всех спрашивал, кто был в том транспорте в Венгрию. Никого не осталось, я никого не нашел. В Будапеште было окружено 70 тысяч человек. Мы продвигались в направлении Будапешта с задачей их деблокировать. Дивизия получила новые танки, а именно «Пантеры», броню которых не пробивали даже наши противотанковые гранатометы, они отскакивали от брони. Русские тогда захватили уже много наших противотанковых гранатометов, но против «Пантер» они ничего не могли сделать. Рота, в которой я был, была ротой охраны. Мы охраняли штаб дивизии. В роте были амфибии. Их экипаж состоял из трех человек: водитель, первый номер расчета пулемета MG-42, который сидел рядом с водителем, и второй номер пулемета, который сидел сзади и подавал пулеметные ленты. Пулемет крепился на штанге, мог стрелять в любую сторону. Я был вторым номером и также отвечал за продовольствие и боеприпасы, которые лежали на четвертом сиденье. Питание было хорошим. Мне все это доставляло удовольствие. Мне повезло, что я был

там.

Наши танки начали наступать от озера Веленце. Про бои нашей роты написала фронтовая газета, я ее послал домой. Статья называлась «Одиночный боец победил массу!». У нас были бои с русскими. Слава богу, я наступал на русских, а не только отступал перед ними. Мы охотились на этих русских. Там были, прежде всего, монголы с короткими кривыми ногами. Мы били их направо и налево, загоняли их в леса. Им было страшно. Во время наступления наша рота уничтожила несколько танков. Я стрелял в танки вместе со всеми. Позже мой ротный командир мне сказал: «Почему ты не получил две серебряные нашивки за подбитые танки?» В 1990 году он мне сказал: «Манфред, я должен был сказать старшине роты, чтобы он дал тебе две нашивки за подбитые танки. А если бы подбил еще и третий танк, то мы бы тебе их точно дали». Я очень любил значки и нашивки, я думал: вот, мы выиграем воину, и я предстану во всей красе перед женским полом.

Мы были в 20 километрах от Будапешта, когда у нас закончились горючее и боеприпасы. Части снабжения были от нас отрезаны. Амфибии мы заправили из канистр, но горючего для танков не было, и мы должны были их взорвать. Можете себе представить, «Пантеры», новейшие танки, которых еще весной 1944 года у нас совсем не было, должны были быть взорваны из-за нехватки горючего! Русские практически не подбили ни одного нашего танка, мы сами их взорвали.

Тут началась драма. Отступление с боями. Это было ужасно. Из одного маленького котла в другой, все время пробиваться, я с MG-42 пробивал нам дорогу обратно. Мы отступали до Виттер, потом до Штульвай-зенбойх (Секешфехервар). Там, в Штульвайзенбойхе, русские уже так ослабли, что у нас было три недели позиционной войны. Русские не могли нас оттуда выбить, снова и снова атаки и контратаки, постоянный ближний бой. Я был очень легкомысленный и тщеславный и хотел получить значок за ближний бой. Его давали за участие в 15 ближних боях. Была специальная книга, в которую записывали участие в ближнем бою. Я к тому времени стал толстым и здоровым, и когда меня посылали в ближний бой, то говорили: «Толстяк, иди в ближний бой». Я был пулеметчиком и должен был поддерживать сзади наступавших. Это было не так опасно. Надо сказать, что те, кто выживал в первых боях, переживали весь этот п…ц, обычно и дальше выживали, даже в самых опасных ситуациях. У меня была одна бутылка французского коньяка, три пачки сигарет и три или пять пачек «Шоко-колы». Я не пил и не курил, но ел шоколад. Товарищи собирались у меня на позиции

пулемета, пили мой коньяк и курили мои сигареты, а я ел шоколад. У меня поэтому был сильный запор.

Так прошло четыре боя. В пятом ночном бою я шел без пулемета. Нас было примерно 20 человек. Русские занимали позицию на кладбище. Рядом со мной шел старый товарищ с золотым партийным значком. Я ему рассказал про моего отца, что у него тоже золотой партийный значок, он тоже старый боец. Тогда он мне сказал: «Манфред, там сейчас будет что-то ужасное, мы все погибнем в этой атаке, русские позиции очень сильны, а наш ротный командир опять приказывает наступать. Побереги себя». Мы поднялись в атаку, и тут он мне сказал: «Манфред, не иди вперед, оставайся в укрытии в 100 метрах сзади». Я сказал: «Нет! Никогда! Я так не могу». — «Подумай о своем отце. Ты молодой, неопытный, а мы идем в штыковую атаку, с ручными гранатами». — «Нет, меня расстреляют как труса». Он меня уломал, я подумал о моем отце, старом бойце… Каждому солдату бывает страшно, если кто-то говорит, что ему не было страшно, это неправда. И знаете, что было там, впереди? Это было ужасно, абсолютно ужасно. Там была штыковая атака, солдат против солдата, с ручными гранатами, которые практически бросали друг другу под ноги. Примерно через пятнадцать минут бой утих, оттуда вернулись только три тени. Я убежал, бежал, как безумная свинья, мне было стыдно. Вернувшиеся товарищи рассказали, что там было. Я сидел тихо и получил мой очередной ближний бой. Это было единственный раз, когда я струсил. Я 16 раз участвовал в ближнем бою и никогда больше не трусил. Позже, в 1990 году, я рассказал эту историю моему командиру роты, он сказал, что должен был бы меня немедленно расстрелять. Потом я был ранен в голову. У командира роты был серебряный значок за ближний бой и серебряный значок за ранение, он мне их отдал уже в 90-х годах.

В марте наша рота получила специальное задание.

Перед нами стояла 25-я венгерская гонвед дивизия. Венгерские части были ненадежными, поэтому за этой венгерской дивизией у нас была еще одна линия обороны, заградительная линия, которую заняла наша рота. Там было очень тревожно, шевелились остатки кукурузы на полях, трещала подмерзшая земля, все время какие-то звуки. Русские посылали разведывательные группы и вытащили из наших окопов трех человек, когда они спали. Нам прислали вместо них трех человек в пополнение. Они заняли пулеметную позицию, которая была 100–200 метров позади. Это были старые товарищи, они были осторожными и спали по очереди.

16 марта началось большое русское наступление. Раз в

неделю мы могли вернуться в бункер, на ротный командный пункт, на отдых. Мы как раз сидели в бункере, только вернулись из окопов, я ел разогретую на костре банку кукурузы. Тут один вбежал в бункер, закричал: «Тревога! Русские перед бункером!» Я быстро натянул одежду и выскочил из бункера. Два человека, наш старшина роты и еще один, с пулеметом MG-42 стояли в окопе и строчили. Они вынудили русских отступить, и мы смогли отойти. Начиная с 16 марта мы в Венгрии только отступали. Нас было 14 человек, нас выделили на оборону деревни. Венгерские девушки принесли нам очень острый куриный суп с лапшой и сладким перцем. Тут заместитель командира взвода сказал мне: «Манфред, посмотри в бинокль, что там происходит». Мы лежали перед деревней, и я видел, как наступают русские. Вперед с криками бежали абсолютно пьяные азиаты-монголы, первая линия нападения. Во второй линии были в основном коренные русские с лучшим оружием. И потом, сзади, была совсем тонкая линия — комиссары. Те, из первых двух линий, кто хотел отступить, немедленно расстреливались комиссарами. Так наступали русские. Пушечное мясо впереди. Поэтому потом, в плену, на Кавказе, в Сибири, в Казахстане мужчин не видел — они все были уничтожены как пушечное мясо, преступно уничтожены. Тогда заместитель командира взвода, у него уже был Железный крест первого класса и Немецкий крест в золоте, сказал, что мы подпустим иванов на расстояние 50 метров, откроем огонь из наших трех пулеметов MG-42 и всех их перебьем. Мы открыли огонь на расстоянии 100 метров, не 50, и это был ужас. Как они кричали, когда мы открыли огонь, как дикие звери, как стада на Диком Западе в фильмах про индейцев. Страшные крики, я до сих пор их слышу. В конечном итоге был дан приказ отступить, мы отошли под защиту домов.

Мы всегда женщинам говорили: переоденьтесь в мужскую одежду, обмажьтесь навозом, лицо обмажьте золой, сделайте его черным, сделайте себя как женщин непригодными до такой степени, до какой возможно, чтобы русские испугались и подумали, что это мужчина. Когда мы наступали на Будапешт, мы взяли 16 маленьких городков, мы видели, что русские изнасиловали почти всех женщин и расстреляли всех стариков, которые, очевидно, пытались защитить женщин. Они застрелили даже собак. Мы рассказали это женщинам, они сказали, что мы преувеличиваем, что все не так плохо. Мы сказали, что мы это точно знаем. Представьте, нам было по 17 лет, и мы должны были рассказывать это женщинам.

После этого мы отступили. Большая часть русских вломились в эти дома, в которых были большие погреба с салом, ветчиной,

вином — всем что угодно. Надо сказать, венгры в войну жили как в раю. Нам было запрещено заходить в кладовки с едой: «Мародеры будут расстреляны» — такие объявления висели в каждой деревне. Если бы кто-то из нас начал мародерствовать, его бы немедленно расстреляли. С этим было очень строго. Мы все должны были оставить русским. До женщин нам тоже запрещено было дотрагиваться, их мы тоже должны были оставить русским. К счастью, у нас было трое ХИВИ. Они были в эсэсовской униформе, с черными петлицами, без Мертвой головы, без знаков различия. Эти трое парней для нас мародерствовали: залезали в кладовки, опорожняли бочки с вином и так далее.

Мы отступали, часть русских, которые не остались в погребах, нас преследовала. Это была облава на нас. Я знаю, я в таких дома участвовал, когда зайца загоняют гончими собаками. В Венгрии с нами было точно так же. Первый номер расчета моего пулемета погиб. Был приказ, что если кто-нибудь окажется без оружия, то пойдет в штрафную роту или будет расстрелян. Так как я был вторым номером пулеметного расчета, а мой первый номер погиб, я должен был нести пулемет. Он тяжеленный! Русские нас полностью разбили. Мы шли по грязевому супу, падали в него, хлебая воду. Когда поднялись повыше, я оглянулся посмотреть, где иваны, и в этот самый момент увидел амфибии нашей роты. Они спустились к нам и вытащили нас наверх. Я подошел к одной машине, увидел там командира нашей роты, значит, он был еще жив. Он меня спросил: «Стрелок Динер, сколько вас осталось?» Я доложил, что только те, кто перед ним. В тот момент, когда я докладывал, раздался взрыв 76,2-миллиметрового снаряда, ратш-бума. Мы их так называли, поскольку звук выстрела и разрыв снаряда происходили одновременно: сначала «ратш», а потом сразу «бум». Снаряд разорвался прямо возле нас. Взрывной волной меня отбросило лицом в дерево. Я был весь в крови. Лейтенант мне сказал, чтобы я шел на перевязочный пункт. Я пришел на главный перевязочный пункт. Это была просто какая-то скотобойня. Все было в крови, валялись свежеампутированые конечности с торчащими из них кусками мяса, лежали свежепрооперированые солдаты, обложенные льдом. Мне очень хотелось пить, и есть тоже хотелось, мне дали кипяченую воду и гуляш с макаронами. Только я закончил с едой, пришел приказ: спасайся, кто может, — перевязочный пункт в опасности, подходят русские. Кто может бежать, должен уходить. Я вышел на какую-то дорогу. По ней отступала целая венгерская дивизия с абсолютно новым, чистым оружием и машинами. Я был ранен и должен был доехать до следующего перевязочного пункта. Если бы я не был ранен, то меня бы арестовали цепные собаки —

полевая жандармерия, и безжалостно расстреляли бы. Я попытался на ходу залезть в кузов грузовика, но сидевшие там венгры начали бить прикладами по пальцам рук, когда я пытался залезть в кузов. Они нас предали, свиньи, трусливые собаки, и теперь бежали целой дивизией. Тогда я пошел дальше и, слава богу, вышел опять к своей части. Потом вместе с нашим обозом отступал до Рааба.

В обозе ничего не было, и я пошел снова на фронт. Мне не хватало еще трех отметок об участии в ближнем бою, чтобы получить значок. Мы ехали на амфибии. Мост через Рааб был занят русскими, а переплыть через реку мы не могли, поскольку машины были пробиты во многих метах пулями. Обершарффюрер, обер-лейтенант, по-армейски сказал, что будем пробиваться через мост. Мы застали русских врасплох, они не ждали, что мы будем прорываться через мост. Первые две амфибии помчались через мост, строча из MG-42 (это мне тоже было засчитано как ближний бой). Следующий тоже проскочил мост, а последние два русские подбили.

Мы отступали дальше, через австрийско-венгерскую, точнее немецко-венгерскую, тогда еще была Великая Германия, границу. Перешли границу у Шатгендорфа, Айзенштадта. Шли дальше, через Буклинский лес, гористая местность, до Винер-Нойштадт [Wiener Neustadt], В Винер-Нойштадте были тяжелые бои, я получил еще один ближний бой. Из Винер-Нойштадта мы отступили в Баден у Вены. Там на аэродроме стояли Ме-262, первые реактивные самолеты в мире, тогда их было мало, они были редкостью. Горючего не было, и их взорвали. Потом мы дошли до Вены. Там я участвовал в боях в районе Зюд-Банхоф. В Вене было ужасно, были очень тяжелые бои. В Вене и южнее Вены мы женщинам, как обычно, говорили, что русские идут, сделайте как-нибудь так, чтобы вас не принимали за женщин, объясняли им, как это сделать. Мне было 17 лет, я покраснел, и мне было стыдно, когда одна венка на вопрос «Что вы будете делать, когда придут русские?» сказала: «Ну, мы раздвинем ноги». Можете себе представить?! Так она мне и сказала: «Ну, мы раздвинем ноги», я был потрясен. Потом мы на севере Вены обороняли Имперский мост, Райсхсбрюке [Reichsbrücke], и дунайский канал. Там мы построили предмостное укрепление, и наша рота должна была его защищать до последнего патрона, так нам было приказано. Там, в бою с русскими, я получил ранение в голову, мне стыдно, что ранение было сзади. Мой товарищ мне сказал, если бы ты был спереди, то тебя бы ранило тоже спереди. Я сказал, что у нас была круговая оборона, что я мог сделать, если русские нас окружили, в такой ситуации легко можно получить ранение

сзади. Сначала был удар в голову, потом разлилось тепло, потом я потерял сознание, и в момент, когда я почти потерял сознание, я прямо перед собой увидел ивана. Он лежал с автоматом. Думаю, он убил бы всех нас. Всех раненых эсэсовцев они убивали. Мы не застрелили ни одного русского пленного, а они нас расстреливали. В этот момент, я не знаю, привиделось ли это мне или нет, я иногда думаю об этом по ночам, я увидел белую фигуру и услышал: «O bozhe, bozhe, molodoy escho chelovek» (здесь и далее латиницей выделены слова, произнесенные по-русски. — *А. Драбкин)*. Что это значит, я примерно позже выяснил. И в этот момент, когда он уже практически меня застрелил, он промедлил. Приехала амфибия, и пулеметчик расстрелял всех русских. Меня до сих пор очень волнует то, что, скорее всего, он так же расстрелял это мое видение, эту женщину, которая практически спасла мне жизнь в ту секунду, когда русский хотел меня застрелить. Скорее всего, он ее застрелил, она тоже была нашим противником, это надо было сделать, чтобы мы оттуда выбрались.

Мы отступили от Имперского моста, встретили там цепных псов — полевую жандармерию. Они не хотели нас оттуда выпускать, хотя мы были все в крови. Они говорили нам, что вы СС, у вас приказ защищать Вену до последней капли крови, возвращайтесь обратно в бой. Они хотели достичь компромисса, что раненые выгружаются и остаются, а остальные, на амфибиях, возвращаются в бой. Но, как мне потом рассказывали, я сам был без сознания, наш командир расстрелял этих цепных псов, чтобы вывезти раненых. Так ужасна была война.

Я попал в госпиталь, который находился сразу за Штокгау. Пуля застряла в голове сзади, в паре сантиметров от места, где начинается позвоночник. Если бы пуля попала в позвоночник, я бы был уже мертв. Пуля застряла в мясе, кости не задела, ранение было средней тяжести, хотя у меня до сих пор от этого головные боли.

Тут поступил приказ: вся танковая дивизия СС «Мертвая голова» снимается с фронта и собирается в Линце на Дунае. Цель — повторное использование в войне вместе с американцами против русских. Это был приказ. Вся дивизия медленно поехала вдоль Дуная. Перед нами отступали американцы. Как мы позже узнали, они должны были отступить к демаркационной линии в Линце, потому что этот район занимали русские. Сзади нас медленно двигались иваны, они все еще нас уважали. У Линца мы остановились в Прейгартен, дальше американцы нас пускать не хотели. Мы прорвались за демаркационную линию, в американскую зону, и там мы были в большом котле. Стояли там

пару дней. Еще продолжалась обычная военная жизнь, продовольствие у нас еще было, но совсем не было воды. Пара совсем молодых офицеров, оберштурмфюрер и унтерштурмфюрер, застрелились прямо перед строем, они боялись, что нас отправят в русский плен. Тогда один высший офицер, американский полковник, сказал: «Товарищи, война для вас окончена, вы едете в Мюнхен, в демобилизационный лагерь, через Линц». Ха-ха! Сформировали походные колонны: американский танк, потом 500 человек, рядами по пять человек, потом опять танк. На танках сидели безумные, ставшие дикими ковбои. Мы замаршировали, сначала на запад, потом на север, потом неожиданно была развилка, и дорога повернула на восток. В этот момент мы уже поняли, что идем к русским. Колонна, 500 человек, которая шла перед нами, подходила к месту, где лес очень близко подходил к дороге. У них еще была надежда, и около 100 человек из этой колонны бросились в лес. Они не думали, что американцы, эти свинские собаки, там, в лесу, поставили пулеметы и посадили автоматчиков. Те, кто бросился в лес, были расстреляны. Оттуда вернулась примерно половина, и эта половина была расстреляна дикими ковбоями, которые сидели на танках. Все эти 100 человек до сих пор числятся пропавшими без вести. Я сам видел, как их убивали.

Я вам также зачитаю письмо, которое я еще мог послать с фронта домой.

«Дорогие мамочка, папа и Карл-Хайнц!

(Карл-Хайнц — это мой младший брат, который тогда еще не родился, он родился уже после начала русского наступления.)

> Я уже десять дней нахожусь на самом переднем фронте. Эти дни стали для меня самым тяжелым испытанием. В первые же дни моего пребывания на фронте я теснейшим образом соприкасаюсь с иванами, которые атакуют нас намного превосходящими силами. Для меня это не сразу стало легко, когда катятся танки иванов и стреляет артиллерия. Честно говоря, лучше бы меня здесь не было. Но сегодня, после десяти дней на фронте, атаки и пение выстрелов стали для меня обычной музыкой. Человек привыкает к неизбежному. В данный момент я нахожусь на позиции пулемета MG вместе со старым и опытным командиром отделения, у которого Железный крест первого класса и золотой значок за ранения. Он и я — это расчет пулемета, и за эти десять дней мы уже несколько раз стреляли по

иванам. Меня действительно радует, что жизнь на фронте — это игра со смертью. Некоторые мои товарищи, которых я узнал за эти десять дней, уже пали или были ранены. Я тоже мог бы быть среди них, если бы в тот день, когда иваны прорвались на наши позиции, меня не послали в тыл с донесением. Я все еще верю в моего ангела-хранителя, который держит надо мной свою спасающую руку. Я рад и одновременно горд, что благодаря счастливому случаю я был причислен к элитной роте. Я нахожусь во вспомогательной роте танковой дивизии СС «Мертвая голова», которая находится не на фронте, а охраняет штаб дивизии. Успехи нашей роты во время десятидневного участия в боях описывает статья в газете. Извините, что я так долго не писал, но здесь нервы должны быть напряжены до предела днем и ночью, чтобы держаться. Днем и ночью бьет артиллерия так, что у меня уже звенит в ушах. Днем и ночью мы сидим в холодных окопах, с мокрыми ногами и пустым желудком, потому что снабжение очень тяжело доставлять в окопы, которые находятся на расстоянии 500 метров от врага. Мы надеемся, что еще на этой неделе, после всех наших усилий и лишений, нас переведут на тыловую позицию. Если бы вы только могли меня сейчас видеть: абсолютно грязный, одежда грязная и вши — я выгляжу как иван. Я здоров, и настроение у меня хорошее, мне бы еще выспаться, потому что я 10 дней не спал, а приглядывал за иванами. Спал только несколько часов днем, если иваны позволяли. Надеюсь, что вы все здоровы. Наверно новый маленький Динер еще не родился, надеюсь, что он уже будет на месте, когда я приеду в отпуск. К сожалению, письмо я должен заканчивать, потому что должен сменить моего командира отделения у пулемета — он сам не спал три дня и три ночи, но дал мне отдохнуть несколько часов. Вообще, дух товарищества на фронте просто неповторим. Я еще должен написать бабушке, потому что она от меня тоже еще ничего не получала. Итак, дорогая мамочка, дорогой отец, Карл Хайнц, будьте здоровы и пишите мне. Извините за неровный подчерк, я пишу на стальном шлеме».

Это просто одно из моих писем, которое я послал домой. Как вы видите, наша мораль на фронте в первые дни была практически высрана в штаны, говоря по-немецки, но потом мы

укрепились и терпеливо сносили неизбежное. Так было с каждой фронтовой свиньей: сначала страх и отчаяние, но потом мы распрямлялись и держались.

Мы немного отвлеклись. Как я уже говорил, мы были на дороге к выдаче русским, колонны по 500 человек, окруженные танками. Тут я неожиданно увидел вонючие и вшивые создания, стоящие на краю дороги. Это были первые иваны, в своей коричнево-земляной униформе, лысые, грязные и пьяные. Они стояли там и пялились на первых проходящих немцев. Мы были в униформе СС, на мне и на многих была ДАМ-куртка [Deutsche Angelgeräte Manufaktur] с эмблемой СС, куртки были отличные, защищали нас зимой. Русские бросились в нашу колонну, они увидели, что у всех еще были часы и кольца. «Ури» (Uhr — часы) и кольца у нас сразу исчезли. Американцы остановились, это для них было слишком, и товарищ, который шел в последней колонне, потом мне рассказывал, что американцы стреляли в русских. Там образовалась пробка, американцы стреляли в колонну, убили нескольких немцев и задели пару русских. Это так, к слову.

Мы были окружены русскими, и тут мы увидели, какими они были слабыми. Старые Т-34, залатанные, грязные, мятые, ржавые. А у нас танки были в прекрасном состоянии. Мы подумали, если бы мы, наша боевая танковая дивизия СС «Мертвая голова», пошли вместе с американцами против русских, то мы выкинули бы русских за Урал. Это были мечты, которые так никогда и не исполнились. Эти предатели, американцы, выдали нас русским. Мы были единственной полноценной дивизией, выданной русским. Л.А.Н. («Лейб-штандарт Адольф Гитлер»), «Викинг», «Дас Райх», «Гогенштауфен» — они все были на левом берегу Дуная, а мы были на северном берегу Дуная. И мы попали к русским, а они попали к американцам или соответственно к англичанам, им очень повезло.

Нас разбили на небольшие группы. Начались тотальные обыски. Сначала искали часы и кольца, я сам видел, как у одного офицера, который не хотел отдавать красивое кольцо с бриллиантами, отрезали палец вместе с кольцом. Потом с нас сняли или обрезали всю кожу с одежды — ремни, портупеи, все кожаные нашивки. С нами было несколько СС-девушек, в армии они назывались помощницы для связи, а у нас СС-девушки, которые в штабе помогали. Их сразу куда-то забрали, что с ними произошло — понятно, я вам рассказывал, что происходило с гражданскими женщинами. Потом наступила очередь ХИВИ. Они носили эсэсовскую униформу, с черными петлицами и орлом на рукаве. У ХИВИ не было знаков различия, были простые черные

петлицы, без Мертвой головы. Поэтому русские точно знали — это ХИВИ. Их вытащили из толпы, и мы слышали, как их расстреляли. Расстреляли первоклассных парней, которые были в немецком плену, а потом перешли к нам на службу, как добровольные помощники.

Потом нас опять построили в маршевые колонны, и мы пошли на север, через Фрайштадт, и пришли в бывший лагерь французских военнопленных. Мы страдали от жажды. Австрийские женщины приносили нам воду, а русские сапогами опрокидывали эти ведра с водой и безжалостно били тех, кто создавал толчею у ведер. Тех, кто шел в последних рядах колонны, безжалостно убивали бывшие заключенные концентрационного лагеря Маутхаузен. Русские нас защищали от этих бывших заключенных, часто их отгоняли. Я шел с краю, и, представьте себе, тут подскочила эта свинья, бывший заключенный концентрационного лагеря, он хотел увидеть мои нашивки, проверить, что я из СС. Тут появился русский конный патруль и спас меня. Русские на этом марше нас совсем нестрого охраняли, они знали, что каждого, кто выйдет из колонны, разорвут эти бывшие заключенные из Маутхаузена. У русских были только конные патрули, которые контролировали обстановку. У меня было воспаление в одном месте, потому что у нас не было бумаги, когда мы ходили в туалет, и у меня были сбиты ноги, потому что русские отобрали мои сапоги и бросили мне старые русские сапоги, они были ужасные, очень жесткие. Я вынужден был разуться и идти босиком. Можете себе представить, как оно было, если я никогда не ходил босиком.

Короткий участок нашего пути проходил через Чехию. Чешские женщины видели, что мы страдаем от жажды, и выливали нам под ноги воду, получая удовольствие от вида наших страданий. Они бросали в нас камнями, плевали в нас, оскорбляли.

Потом мы пришли в бывший лагерь французских военнопленных. Там неожиданно выяснилось, что еду и воду дают только тем, у кого нет волос. У меня были красивые локоны, я их сбрил ножом. Ножи иметь нам было запрещено, но у кого-то они еще оставались. Налысо мы так побриться не могли, но короткие волосы себе сделали. Потом те, кто прошел эту процедуру, получили воду. Пить — это в десять раз важнее, чем есть. Нет ничего хуже жажды, вы знаете поговорку: «Жажда хуже, чем тоска по родине». Наконец, после многих дней, мы в первый раз получили нормальную еду. Нас практически не охраняли, потому что мы были полностью обессилены. В лагере у меня опухла и воспалилась моя рана. Один русский меня осмотрел и

отправил в штаб. Оттуда на санитарном автомобиле нас несколько человек отправили в лазарет в Штокерау. Там меня прооперировали без наркоза — у них не было ничего. Пока я лежал в лазарете, всех моих товарищей погрузили в товарные вагоны и отправили в Сибирь. Таким образом я был отделен от моих товарищей. Через некоторое время была собрана партия, в которую попал и я, и нас повезли на юг. Это был июль — август 1945 года. Поезда были ужасны, в вагонах было очень жарко, воды практически не было. Когда на вагон дали ведро воды, мы все бросились к этому ведру и его опрокинули. После этого товарищи, которые были поздоровее, навели порядок, забирали воду и ее распределяли. Кормили нас соленой рыбой и сухарями, больше ничего не давали. Если бы поезд хотя бы ехал, но он все время останавливался! Жарило солнце, а в вагоне была единственная дырка, в которую мы ходили по нужде, у нас у всех был понос. Жажда была ужасна, у одного товарища оставалось золотое кольцо, он его отдал за кружку воды, которую передали через это единственное отверстие.

Мы приехали в Венгрию. Первый лагерь был у города Темешвар. Там жило очень много немцев, фольксдойче. Город в Австро-Венгерской империи, назывался Темешбойх, потом Темешвар, потом он отошел к Румынии. Румыны себя обогатили большими венгерскими районами, теперь он называется Тимишоара. Те, кому не было 18, и те, кому было больше 45, были освобождены. Мы уже собрались домой, но неожиданно пришли несколько русских офицеров, комиссия. Нас построили в ряды по пять, приказали закатать рукава и поднять руки. У меня на руке была татуировка — группа крови. Тех, кто служил в СС, вывели из рядов. У меня был друг, я не курил и отдавал товарищам свой табак. Те, кто курил, смягчали табаком чувство голода. Я ему отдавал мой табак, и мы были друзья. Он тоже был из Ваффен СС, но татуировки с группой крови у него на руке не было. Еще там был один из люфтваффе. Когда на фронте не хватало людей, какую-то часть персонала перевели из люфтваффе в Ваффен СС, мы их называли «дар Геринга». Мы, которые не прошли проверку, стояли буквально в одном метре от колонны, которая шла на свободу, в которой был мой друг. Я хотел поменяться с ним местами и встать вместо него в колонну, которую уже проверили, а он встал бы к тем, которых еще не проверили, и прошел бы проверку еще раз. Мы так и сделали, но этот, из люфтваффе, показал на меня пальцем и сказал: «Он — СС». Он меня предал. И я остался с эсэсовцами, а те поехали домой. Те, кто поехал домой, получили от населения богатые подарки: воду, вино, еду — это все передали им в вагон, а мы

стояли на соседнем пути за решеткой, и нас отправляли в Румынию.

Татуировку я себе сделал еще во время обучения, в Нойцелле на Одере, у Губена. Я стоял на посту, когда пришел товарищ и сказал, меня вызывают в штаб. Я помчался в штаб и по дороге на радостях не поприветствовал унтершарфюрера, унтер-офицера. Он заставил меня ползать по грязи, пока я не стал совсем грязный. Потом я помчался дальше, прибежал в штаб, и там штабной врач на меня наорал: «Вы свинья, как вы выглядите». Я сказал, что это унтершарфюрер, я его не поприветствовал. Он мне сказал: «Я знать этого не хочу». Он поставил мне нулевую группу крови. Я считаю, что это было предательство. Хотели сделать так, чтобы людей из Ваффен СС всегда можно было опознать. Почему только нам ставили группу крови? В бой посылали не только эсэсовцев, армия тоже воевала. Если бы у меня не было наколки с группой крови, я бы поехал домой. Что бы там со мной произошло? Меня бы немедленно послали в Бухенвальд, к моему отцу, и я сидел бы в Бухенвальде до февраля 1950 года, как мой отец. А я из плена вернулся в феврале 1950 года. И когда я вернулся из плена 15 февраля 1950 года, я думал, что меня дружески поприветствуют, а мне сказали: тебе повезло — если бы ты вернулся, когда здесь была зона советской оккупации, мы бы отправили тебя в Бухенвальд, к твоему отцу-нацисту.

Нас повезли через Румынию. Мы выглядывали через щели вагона и видели красивые города и деревни. Привезли нас в Фокшаны. Там был очень плохой лагерь, известный еще с Первой мировой войны как «Фокшанский ад». В Первую мировую войну там погибли многие тысячи немецких военнопленных. Бараков не было, мы лежали на голой земле, в песке. Старые военнопленные, которые давно были в этом лагере, которых взяли в плен в котле под Яссами, рассказали, что в лагере была эпидемия сыпного тифа, вызванная вшами. В бараках были тысячи больных сыпным тифом. Тогда русские сожгли эти бараки, вместе с тифозными больными. Поэтому бараков не было.

Потом опять был поезд. Мы поехали в Констанцу на Черном море. В Констанце мы лежали в гавани. Через пару дней пришел старый румынский корабль, нас на него погрузили и повезли через Черное море. Это плавание было ужасно. Мне очень повезло, что я был не в трюме, а лежал на палубе практически посередине, там меньше качало, я мог дышать. Хотя на палубе было опасно — многих смыло в море.

Наконец мы увидели город, это был Новороссийск. Город был пустыней из развалин. Во время битвы за Кавказ он был практически сровнян с землей, в основном — русскими, которые

стреляли по городу. Пока мы шли, вдоль дороги стояли люди, которые жили в развалинах, подвалах. Мы думали, что они забьют нас камнями. Но они ничего не делали, просто стояли и смотрели на нас. Нас опять погрузили в вагоны, и мы поехали в Сибирь. Это было совсем, совсем плохо. Умерших по дороге просто выбрасывали из вагонов, потому что вагон, в котором мертвых складывали штабелями, был уже полон. Мертвые лежали просто у железной дороги. Мы были очень слабы, но каким-то образом мы выжили. Умирали те, кто был старше, у кого дома были семьи, жена и дети, и те, кто был из Восточной Пруссии или Силезии, кто уже знал, что у них больше нет родины. Они теряли надежду и умирали. Мы знали, что мы проведем в Сибири минимум 25 лет и очень многие из нас не вернутся, но у нас, юношей из Ваффен СС, была невероятная воля к жизни, в любом случае мы так быстро не сдавались. Весь этот путь был ужасен.

Мы приехали на Южный Урал в лесной лагерь. Там мы, очень ослабевшие, должны были валить деревья примитивнейшими инструментами, огромными старыми ржавыми пилами. Условия в лагере были так ужасны, что в лагерь приехала комиссия и всех обследовала. У русских было пять категорий. Каждые четыре недели мы проходили комиссию, голые. Я поднимал руки, они видели мою татуировку: «A, faschist! Pervaya kategoria». Это означало работы в каменоломне, шахте и так далее, независимо от физического состояния. Вторая категория — это было строительство дорог. Третья категория — работы в лагере. Потом была «ОК», «obschaya kategoria», это были полумертвые. Еще была категория дистрофиков, их посылали обратно домой, но они в основном умирали по дороге. В любом случае комиссия установила, что все или почти все товарищи были или категории «ОК», или у них была дистрофия. Тогда лагерь расформировали, приехали огромные седельные тягачи, и нас на них увезли. Мы ехали по горам, по какому-то невероятному бездорожью, русские водители были в основном пьяные. Седельный тягач, который ехал впереди нас, развернуло поперек дороги, и он перевернулся. Мы все должны были выйти и его вытаскивать. Нас привезли в очередной лагерь, я был простужен и бредил. Потом туда привезли пленных, взятых в плен еще под Сталинградом, последних выживших. Они были очень истощены. Опять пришел эшелон, и нас вместе со сталинградскими пленными опять куда-то повезли. В этот раз условия в поезде были очень гуманными. Конечно, в качестве туалета опять была дырка в полу, но мы получили немного кукурузной соломы, могли спать на ней, а не на голых досках, это было уже переносимо.

Мы приехали на Северный Кавказ, в Армавир. Ваффен СС

сразу же отделили и отправили в армавирскую тюрьму. Там были страшные допросы. Мне было еще не так плохо, потому что я был обычный рядовой, серая скотинка. Но меня побили. Я служил Begleit-Kompanie не как вспомогательная рота, а как «конвойная рота». Это для них означало, что я охранял русских военнопленных. Те, кто охранял русских военнопленных, были именно теми, кого русские с большим удовольствием уничтожали. Для меня это означало минимум 25 лет тюрьмы. Они хотели знать, кто был командир роты, кто был командир батальона, кто был командир полка, кто был командир дивизии, где вы были тогда-то, что вы там сожгли. Они уже все знали, где и когда была какая дивизия, врать было бесполезно. И «Тотенкопф» вместе с «Викинг» — это были дивизии, которые использовались только на Восточном фронте и были только для него предназначены. Это были любимчики русских.

«Тотенкопф» — это была единственная дивизия, которую американцы выдали русским. Потом один товарищ смог объяснить комиссару, что я слишком молод, что я вообще не мог быть в России и что каждая дивизия имела вспомогательную роту, которая охраняла штаб дивизии. После этого меня больше не били, но я должен был подписать какую-то бумагу на русском языке. Тогда я вообще ничего не понимал по-русски. После этого меня выпустили из тюрьмы.

Потом опять пришел транспорт, и нас повезли на Кубань. Там строили Кубанский канал. Нас выгрузили у канала, на станции Новинка, сказали, что лагерь находится в пяти километрах, сказали, nichego, malen'kiy kilometer. Мы замаршировали. По дороге, на марше, сначала был сильный дождь, потом буря, а потом снег. Дорога превратилась в грязь, и это оказалось не пять километров, а пятьдесят. Даже русский конвой был обессилен. Мы пришли в лагерь. Он был очень плохой. Вообще, в 1945, 1946 и 1947-м нам было очень плохо, но в 1948 и 1949 годах мы привыкли, и было уже лучше. Мы копали канал руками, без техники, носили nosilki туда-обратно, дамба постоянно осыпалась, ее надо было постоянно подсыпать. Мы постоянно падали вместе с носилками, надзиратели нас постоянно били. У меня был сильный понос, мне постоянно нужно было в туалет, там стояли надзиратели, румыны, и били всех, кто шел в туалет. Я почти умирал от голода, как и многие другие. Мы друг другу завещали наши вещи — одежду, ложку и так далее. Там были католический священник и протестантский пастор, тоже военнопленные, они хоронили умерших, и за это они получали дополнительный суп. Был единственный день, когда никто не умер, им некого было хоронить, и дополнительный суп они не

получили. Они были очень недовольны тем, что никто не умер и им не дали дополнительный суп. Опять приехала русская комиссия, лагерь расформировали, офицеров наказали — они воровали наше продовольствие. Нас перевели в Георгиевск, в восстановительный лагерь. Там мне было хорошо, я подкормился.

Я работал в каменоломне, куда попали большинство эсэсовцев. Мы работали 12 часов в день. От нас требовали выполнения нормы, иначе хлебный паек уменьшали на 200 или 300 грамм. Мы старались выдавать старые камни, которые мы вчера уже сдали, за новые, сегодняшние, если нас ловили, то русские ругались и уменьшали нам паек.

Потом я строил дороги и проявил себя как организатор. Бригада состояла из 25 человек пленных, 2 русских охранников и начальника охраны. Нам в качестве наказания дали охранников-монголов. Русские называли их chemyi bljad', когда они хотели женщину, они ее просто насиловали. Девушки шли на рынок с корзинами за продуктами, они их хватали, тащили в кусты и там насиловали. Такие плохие были монголы. Кроме того, они были голодные, они получали снабжение по самой низкой, второй норме. У русских было не так, как в Ваффен СС. В Ваффен СС генерал получал точно такое же снабжение, как последний солдат. В Ваффен СС можно было стать офицером, окончив только народную школу, даже не окончив среднюю школу, даже не имея права поступления в университет. Так было только в Ваффен СС — одинаковое снабжение и одинаковое продвижение по службе для всех. Даже в вермахте такого не было. А у русских было шесть норм снабжения. Низшая у военнопленных, потом у охранников, потом солдатская и унтер-офицерская норма, потом офицеры, потом штабные офицеры.

Мы строили прекрасные дороги, 30 метров шириной, там могли садиться самолеты! В одной деревне был большой толстый пес, который принадлежал сельскому sowet, бургомистру по-немецки. Наш конвоир его застрелил, потому что он на него бросился, мы его подобрали и отнесли в каменоломню, там сварили и сожрали. Сельский sowet заскучал по собаке и пришел жаловаться лагерному начальству, что мы сожрали его собаку.

Еще мы ловили ежей и запекали их в глине — колючки оставались в глине, а мясо ели. Наша каменоломня срыла целую гору!

Мы с одним унтершарфюрером из дивизии «Викинг» и еще с одним, из штрафного батальона СС Dirlewanger, решили бежать. Мы сбежали и довольно далеко ушли, но я повредил ногу, и они меня оставили у какой-то деревни. Жители меня сдали в милицию. Обычно тех, кто бежал, по возвращении в лагерь

забивали до смерти палками. Меня допрашивали, и я назвал другой номер лагеря. В конечном итоге со мной ничего не сделали.

Комендантом лагеря был немец, рейнец, не помню, как его звали, коммунист, стукач, антифашист, предположительно он сидел в концентрационном лагере в Германии. Некоторым из нас, из Ваффен СС, он специально отбивал печень. Он был очень плохой собакой. Я его встретил в 1950 году на вокзале в Веймаре. Когда в лагере что-то было не так, приезжала комиссия, обычно из Москвы. Тогда ровно три дня в лагере была отличная еда. Полы чистили, стены красили. Мы спали на голых досках, подушкой были наши ботинки. На нарах мы лежали как селедки в банке, 200 человек в бараке, если кто-то поворачивался, все остальные тоже должны были поворачиваться. Мы покрасили стены барака в белый цвет перед приездом комиссии. Ночью на свежеокрашенных белых стенах давили клопов и вшей, которые нас атаковали. От этого на стенах появились красные пятна. Утром пришел оберст, podpolkovnik, увидел стены с красными пятнами и налипшими мертвыми клопами и вшами, сказал: «o, nemetskiy kultura, ochen' khoroscho, ochen' krasiwo». Он так радовался, что аж прыгал перед стеной барака. Он подумал, что это мы придумали так раскрасить стену красками.

В бригаде я был «организатор». Мне связали рукава куртки и штанины брюк, в них я приносил продукты. Я доставал в домах кукурузную муку, картофель, сушеные абрикосы — все, что возможно. Меня очень уважали, потому что я мог достать все что угодно. Меня знали все деревенские собаки во всех окрестных деревнях. Иногда я набивал себе брюхо до изнеможения. Я не воровал в деревнях, как некоторые мои товарищи, которых потом за это били. Конвоирам я должен был приносить водку. Для этого у меня внутри куртки была пришита бутылка, куда я наливал водку или samogonka. Если бы я один раз не принес конвоирам водку, они бы никогда меня больше не выпустили. Я был хороший «организатор». Мои организаторские способности, которые я получил в России, я позже проявил в ГДР, когда работал в системе снабжения. Когда я заходил в деревенские дома и просил еду, во всех домах висели фотографии родственников, погибших на войне. Тогда я говорил, что мои mamochka и papochka погибли, их разбомбили американские самолеты, и мне давали еду. Одна пыганка дала мне хлеб, я его спрятал в карман, и тут маленькая девочка сказала: «smotri, mamochka, kamerad kuschaet kak swin'ja».

Все соседние деревни уже были обойдены, все собаки уже меня знали, и я ловил машины и автостопом ездил в дальние

деревни, за 30–40 километров. У нас, если голосовать на дороге, ни одна свинья не остановится, а в России все всегда останавливались. Один раз меня вез русский капитан полиции. Он меня спросил: «Немец?» Я сказал, да, woennoplennyi. Потом он спросил: «Фашист?» Я сказал, что да. Он сказал, ты фашист, я коммунист, хорошо, и дал мне выпить stakan wodka. Потом еще, после третьего стакана я отрубился. Он меня вытащил из машины и поехал обделывать свои страшные дела. На обратном пути он меня подобрал и отвез в лагерь. Я ему рассказал, что мне не надо в лагерь, мне надо в мою бригаду, в лагере меня уже ловили и били. Но отвез меня в лагерь и дал вахтеру бутылку водки, чтобы он меня не бил.

У меня много таких историй, но напоследок я расскажу историю эротическую. Я был молод и девственен, я стеснялся; когда мы приехали в Вену и пошли в бордель, я только смотрел. Однажды я уже собрал еду и шел обратно, там стоял дом, где жили цыгане. Я хотел пройти мимо, но у меня еще не было водки. Поэтому я туда зашел и увидел цыганку. Она меня соблазнила, и я имел контакт. Это было в пятидесяти километрах от лагеря. Большую часть еды я оставил у цыганки и вернулся с пустым мешком и пустой мошонкой (игра слов. — *Пер.)*. Меня уволили из добытчиков и послали другого, но его в первый же день искусали деревенские собаки, и я опять стал добытчиком, как лучший «организатор».

В 1949-м меня перевели на Украину, и там начались настоящие допросы. Мы должны были очень подробно рассказывать, где и когда мы были и что делали. Я был простой панцер-гренадер, мне грозило от 10 до 15 лет, унтер-офицерам — 20 лет, младшим офицерам — 25 лет. Опять собрали этап, и нас повезли в Сибирь. Мы приехали в большой лагерь в Алма-Ату. Там были Ваффен СС, связные офицеры, руководители зондеркоманд, которые участвовали в акциях на Украине, саботажники и те, кто совершил преступления в лагере. Нас, рядовых, не судили, процесс и суд были только над офицерами, которые получали по 25 лет. Оттуда отправляли этапы в Караганду, в шахты, которые были как будто созданы именно для Ваффен СС.

Я познакомился с одним из Л.А.Н. («Лейбштандарт Адольф Гитлер»), он мне сказал: «Манфред, в Караганду нам совсем не надо, надо что-то придумать». Этот, из Л.А.Н., спрыгнул с высоты и сломал себе ноги. Я несколько раз прыгал, но сломать себе ноги у меня не получалось, но в конечном итоге я их сломал и попал в санчасть, где уже лежал этот, из Л.А.Н. Потом в Караганду больше не отправляли, а на месте искали каменщиков, плотников

и других специалистов. Этот, из Л.А.Н., сказал: «Нет, это еще не для нас, еще подождем».

Однажды в лагере оставалось уже совсем мало людей, человек сто, пришел один, очень толстый и с красным носом. Этот, из Л.А.Н., сказал: «Вот, это еврей, пойдем к нему, с ним нам будет хорошо». У меня, кстати, уже был в одном лагере начальник лагеря еврей, и нам жилось просто прекрасно. Если у вас врач-еврей, медсестра-еврей и еврей — начальник вашего лагеря, значит, у вас в жизни все хорошо. Они не очень много воровали. Хотя они знали, что мы — Ваффен СС, они обращались с нами по-человечески. Сейчас я понимаю, почему они с нами обращались по-человечески. Во время войны и во время русской революции евреи были самыми большими массовыми убийцами, которых Сталин использовал, чтобы уничтожить свой народ и многих офицеров, они было в основном в НКВД и ГПУ. А после войны евреи были дискриминированы, была антисемитская, враждебная евреям политика в Советском Союзе, как я себе это представляю. И евреи внезапно солидаризировались с нами. Я так думаю. По-другому я себе не могу объяснить, почему евреи часто делали нам добро.

В любом случае он искал mjaso-специалистов, мясников. О-о-о! Было много желающих, но мы стояли впереди, у нас был инстинкт, мы были только что из санчасти. Он выбрал меня и этого, из Л.А.Н., всего 14 человек. Мы поехали на грузовике, по бездорожью, без еды и питья, и приехали на большую бойню, очень примитивную. Там работали женщины, казашки, с узкими глазами. Мужчин практически не было, они все погибли на войне. Мы грузили туши. Наш барак был практически без крыши, поэтому мы жили в частном секторе, у казашек. Воровать мясо было нельзя, за это давали 2 года, но мы воровали, к концу смены прятали кусок мяса в штаны, поэтому казашки, у которых мы жили, были нам рады.

Самое интересное там было то, что этот, из Л.А.Н., влюбился в русского врача, красивую женщину, из Москвы, которая работала там по распределению (этого, из Л.А.Н., он камарадом почему-то не называет. — *Пер.)*. В один прекрасный день приехали на грузовиках русские военные с автоматами, и нас увезли, не дав ни собрать вещи, ни попрощаться.

Так началось наше возвращение домой. Пришел приказ: все военнопленные, которые не были военными преступниками, должны быть отправлены домой до 31 декабря. Срок уже прошел, уже был практически февраль. Нас подцепили к поезду, и мы поехали в Брест-Литовск. В Брест-Литовске была комиссия. Мы должны были раздеться догола, сложить веши и пройти через

пять помещений: баня, очистка от вшей. Мы должны были сдать кровь. Нас тщательно обыскали, заглядывали в рот, чтобы никто не мог пронести ордена павших в плену товарищей. Потом мы поехали во Франкфурт-на-Одере. Во Франкфурте-на-Одере мы могли сами решить, куда мы хотим, на Запад или на Восток. Я, конечно, решил, что я еду на родину, туда, где мама и бабушка. В конце 1947 года нам разрешили писать домой. Я знал, что у меня появился маленький брат, но не знал, что мой отец до 1950 года был в Бухенвальде и не мог оттуда писать, мать мне об этом не писала. Как-то раз я сказал одному сослуживцу, что мой отец сидел в Бухенвальде. Он мне сказал: «О, так ты получаешь каждый месяц 1300 марок!» Я сказал: «Нет, он там сидел с 1945 по 1950 год». Я получил нагоняй и должен был объясняться в газете на предприятии, как я могу такое говорить и с какой целью я это сказал. Так было в ГДР. Я все-таки получил 1300 марок, но борцы с фашизмом получали 1700 марок, каждый месяц. Со мной ничего не произошло, я только взбучку получил, и меня проработали в производственной газете.

Как я уже говорил, в лагере меня отделили от товарищей, никто не знал, где я, никто не знал, что я в ГДР. Только в 1990 году в газете добровольцев я дал объявление, что ищу служивших во вспомогательной роте «Морской дом» 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». И в самое короткое время я получил пять ответов: от моего командира роты, от ротного разведчика, от товарища из Швейцарии, из Женевы, еще от одного, который работал на почте и потерял ногу, и еще одного товарища из Шварцвальда, пятеро были еще живы.

Командир роты меня немедленно пригласил, он жил в Вестфалии, построил меня в полночь и вручил значки за ранение и ближний бой, а за подбитые танки, в которые я тоже стрелял, не вручил, и произвел меня в СС-штурманы, в ефрейторы.

Генат Альфред (Genath, Alfred) [1]

Материал предоставлен Мартином Регелем

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Меня зовут Альфред Генат, я живу в Хильдесхайме, это 32 километра южнее Ганновера. Я там родился 28 июня 1923 года. По словам моих родителей, первые полгода я кричал каждую ночь. Однажды ночью моя мать заснула от переутомления и проснулась оттого, что я не кричал. Тогда она закричала моему отцу: «Вилли, Вилли, мальчик умер». Все вскочили, но оказалась, что я сплю. Начиная с этого момента, я больше никогда ночью не кричал. Мы жили в относительно маленькой квартире в доме на восемь семей. В конце нашей улицы город заканчивался, мы практически выросли на природе. Машин тогда практически не было.

Я пошел в школу. Потом у меня родилась сестра, и мы переехали в большую квартиру в доме на той же улице, там у меня была своя комната. В этом доме тоже жили восемь семей, все жили очень дружно, там были представлены все политические партии, от коммунистов и социалистов до радикальных католиков, но ни одной ссоры у нас никогда не было, все были очень любезны друг с другом. Мой дедушка был очень солидный

мужчина с усами; когда ему говорили, что я опять подрос, он говорил, да, да, главное, что разум тоже растет. У моего второго дедушки был огромный сад, он был кузнецом.

Я ходил в евангелическую среднюю школу для мальчиков. Потом, в 1937 году, евангелическую среднюю школу для мальчиков объединили с католической средней школой для мальчиков. В 1939 году я окончил школу и хотел поступить в школу унтер-офицеров в Ганновере, но туда брали только с 16 лет. Мне 16 еще не было, и я пошел на фабрику в подмастерья, учиться на точного механика. Был 1939 год, наше маленькое предприятие, там работало 25 человек, начало производить военную продукцию, мы делали точные приборы для самолетов и торпед.

Мой отец был активным членом НСДАП. Я поступил в Юнгфольк еще в 1932 году, поэтому позже у меня был золотой значок Гитлерюгенда, я был «старый боец» Гитлерюгенда. Наш руководитель в Гитлерюгенде был одним из основателей морского Гитлерюгенда, и мы вместе с ним в 1933 году перешли в морской Гитлерюгенд. У нас была база на канале, мы занимались греблей. В 1934 году мы в морской униформе на Дне немецкого морского судоходства в Гамбурге промаршировали перед Рудольфом Гессом. Потом нашего руководителя Гитлерюгенда, к сожалению, перевели в Ганновер, без него наш морской Гитлерюгенд развалился, и мы вернулись в обычный Гитлерюгенд. Время в Гитлерюгенде — это лучшее время в моей жизни, у нас было великолепное товарищество, у нас не было классовых различий, и все было добровольно. У нас были вечера, мы путешествовали пешком и занимались спортом. В 1941 году воинские части, которые квартировали в Хильдесхайме (у нас была казарма артиллеристов, три казармы пехотинцев, лыжные егеря, аэропорт с парашютистами и летной школой), устроили спортивный праздник. Гитлерюгенд-Хильдесхайм тоже пригласили участвовать. Почти все спортивные дисциплины: бег на разные дистанции, прыжки в длину, эстафеты и так далее — выиграл Гитлерюгенд-Хильдесхайм. В 1939 году меня отправили в Имперскую стрелковую школу в Зуль. Преподавателями там были офицеры Ваффен СС, мы там были 10 дней. После этого я стал ответственным за стрельбу в Гитлерюгенд-Хильдесхайм. Я отвечал за склад с оружием, выдавал винтовки, отвечал за порядок во время тренировок по стрельбе. У меня в Гитлерюгенде был значок снайпера и еще четыре или пять значков за разные достижения.

В конце 1941 года у нас в Гитлерюгенде появился плакат: «Юноши 1923 года рождения обследуются комиссией Ваффен

СС». Я поговорил с моим другом, и мы, конечно, решили пойти туда, проверить, насколько мы здоровы. Утром там собралось примерно 200 человек, после обеда осталось 27, отбор был очень строгий. В начале 1942 года я получил по почте документы, приглашение в Ваффен СС. Я их подписал и отослал обратно.

15 августа 1942 года я прибыл в Варшаву, в пехотный резервный и учебный батальон Ваффен СС. Мы приехали в Варшаву, думали по пути в казарму посмотреть город, но на перроне нас встретили четыре унтершар-фюрера, с прогулкой по городу ничего не получилось. Мы жили в бывшей казарме польской армии, 12 человек в одном помещении. Кормили очень скудно. Единственный раз мы были в увольнении, кроме одного товарища из Баварии, он стрелял лучше всех, и его отпускали в увольнение после каждых упражнений в стрельбе. Мы его спросили, почему он так хорошо стреляет, он сказал, что у них, в Баварском лесу, все браконьеры. Обучение было тяжелым, ночные марши по 25 километров и так далее.

15 октября 1942 года нас построили и погрузили в транспорт, в дивизию. Мы поехали через Бельгию.

Мы ехали в товарном вагоне, до нас там везли яблоки. Мы съели эти яблоки, попили воды из локомотива и приехали не туда, куда нас везли, а в Пуатье, в карантин — у всех началась дизентерия. Это была бывшая французская артиллерийская казарма. Ничего не было организовано, снабжения не было, мы буквально висели в воздухе. Через неделю мы поехали дальше, и я приехал в Лион, в 13-ю роту. Там я проходил обучение на 7,5-сантиметровые легкие пехотные и 15-сантиметровые тяжелые пехотные пушки. Все это было хорошо, но пушки перевозили не тягачами, а на нас. Особенно хорошо было с 15-сантиметровыми пушками, это было сделано умышленно, мы от этого становились крепче. Когда я в первый раз зашел в туалет во французской казарме, я был потрясен, там была дырка в полу, и больше ничего. Это было мое первое знакомство с туалетами французской системы. Рождество мы встречали во французском баре, там поставили елку, там был открытый балкон, столики на трех человек, на каждом столике были конфеты, шоколад и стоял кувшин с алкоголем. Я не помню, как я после этого попал в казарму, но нас после этого заперли в казарме, и Новый год мы встречали в казарме под арестом.

Потом прошел слух, что нас отправляют в Африку. Мы — «Мертвая голова», «Лейбштандарт», «Дас Райх» и дивизия вермахта «Великая Германия» будут наступать на Александрию. Но наши машины покрасили в белый цвет, и пришел транспорт в Россию. Целью был Сталинград. Я ехал на последней открытой

платформе, там стояло 15-сантиметровое орудие, я его охранял. Был февраль, было холодно, я ехал на открытой платформе, наша кухня была в первом вагоне, у меня единственный раз за всю дорогу получилось туда попасть. На вокзалах были полевые кухни Красного Креста, но там обычно никакой еды не было. В Райсхоф, это пограничная станция между генерал-губернаторством (Польшей) и Россией, всего через три пути от меня стояла полевая кухня с супом из лапши. Мимо моей платформы проходил человек, я у него спросил, через сколько времени мы отправляемся, он сказал, через пять-десять минут. Я побежал в полевую кухню за едой, между кухней и нашим эшелоном проходил санитарный поезд, и, когда он прошел, мой эшелон уже ушел. Я остался полуодетый, без ремня и с миской лапши, представьте себе, как я себя чувствовал. Я пошел на вокзал, там мне сказали, что через полчаса идет поезд с цистернами с бензином. Он не останавливается, я должен на ходу запрыгнуть на цистерну. Потом я ехал в товарном поезде, потом на платформе с зенитками, потом в пассажирском поезде, потом я догнал один эшелон нашей дивизии, там мне сказали, где находится моя 13-я рота, потом я в одной деревне нашел мою роту. Я доложился командиру роты, что я вернулся, он послал меня к старшине, старшина меня ужасно ругал, сказал мне все, что он должен был мне сказать.

В любом случае я вернулся в мою роту и поклялся себе не отходить от нее дальше чем на три метра. Это было под Полтавой. Оттуда мы наступали на Харьков, мы взяли Харьков и оттуда наступали на Белгород. Там нас остановили. Мы не поняли, почему мы остановились, мы так хорошо наступали. Там мы пробыли недолго, нас отвели в тыл, и я поехал в отпуск. Я съездил домой, в Хильдесхайм. Когда я вернулся в часть, меня послали учиться в школу унтер-офицеров, в Бреслау-Лисса. После окончания школы я опять получил отпуск, и 22 октября 1943 года я был помолвлен. После этого я вернулся в роту в качестве командира орудия. Там я участвовал в печальной главе — в отступлении до Кривого Рога, потом дальше и дальше. Во время отступления моя пушка на дороге столкнулась со штурмовым орудием, которым командовал кавалер Рыцарского креста. И моя пушка, и его штурмовое орудие пришли в негодность, нам пришлось их взорвать. От моей роты к этому моменту уже практически ничего не осталось, остался командир роты и еще буквально два-три человека. Командир роты не мог нас всех взять с собой, он взял нашего водителя, а нам, со мной было трое, сказал, чтобы мы шли в Дубоссары и там его искали. 90 километров до Дубоссар мы прошли пешком по морозу без какой-

либо еды. Там собирали маршевую роту на фронт, но нам туда не хотелось, мы начали искать, где нам переночевать. Мы нашли комнату на первом этаже, прямо на главной улице, что было невероятно. Там мы из 200-литровой бочки из-под бензина сделали парилку и на стволе пулемета прожарили нашу одежду — мы были тотально завшивлены. Однажды утром мы вышли из дома, и прямо перед нашим домом стоял грузовик с тактическими знаками нашей 13-й роты. Мы подождали, когда вернется водитель, но тут возникла новая трудность. Водитель сказал, что на мосту через Днестр машины обыскивают, самовольно ехать в тыл солдатам запрещено. Мы спрятались в кузове грузовика под тем, что там лежало, нас не нашли, и мы снова оказались в нашей роте. Рота стояла в одной деревне, на следующий день мы поехали в Кишинев. В Кишиневе мы разместились в казарме, сходили на представление в театр, и на следующий день меня отправили в Варшаву, на курсы кандидатов в офицеры. Там было как обычно: маршировка, тактика и изучение нового оружия. Потом меня отправили в школу юнкеров в Прагу, это было в июле 1944 года. В октябре 1944 года меня неожиданно вызвали в штаб и там сказали, что меня немедленно отправляют в Бреслау-Лисса, там в пехотном учебном и резервном батальоне формируются две роты. Я поехал на поезде в Бреслау-Лисса, личный состав двух рот уже был там, но пушек еще не было. Потом сказали, что пушек мы вообще не получим, и поэтому нас, артиллеристов, отправили в отпуск.

Мою невесту тем временем призвали в армию, в военно-морские силы, помощницей в штаб, но не на море, а в Санкт-Блазиен, это в Шварцвальде. Там был известный курорт и легочный санаторий, и там разместился штаб Кригсмарине, она там работала. Я не мог решить, куда мне ехать, в Хильдесхайм к родителям или к невесте в Санкт-Блазиен. Я доехал до Эрфурта, там объявили воздушную тревогу, мы выскочили из поезда, попрятались по щелям и попали под американскую бомбежку. После бомбежки никакие поезда в Эрфурте не ходили, но через некоторое время объявили, что идет поезд в Майнц, так что я поехал к невесте. Я доехал до Людвигсхафена, оттуда дальше до Фрайбурга, там переночевал и на следующее утро поехал в Зеебрух. Там железная дорога кончилась, до Санкг-Блазиен было 50 километров, автобусы не ходили, и я пошел 50 километров пешком. Было холодно, шел снег с дождем. В Санкт-Блазиен мне очень повезло, я нашел комнату в отеле, и меня поставили на довольствие в Кригсмарине. Из отпуска я вернулся на день позже, но когда я вернулся в роту, мне старшина сказал, что из тех, кого отпустили в отпуск, я вернулся первым. Моя невеста хотела,

чтобы я на ней женился, но я сказал, что я не хочу слишком рано делать ее вдовой. Мне дали в подчинение 30 курсантов, лыжных егерей. Они приставали к молодым девушкам на кухне, и я их как-то полночи гонял по сугробам, после этого они оставили девушек в покое.

Потом, как вы, наверно, знаете, русские прорвались к мосту у вокзала. Была объявлена тревога высшей степени опасности. Весь резервный батальон был разделен на роты, которые должны были занять определенные участки обороны. Моя рота была на Одере у Аурест, это на другой стороне Одера, моста там не было, там был паром. Там было огромное количество беженцев, повозки на лошадях, скот, старики, женщины и дети. Мы получили приказ построить нашу оборонительную позицию. Сначала мы должны были строить оборонительную позицию на дамбе на Одере, но дамба была на 18 метров удалена от реки, и между ней и Одером росли кусты и деревья. Тогда мы построили позицию прямо на берегу Одера. Я не помню, как звали нашего командира роты в тот момент, его быстро заменили, и ротой командовал Отто Люмниус из Вальдорфа. На нашем участке обороны был построенный по всем правилам бункер, с пулеметом MG. Бункер был построен так, чтобы защищать изгиб русла Одера. Справа от нас, вверх по течению Одера, была полоса примерно 120 метров, абсолютно плоская, на ней росло единственное дерево. За ней был участок обороны роты Ваффен СС, а слева от нас, там, где был паром, был вермахт. Ночью мы послали разведку в следующую деревню, там уже были русские. Мы недолго их ждали, через пару дней они были уже перед нами, но без тяжелого оружия. Они попытались на трех лодках переправиться через Одер там, где была плоская полоса. Мы их уничтожили, ни один из них не выжил. Кроме того, вода в Одере была ледяная, кто в нее попадал, выплыть не мог. Одним утром мы потеряли связь с соседней ротой на левом фланге. Мы получили приказ отступить в направлении Бреслау. На нашей стороне, возле парома, был дом, там жила женщина с тремя дочерьми. Когда мы отступали, мы просили ее уйти вместе с нами в Бреслау, но они остались в доме. Я до сих пор думаю, что с ними потом произошло.

В любом случае мы отступили, и у нас была внезапная контратака на русских. Они полностью растерялись, они абсолютно на это не рассчитывали, у них были огромные потери. После этого наша рота была «резервом крепости». Это означало, что мы все время ходили в ближний бой — или контратаковали прорвавшихся русских, или ходили в разведку, или стабилизировали участок обороны, потому что в Бреслау было

очень много частей фольксштурма. Чаще всего мы воевали возле аэропорта Гандау, в городском районе Шмидефельд. Туда вошли русские, потому что часть под командованием Шпекмана оттуда просто сбежала. Мы ночью контратаковали русских, но весь Шмидефельд освободить не смогли, потому что русские стянули туда очень много сил. В любом случае эту часть города мы удерживали довольно долго, там был аэропорт Гандау, там все время приземлялись самолеты Ю-52, привозили боеприпасы и вывозили раненых.

Потом мы прикрывали Франкфуртскую улицу, это очень длинная улица. На перекрестке с Пиор-штрассе была насыпь железной дороги, там оборонялся фольксштурм, и русские захватили три первых дома за насыпью железной дороги. Я с десятью солдатами получил приказ выбить оттуда русских. Мы это сделали, потеряв одного человека, но захватили русскую противотанковую пушку.

Потом мы получили приказ очистить Иверк-41. Это был огромный комплекс бункеров — два этажа, бетонные стены, казематы и галереи, — укрытый деревьями и кустами. Его защищала часть вермахта, русские их неожиданно атаковали и захватили весь комплекс, кроме самого большого бункера, который все еще обороняла эта часть вермахта. Нам приказали их деблокировать, пробиться через русских, которых было примерно 50–60 человек из штрафной части. Мы пошли туда, вооруженные до зубов, даже с панцерфаустами. Мы распределились по фронту, закричали «ура» и пошли в атаку, бросая ручные гранаты и стреляя из панцерфаустов. Русские открыли по нам ураганный огонь. Два раза мы отходили в большой бункер и вызывали огонь нашей артиллерии. Мы пошли в последнюю атаку, и русские сложили оружие. От нас осталось 27 человек.

Потом мы продолжали воевать примерно таким же образом. В Бреслау были большие склады с продовольствием для фронта и много тыловых частей; они все остались в Бреслау, когда он был окружен, и из них мы получали пополнение, но некоторые из них не умели даже стрелять. Один из нашего пополнения сказал: «О боже, я теперь в Ваффен СС, я могу писать завещание». Почему было так — я не знаю, но в любом случае это известно, части Ваффен СС всегда применялись там, где воздух был насыщен железом. Наша дивизия никогда не стояла на одном месте, нас все время дергали по фронту.

30 марта меня ранило осколком в бедро. Меня сразу же прооперировали в лазарете в бункере, без наркоза, сделали два разреза. Один день после операции я пролежал в расположении нашей роты, на кухне, там у нас работали молодые девушки,

больше никого не было, а на следующий день я опять пошел в бой.

21 апреля я получил сквозное ранение в легкое, меня опять привезли в лазарет, и там сказали, что по ним стреляют и что я должен отлежаться где-нибудь в другом месте. Я пошел в амбар с сахаром и лежал там. Мне повезло, у меня в течение трех дней все время шла кровь, и с ней вышла вся грязь от ранения, это мне потом рассказали. Затем меня привезли в другой госпиталь, в подвале гимназии. Потом прошел слух, что 3 мая мы прорываемся из Бреслау. Ко мне каждый день приходил кто-то из нашей роты, и я им сказал, чтобы они забрали меня с собой. Они это сделали, прорыв не удался, а на следующий день у меня был легкий инсульт. Наша рота занимала позицию недалеко от моста Кайзербрюке, в подвалах, там рядом был монастырь, я лежал в монастыре, где за мной ухаживали.

6 мая Бреслау капитулировал. Снова прошел слух, что если рота не сдастся организованно, во главе с командиром роты, то нас всех расстреляют. В полночь мы построились, девушек, которые были у нас в роте, в нашей униформе, поставили в центр колонны и пошли в плен. Три дня нас водили по дорогам вокруг Бреслау, потом мы пришли в лагерь «Бреслау — 5 прудов». Первое, что нам там не понравилось, были австрийцы. Они внезапно объявили себя независимыми, повесили красно-бело-красный флаг, с нами в бараках не жили, а построили себе палатку и с нами не разговаривали.

Оттуда 1000 человек перевели в лагерь в Бреслау-Хундсвег, там меня обследовали, я получил четвертую рабочую группу. Из Бреслау-Хундсвег 1200 человек отправили на работы в Дрезден, но только по третью рабочую группу, у меня была четвертая, и я остался в лагере. Однажды утром нас вывели из лагеря под сильной охраной и погрузили в русские вагоны, не такие, как у нас. Мы приехали в Белгород, где я уже был, в лагерь, в котором было 1500 человек. Там нас опять, в который раз, обыскали и опять многое отобрали.

Теперь о снабжении. Можете себе представить, осенью на грузовиках привезли капусту. Наши каменщики построили каменные загородки, цистерны, капусту порезали и в них заквасили. Из остатков капусты еще две недели варили суп, он очень вонял. Морозы наступили очень рано, мы жили в полуразрушенной бывшей больнице, спали без одеял на досках, от нашего дыхания с потолка росли сосульки. Ни отопления, ни печки не было. Только гораздо позже мы сами сложили печку. Каждое утро нас пересчитывали, всегда несколько человек не хватало, каждую ночь кто-то умирал. В декабре 1945 года у нас не

было возможности похоронить ни одного человека, трупы складывали штабелями, как дрова, только весной их похоронили. Мы работали на вокзале, на кирпичном заводе. Конвоиры были очень хорошие, им тоже было тяжело. Я также работал в колхозе. Потом нас перевели в Курск, а оттуда в Чистяково, на угольную шахту. Там меня спросили, не хочу ли я работать в культурной группе, и я согласился. Мы делали все возможное — писали и играли скетчи.

Мы, из культурной группы, должны были поддерживать хорошие отношения с комиссаром. Однажды он пришел ко мне и сказал: «Вас, эсэсовцев, переводят в режимный лагерь, это лучший лагерь во всем районе». Я подумал, что он издевается.

Мы пришли в этот лагерь и не поняли, что это лагерь. Он выглядел как нормальный жилой микрорайон, там на окнах висели гардины и стояли горшки с цветами. Там нас принял немецкий комендант лагеря, хауптштурмфюрер СС. Он спросил: «Какая дивизия?» — «Тотенкопф». — «Третий блок, доложитесь там старшине». Мы снова были у нас, в СС! Это был лучший лагерь за все мои более чем четыре года в русском плену. Мы работали в шахте, шахта была в 150 метрах от лагеря, после нашей смены в шахте туда заступала русская смена, у нас не было охраны, мы участвовали во всех социалистических соревнованиях, и ко дню Октябрьской революции, и ко дню рождения Сталина, и «Лучший шахтер», мы их все выигрывали! У нас был чудесный политический офицер, он привез нам 30 женщин из лагеря для интернированных, у нас был танцевальный оркестр, у нас был танцевальный вечер, но я на нем не был, была моя смена, черт ее побери. И вот теперь сенсация! Мы получали зарплату, столько же, сколько и русские. Я повторяю, мы получали столько же, сколько и русские! И даже больше, потому что мы работали намного старательней, чем они. И деньги приходили к нам на счет. Но все деньги мы снять не могли, мы должны были перечислять с наших счетов 456 рублей за расходы на нас в лагере.

В июле 1948 года наш политический офицер, который не провел с нами ни одного политического занятия, потому что он сразу сказал, что нам это все равно до лампочки, нам сказал, что до конца 1948 года в России не останется ни одного немецкого военнопленного. Мы сказали, ну, хорошо, и начали ждать. Прошел август, прошел сентябрь, наступил октябрь, нас построили и рассортировали по разным лагерям, так было во всех лагерях в нашем районе. В этот момент мы действительно боялись, что нас всех расстреляют, потому что он сказал, что до конца 1948 года в России не останется ни одного немецкого

военнопленного. В этом лагере мы не работали, но деньги из прошлого лагеря были у меня на счету, я покупал продукты, угощал товарищей, мы отлично отпраздновали Рождество. Потом меня перевели в другой лагерь, я попросился опять на работу в шахту, потом перевели в еще один лагерь, и там мы опять работали в шахте. Там было плохо, лагерь был далеко, условия были плохие, не было кабинок для переодевания, были смерти на производстве, потому что безопасность труда была плохая.

Потом этот лагерь ликвидировали, и я попал в Днепропетровск, там был гигантский автомобильный завод, мастерские, станки из Германии. С материалами там обращались очень расточительно: если за пару минут до конца рабочего дня привозили бетон, то его просто оставляли лежать до завтра, и он засыхал. Потом его ломали ломами и выкидывали. Готово. Мы грузили кирпичи, все брали по четыре кирпича, по два под руку, а один брал только два. Русские спросили: это что, почему ты берешь только по два кирпича, а все остальные по четыре? Он сказал, что все остальные ленивые, им лень ходить по два раза.

16 декабря 1949 года мы спали в большой казарме, неожиданно раздался свисток и команда собрать вещи, сказали, что мы едем домой. Зачитали список, мое имя тоже там было. Я особенно не радовался, потому что боялся, что еще что-нибудь поменяется. На остаток моих денег я купил в столярной мастерской два больших деревянных чемодана, 3000 сигарет, водку, черный чай и так далее, и так далее. Мы замаршировали пешком через Днепропетровск. Русский комендант лагеря хорошо знал немецкие солдатские песни и скомандовал, чтобы мы пели. До самого вокзала в Днепропетровске мы пели одну песню за другой, и «Мы летим над Англией», и «Наши танки едут вперед по Африке», и так далее, и так далее. Русский комендант лагеря получил удовольствие. Вагоны, были, конечно, товарные, но в них была печка, мы получили достаточно продовольствия, двери не запирали, и мы поехали. Была зима, но в вагонах было тепло, нам все время давали дрова. Мы приехали в Брест-Литовск. Там нас поставили на запасной путь, и там уже стояли три поезда с военнопленными. Там нас еще раз обыскали, у меня была фляга с двойным дном, которую я украл у русских, там у меня был список имен 21 товарища, про которых я знал, как они погибли, но все обошлось. В Брест-Литовске нас продержали три дня, и мы поехали во Франкфурт-на-Одере.

На товарной станции во Франкфурте-на-Одере к нашему поезду подошел маленький немецкий мальчик с авоськой и попросил у нас хлеба. У нас было еще достаточно еды, мы взяли его в наш вагон и накормили. Он сказал, что он за это споет нам

песню, и спел «Когда в России кроваво-красное солнце тонет в грязи…», мы все заплакали. [«Когда на Капри красное солнце садится в море…», Capri Fischer, немецкий хит того времени.] Железнодорожные служащие на вокзале выпрашивали у нас сигареты. Ну, ладно.

Нас привезли в еще один лагерь, мы еще раз прошли очистку от вшей, нам выдали чистое белье, русское, и по 50 восточных марок, которые мы, конечно, немедленно пропили, зачем они нам в Западной Германии. Еще каждый из нас получил пакетик из Западной Германии. Нас посадили в пассажирский поезд, может быть даже скорый, но дорога была одноколейная, и мы должны были ждать каждый встречный поезд. Мы в очередной раз остановились прямо у какого-то полностью разрушенного вокзала, к нашему поезду подошли люди и просили хлеб. Мы поехали дальше в Мариенбон. Там был конец, утром мы перешли границу Западной Германии. Там были русские, была нейтральная полоса, русские говорили, dawaj, raz, dwa, tri, и мы перешли границу.

Нас принимали, все были там, политики, католический священник, протестантский пастор, Красный Крест и так далее. Тут мы неожиданно услышали ужасный вопль, как мы потом узнали, там забили до смерти одного антифашиста, который многих отравил в штрафные лагеря. Тех, кто это сделал, увела полиция. Мы были в Фридланде. Я разобрал мою флягу, отдал список из 21 имени в Красный Крест. Я прошел медкомиссию, мне выписали демобилизационное удостоверение, на него мне поставили штемпель «СС». Теперь я хотел попасть домой как можно быстрее. Я пошел на вокзал, сел в поезд, потом сделал пересадку, в любом случае 23 декабря я опять был дома.

Я был рад. Англичане, конечно, нас подчистили, в доме больше не было ковров, исчезла одежда, и так далее, и так далее. Но все получилось хорошо, я опять был дома. Я должен был прописаться, это было в городе, потом я пошел в социальное бюро, хотел получить пенсию или пособие за мое ранение в легкое. Там увидели мое демобилизационное удостоверение со штемпелем «СС» и сказали: а, «СС», идите отсюда, мы про вас знать не хотим. Мой дядя устроил меня работать слесарем по машинам, потом я там постепенно стал мастером.

31 декабря 1982 года я вышел на пенсию. Я активно занимался спортом. Я был чемпионом Германии по кеглям. К кеглям меня приучил мой отец, хотя я сначала сказал, что кегли — это не спорт. Отец взял меня с собой играть в кегли, а на следующий день я не мог спуститься по лестнице, у меня все болело, так что кегли — это серьезный спорт. Потом я занимался,

и до сих пор занимаюсь, разведением птиц. У меня трое детей, моя первая жена умерла, а вторая со мной развелась, потому что у меня был роман с моей военной невестой, после того, как у нее умер муж. Сейчас она болеет, после операции она уже два с половиной года живет в доме престарелых.

Виттман Фриц (Wittmann, Fritz)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Я родился в 1927 году во Франконии, в деревне Экерсмюлен, там я и вырос. Мои родители были крестьяне, а отец, кроме того, был шорник, делал сбрую, седла для лошадей. В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, я пошел в народную школу.

Мы, 1927 года рождения,
когда мы в шесть лет научились читать,
мы привели Гитлера во власть,
когда нам было 12 лет, мы начали войну,
в 17 лет мы принесли присягу,
в 18 лет мы проиграли войну,
чтобы потом всегда быть виноватыми.

(По-немецки практически рифмованные строчки. — Пер.)

Если бы не жалкое положение, в котором мы тогда были, если бы не миллионы безработных, у которых не было никакой поддержки, Гитлер не имел бы никаких шансов прийти к власти. А так везде приветствовали Гитлера, как человека, который спасет Германию. Мои родители не были большими сторонниками Гитлера, у нас висело не знамя со свастикой, а черно-красно-желтый флаг. Мой отец не был членом партии, но он не был против Гитлера. Я искренне верил в превосходство немцев над другими нациями. Вскоре мы уже пели «Германия, священное слово» и «Пусть наши знамена реют в лучах утренней зари, которая укажет нам путь к новым победам или превратит нас в пепел». Последние слова мы как-то не воспринимали всерьез…

Восемь лет я проучился в народной школе, а потом пошел учиться на учителя, солдатом стал в 1944 году, в июле 1944 года.

— *Вы были членом Гитлерюгенда?*

— Да, разумеется. Я был единственный, кто учился в школе

вождей, хотя я, в общем, не хотел быть фюрером, но тогда это считалось национальным долгом. Пропаганда была хорошо поставлена. Надо отметить, что Гитлерюгенд был неплохой организацией. В ней не воспитывали ненависть, мы культурно росли, проходили начальную военную подготовку, обучались обращению с оружием. Во время учебы в школе мы два раза по три недели ездили в специальный лагерь, в котором тренировались. Пели песни, путешествовали пешком, занимались спортом. Индоктринация гораздо сильнее происходила в школе. Большая часть учителей были членами партии, они ходили в школу в униформе. Помню, на стене висел плакат: «Ты — ничто, твой народ — все».

— *Когда, по вашему мнению, Германия начала готовиться к войне?*

— Когда готовят войну, говорят только о мире. Наш школьный учитель принес в школу большой плакат: «Мы так же привязаны к миру, как к чести и праву нашего народа». В Саарланде, который после Первой мировой войны был присоединен к Франции, в 1935 году было голосование, 99 процентов было за Германию. Подумайте, я не знаю, откуда эта цитата, из Черчилля или из кого-то еще, он сказал: «Если бы Англия была в таком же положении, как Германия, я бы выбрал такого человека, как Адольф Гитлер».

В Имперские партийные дни в Нюрнберге каждый год там выступали великие ораторы. Со всей страны приезжали люди. Там было сто тысяч солдат, маршировала молодежь, прилетал дирижабль. Все говорили о мире, Геббельс всегда говорил о мире, о мире, о мире. Я часто себя спрашиваю, что думали взрослые, рассудительные мужчины, когда видели, что армия так вооружается. Надо же было головой думать…

— *Что тогда думали об аншлюсе Австрии, присоединении Чехословакии?*

— Все, на 100 процентов были «за». Голосование в Австрии было действительно честным, голосами не манипулировали. Вы бы видели, как австрийцы приветствовали Гитлера! Лучшее, что было у нацистов, — это пропаганда, она была прекрасна. То же самое произошло в Судетах. Мы за два дня их заняли, и все — вопрос был решен. Войну против Франции мы победно закончили за шесть недель. Это на людей произвело впечатление. Гитлер тогда выступал, сказал, сколько мы потеряли солдат и офицеров во Франции, очень мало, эти данные тоже не были подделаны. Мы победили, это было как сегодня, когда побеждает футбольная команда.

— *Что говорили, когда началась война с Польшей в 1939*

году?

— Я не знаю, знаете ли вы это, но немцы спровоцировали поляков, переодев заключенных концентрационного лагеря в польскую униформу и представив так, что поляки напали на Германию. Это была провокация, на самом деле это были переодетые заключенные концлагеря, которыми пожертвовали. Это так называемое нападение с польской стороны было использовано как повод для войны, я тогда был 12-летний ребенок, я помню, как он говорил (говорит с интонациями Гитлера): «в…5.45 мы открываем ответный огонь». И началось. Война продолжалась только 18 дней. Может, вам интересно, позже покушавшийся на Гитлера Штауфенберг тогда сказал: «Победа так прекрасна». Солдаты есть солдаты.

— *После кампании во Франции было чувство, что будет война с СССР?*

— Нет, об этом не говорили. СССР после пакта Молотова-Риббентропа не рассматривали как противника Я не могу много сказать, я был ребенок, но мне кажется, о войне с СССР никто не думал. СССР стал врагом за одну ночь, когда началась война.

— *Когда началась война, уровень жизни в тылу упал?*

— Да, ввели карточки, но все было прекрасно подготовлено, продукты были. В целом на протяжении всей войны проблем со снабжением не было. Продуктов, конечно, не хватало, но в целом было нормально. В городах было сложнее — не все продукты были, не хватало одежды и обуви. Был дефицит мыла и стирального порошка.

— *А как пропаганда объясняла недостатки?*

— Говорили, что все уходит солдатам.

— *Что говорили, когда началась война с СССР?*

— Для большинства это была неожиданность. Но некоторые что-то предполагали, потому что Гитлер говорил, что наше будущее лежит на востоке: «Мы народ без пространства. А там, на востоке, пространства достаточно. Мы это пространство заберем себе». Что-то в этом роде.

— *Как вы восприняли поражение под Москвой?*

— Все хорошо, мы идем вперед, фюрер на самом переднем крае, фюрер встретил офицера, который сидел в бункере в одной шинели и мерз, и фюрер отдал ему свою шинель. Такие рассказывали истории. Но некоторые люди уже говорили по-другому… О том, что война пошла не так, не говорили… У нас дома на двери висела карта. Отец мне показал: «Вот это мы, а это Россия». Разница в размерах впечатляла. А полгода спустя еще добавилась Америка… Я не был глупым и мог делать выводы. В семье моей жены Элизабет говорили, что война проиграна. Но

родители строго предупреждали, что она нигде не должна говорить, о чем говорят дома, это опасно для жизни.

У Гитлера была такая логика: «Мы победим, потому что мы должны победить».

— *Вы получали похоронки с фронта?*

— Да, они рассылались централизованно. У нас их получал партийный руководитель города и сам их разносил. Я вспоминаю, в 1941 году, когда каждый месяц у нас в деревне кто-то погибал, появлялся черный человек, и мы на расстоянии смотрели, куда он идет. Он исчезал в домах, и потом оттуда раздавались женский крик и плач. Потом было поражение под Москвой, и женщины вязали носки, потому что 80 процентов солдат имели обморожения.

— *Что тогда говорили про Россию?*

— Про Россию говорили плохо. Говорили, что русские примитивные, у них плохое оружие. Говорили, что мы быстро промаршируем до Ленинграда и Москвы. Мы были очень оптимистичны. Все изменилось после Сталинграда. Из нашей маленькой деревни там погибло три человека. Потом американцы или англичане начали сбрасывать листовки с фотографиями. В них мы впервые прочли, что в Сталинграде мы потеряли 300 тысяч солдат.

— *Гитлер объявлял траур по погибшим в Сталинграде?*

— Я не могу вспомнить, до какого времени, но все мероприятия были запрещены.

— *В вашей деревне были ост-арбайтеры?*

— Да, были французские военнопленные и ост-арбайтеры. С ними не было никаких проблем. Они работали у крестьян, они вместе ели за одним столом, мы нормально общались. Когда одна украинка погибла при несчастном случае на работе, ее похоронили на деревенском кладбище. Многие деревенские шли за гробом на похоронах.

— *В 1943 году насколько изменилось качество жизни, стало хуже?*

— Да, одежда была плохой, не было бензина. Многие грузовики были переоборудованы на газ из дерева, bereza… Эти воспоминания — это пример того, до чего можно довести народ фанатизмом, давлением и страхом.

— *Государство проводило реквизиции, забирало лошадей?*

— Разумеется, да, немедленно. Забирали самых красивых лошадей, мы плакали. В деревне был один легковой автомобиль и один грузовик, я на нем возил молоко. Их тоже забрали.

— *В 1944 году вы окончили школу и пошли добровольцем в армию. Как это происходило?*

— На собрании в школе нам показали пропагандистский фильм. Там же сидели девушки, у которых можно было записаться в армию, но я колебался, заполнил заявление и не отдал его. Вскоре было совместное собрание Гитлерюгенда и Ваффен СС, на котором солдаты рассказывали про армию, как они служат. Нам говорили, что последний шанс выиграть войну — это всем записаться. Вот после этого собрания, 15 июля 1944-го, я стал добровольцем в войсках Ваффен СС. Записывали в армию даже 16- и 15-летних. До 1942 года им нужно было иметь разрешение от родителей, а в 1944-м оно уже не требовалось. Прошли медкомиссию. У добровольцев была возможность выбирать род войск. Я написал «противотанковая оборона» и попал в расчет противотанкового орудия.

— *Сколько продолжалось и в чем заключалось обучение?*

— Пропаганды было относительно мало. Шло короткое, но интенсивное обучение. Ближний бой. Обслуживание 75-мм пушки. Во время обучения я два раза выстрелил из нее, но оба раза промазал. Русская пушка была 7,62 сантиметра, мы ее называли «ратш-бум». Отличное оружие, как и Т-34.

Обучение продолжалось четыре месяца. В последний день мы сидели вокруг нашего преподавателя, и он сказал, что, когда на нас смотрит, у него сердце кровью обливается, и пожелал нам, чтобы нас никогда не атаковали русские танки.

— *Что вы слышали об окончательном решении еврейского вопроса тогда?*

— Тогда никто ничего не слышал. О евреях в Ваффен СС ни разу не было сказано ни одного слова. Мы были солдаты, мы изучали ближний бой и нашу пушку. Про мировое еврейство и коммунистов пропаганда говорила, да, но то, что случилось с нашими евреями, мы не знали.

— *Кто вы были в расчете пушки?*

— В расчете орудия было восемь человек. Первый и второй номера были заряжающими. Я был первым номером. В расчете был еще один парень 27-го года и двое стариков, последнего призывного возраста. Пушка была хорошая.

— *В какой дивизии вы были?*

— Дивизий больше не было, это была боевая группа. СС и вермахт были вместе.

— *Какая у вас была униформа?*

— У меня было две. У нас была зимняя униформа, но мы почему-то должны были ее сдать. Тогда мы себе нашли униформу вермахта.

— *У вас была татуировка?*

— Да, была, но я не знал, что у солдат вермахта нет

татуировки! Так можно было точно установить, кто СС, а кто вермахт. В 1948 году в лагере в Карпинске всех солдат СС отсортировали и отправили на строительство канала под Москву. В новом лагере к нам относились не хуже и не лучше, чем в других. Разумеется, иное отношение было к военным преступникам. В Свердловске, в театре, шел процесс над членами эсэсовской кавалерийской дивизии. Они все были виновны — жгли дома и воровали коров. Они все получили по 25 лет, но большинство из них вернулись домой в 1956-м. Я вспоминаю, меня допрашивали в 1949 году. Офицер из военной юстиции спросил: «Вы были в СС?» Я сказал: «Ваффен СС». — «Нет, СС». Были различные дивизии, но большинство боевых дивизий были элитой, которая с отвращением дистанцировала себя от других частей. С расстрелами мы ничего общего не имели, мы были солдаты, а не убийцы. Один высший английский офицер говорил про дивизию СС «Гитлерюгенд», что таких отличных солдат больше никогда не будет — это высшее признание противника. И еще он говорил, что не все солдаты СС совершили преступления, гораздо больше преступлений совершили немецкие вооруженные силы, вермахт. После войны немцы свалили всю вину на СС, а вермахт вроде как ни при чем, но это не так.

— *Из вашей 7,5-сантиметровой пушки вы на фронте стреляли?*

— Один раз, когда появились русские, мы стреляли шрапнелью.

— *У вас было личное оружие?*

— Сначала был карабин 98к, а потом МП-38, очень хороший пистолет-пулемет.

— *Когда вы попали на фронт?*

— В феврале 1945 года мы попали в Кюстрин-Нойштадт, что на Одере. К тому времени русским уже удалось переправиться через Одер и построить один мост. Старый город Кюстрин находился на восточном берегу реки, когда город объявили крепостью и приказали держаться до последнего патрона, солдаты говорили, что крышка гроба захлопнулась. Буквально через несколько дней Кюстрин был окружен. Унтер-офицеры решили пробиваться к своим. Из 1200 человек, что пошли на прорыв, прорвались около 300. Когда выходили из окружения, стальной шлем и противогаз мы с собой не взяли — они гремели. Мы, три сотни человек, ночью прокрались в одном метре от русского солдата, который храпел у «сталинского органа».

Около десяти дней мы, группой из двенадцати человек, бродили в этом районе, уже занятом русскими. Фронт ушел километров на тридцать на запад, стрельбы мы уже не слышали.

Это было плохое время — у нас не было шинелей, а ночью было холодно. Вечером 20 марта, перед тем как попасть в плен, мы пришли на хутор. На земле лежали мертвые свиньи, лошадь, а в корытах для свиней мы нашли картошку. К тому времени мы уже несколько дней ничего не ели. Мы отварили картошку и наконец-то поели. Решили заночевать в сарае, поскольку посчитали, что в доме будет опасно. Когда мы проснулись, повсюду были русские. Обер-фельдфебель приказал не стрелять. Мол, война проиграна, у него дома двое детей, воевать начал с Польши и хочет вернуться домой. Пригрозил, что, если кто-нибудь начнет стрелять, он его сам застрелит. Среди нас был один немец из польского Данцига, он мог немного говорить по-русски. Он закричал, что мы хотим сдаться. Я думал, это мой последний день. Пропаганда нам хорошо расписала, что ждет нас в плену. Когда мы ехали на фронт, один 16-летний новобранец спросил у фельдфебеля, что мы делаем с пленными. Фельдфебель ответил, что мы пленных не берем. Тут мы задумались: а что, если и они пленных не берут?

Хорошо, что мы попали в плен не в горячке боя, а далеко от линии фронта. Русские были миролюбивы. Солдаты привели нас в штаб. Мы смотрели и не понимали, куда мы попали, — это было совсем не то, что говорила пропаганда. Солдаты были чистые, в красивой форме, они отдавали друг другу честь. Порядок был почище пруссацкого! Вскоре приехали почти два десятка офицеров. Нас вызвали на допрос. Я и мой товарищ и ровесник Удо вошли вместе. Допрос шел через переводчика-еврея. Я отвечал на все вопросы, рассказал, что у нас были большие потери от бомбардировок. Это была правда. Мы приняли летящие с запада русские самолеты за свои и даже махали им рукой, пока не посыпались бомбы. Это мне пришлось пересказывать дважды, поскольку они смеялись. Я был этому рад, потому что враги, которые смеются, не убивают. Что-то в рассказе моего товарища не понравилось переводчику, и он его ударил по лицу. Но тут же вмешался старший из офицеров и что-то сказал, думаю, запретил бить. Другой офицер дал моему товарищу индивидуальный пакет, чтобы он мог остановить кровь. Было очень неожиданно, что русские обращаются с нами по-человечески. Хотя вот этот переводчик после допроса отвел нас в сторону и стал угрожать, что расстреляет, но, слава богу, остальные офицеры были настроены миролюбиво. Мы примерно полчаса ехали на грузовике. Нас высадили, и я в первый раз в жизни увидел русский танк, вероятно «stalinetch», с 10,5-сантиметровой пушкой. Русские солдаты обедали. Они ели макароны из огромных мисок. Видимо, мы смотрели такими голодными глазами, что они предложили нам поесть то, что

осталось. Я не мог в это поверить! Некоторые из них еще отдали нам свои ложки! Начиная с этого момента меня ни разу не били, ни разу не ругали, я ни разу не ночевал под открытым небом, я всегда имел крышу над головой. В первый вечер нас разместили в пустом складе. Мы сидели за столом, когда пришел русский солдат и принес на руке кольца колбасы, немного хлеба и говядину. Но у меня не было аппетита, и я почти ничего не ел, поскольку считал, что утром-то нас уж точно расстреляют. Пропаганда мне это внушила! Если я еще сколько-нибудь проживу, я опишу это время, потому что я снова и снова слышу про то, как ужасно было у русских, какие русские свиньи и какие отличные парни были американцы. В плену было тяжело. Были разные лагеря. Были и такие, в которых умерло 30 процентов пленных… В день окончания войны я был в лагере на польской границе, в Ландсберге. Это был образцовый лагерь: очень хорошие помещения, туалеты, ванные, красный уголок. Только кабаре не хватало! В лагере собрали транспорт на восток. 8 мая нас должны были погрузить в поезд, но мы остались в лагере до 10 мая, потому что комендант лагеря никого не выпустил. Ведь 9 мая русские праздновали День победы и могли на радостях в пьяном виде нас всех перестрелять! Здесь недалеко есть дом престарелых, там живет один человек, который был в американском плену на Рейне, он с мая по октябрь просидел под открытым небом. У одного их товарища было воспаление легких, так ему просто дали доску, на которой он мог спать под открытым небом. Когда кончилась война, пьяные американцы стреляли в них из автоматов, убив десятки людей. Один товарищ, который был в русском плену, мне рассказывал, что ему хотели отрезать ногу, поскольку у него было воспаление. Врач ему сказала: «Альфред, когда придет комиссия, я запру тебя в кладовой. Мы восстановим ногу народными средствами». И у него до сих пор есть нога! Врач обращалась к нему по имени! Можете себе представить, чтобы немецкий врач обращался к русскому пленному по имени? В 1941 году примерно один миллион русских военнопленных умер в немецком плену от голода и жажды… Я всегда говорю, что с нами обращались не так, как мы с пленными русскими. Конечно, нам говорили «faschist» и «Gitler kaput», но это не считается. Русская администрация, это абсолютно очевидно, прикладывала усилия, чтобы сохранить жизни пленных.

— *Как вы восприняли капитуляцию, как освобождение или поражение?*

— Это было следствие. Война была проиграна, надо было сдаваться.

— *Перед тем как вы попали в плен, почему вы не пытались переодеться в гражданскую одежду?*

— Это было невозможно, обстановка не позволяла.

— *Где вы были в плену?*

— Сначала в Ижевске в лагере 371, потом на Урале, потом возле Свердловска, потом в лагере под Москвой и последние полгода работал в шахте в Боровичах. Надо сказать, что сначала меня переполняла ненависть на свою судьбу, судьбу родины, которая быстро перешла в уныние, но потом я вспомнил слова, сказанные мне когда-то сапожником-евреем: «Мы, евреи, живем надеждой, что за этим временем придет другое», — и в итоге я оказался в состоянии, сравнимом, пожалуй, только с русским смирением. Каждый день для меня стал днем жизни. Мы жили, шутили, праздновали дни рождения. На мое двадцатилетие мой товарищ Герберт Боденбург подарил мне табакерку из березы и записную книжку, сделанную из остатков бумаги от светокопий. Смертность в ижевском лагере была высокой. Мы работали на лесоповале, питание было скудным, а медикаментов кроме аспирина в лазарете никаких не было. Только после приезда комиссии из Москвы наше положение улучшилось. Потом я работал на цементном заводе, но заболел, и это было мое спасение, поскольку двое моих товарищей, работавших там же, вскоре получили воспаление легких и умерли. Осенью 1945 года нам раздали открытки Красного Креста, и я в разрешенных двадцати пяти словах сообщил родным, что жив.

— *Какие у вас были отношения с русской и немецкой администрациями в лагере?*

— Был комендант лагеря, был конвой, который охранял нас на работе, была лагерная охрана. Были лагеря, в которых немецкая администрация плохо обращалась со своими товарищами. Но мне повезло, у меня такого не было. В Ижевске русская администрация была нормальная и немецкая тоже. Там был русский старший лейтенант, когда его приветствовал пленный, он ему тоже отдавал честь. Можете себе представить, чтобы немецкий обер-лейтенант отдавал честь русскому пленному? Я немного говорил по-русски и был одним из самых разумных — все время пытался найти общий язык с мастером. Это сильно упрощало жизнь. Осенью 1946 года большую партию пленных перевезли в лагерь на Урале, в Каринске. Это был самый лучший лагерь. Он был заселен только в октябре, до того он стоял пустой и там были запасы продуктов: капуста и картошка. Там был дом культуры, театр, туда ходили русские солдаты с женами. Врач утром становилась у ворот и внимательно следила, чтобы пленные были одеты в зимнюю одежду. Там я впервые видел

снежную бурю, из-за нее нас гораздо раньше отпустили с работы.

— *Есть мнение, что еда у русского конвоя была примерно такой же, как у военнопленных?*

— Этого я не знаю. Возможно, вы знаете лучше меня, что в 1946 и в 1947 годах в России были очень плохие урожаи. В 1946 году русские женщины, которые не работали, хлеб вообще не получали. Нам две недели давали половинную порцию хлеба и мороженую картошку без соли. Соли в лагере не было. Поверьте, мороженую картошку без соли есть практически невозможно. Я воровал с фабрики побочную продукцию, в основном напильники и носил их на продажу. Так и выживали.

В июне 1948 года пришли поезда. Прошел слух, что они идут на запад, домой. Я сказал себе: «Не будь дураком, не надейся, посмотри на себя, ты абсолютно здоров и ты самый молодой, тебя не отправят». Вагоны стояли с открытыми дверьми, и все говорили: «Домой, домой!» Нас погрузили в поезд, на котором было написано «Москва», и повезли в Москву. Мы там пробыли две недели. Наш водитель возил нас по городу, так я узнал Москву. Потом мы приехали в лагерь, пленные которого работали на строительстве канала Москва — Волга. Пять или шесть лет назад я там был вместе с женой. Мы пошли на корабле из Санкт-Петербурга в Москву, и корабль проходил как раз мимо того места, где я работал, когда был военнопленным. В 1948 году мимо нас так же проходили корабли, там играла музыка, люди танцевали. Мы смотрели на них и думали, что это другой мир. Тогда я сказал, что когда-нибудь я тоже там буду, на этих кораблях с музыкой, и это у меня получилось. Кроме того, природа там очень красивая. В этом лагере комендантом был очень гуманный лейтенант. Женщины — русские уголовные заключенные — работали на пристани, разгружали картошку. Ее мы брать не могли, с этим было строго — воровство народной собственности могло кончиться плохо. Но иногда мы забрасывали два-три клубня картошки в кузов грузовика. Мы приезжали в лагерь, и немецкий повар спрашивал охрану, можно ли забрать картошку. Охранник говорил: «пи, day ljudi, day ljudi». В воскресенье отпускали в лес за грибами. В лагере на канале Москва — Волга я был с июня по ноябрь 1948 года. Помню, охранник спрашивал бригадира: «Бригада споет? Если они будут петь, сделаем конец рабочего дня на 15 минут раньше». И когда мы подходили к лагерю, бригадир сказал, что сейчас мы должны петь «Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen…» [«Знамена вверх, сомкнуть ряды…» Хорст Вессель, нацистский гимн]. Охрана смеялась.

В ноябре 1948 года меня перевели в лагерь в Боровичи. Там я

работал на угольной шахте. Работа была трудная, но мастер следил за безопасностью, так что все было в порядке. В целом я в плену свое отработал, русские тоже сдержали слово, отпустили нас домой.

— *Когда вас отпустили домой?*

— В конце ноября 1949 года. В мой день рождения, мне исполнилось 23 года, пришел поезд. Буме! Мы уже сидим в поезде домой, но поезд не трогался. Знаете почему? Пришел русский офицер, контролировать, все ли в порядке, продукты, отопление, и заметил, что на нас только тонкие рабочие брюки, хотя был уже ноябрь, а с первого октября мы должны были получить ватные штаны. И вот мы ждали, пока со склада грузовик не привезет 600 пар ватных брюк. Надо сказать, что это было очень тревожное ожидание. Последние два дня проверяли списки отправляемых и некоторых вычеркивали. Когда мы уже сидели в поезде, одного моего товарища вызвали из поезда. Он только сказал: «О, боже!» — решив, что его вычеркнули. Он пошел в комендатуру и через 10 минут вернулся ликующий, поднял руку, показал золотое обручальное кольцо и сказал, что администрация ему вернула кольцо, которое он сдал как ценную вещь. В Германии никто этому не верит, это не подходит под стереотип русского плена.

— *Вы получали деньги за работу в лагере?*

— Когда я работал в угольной шахте, получал. С мая 1949 года мне, как zaboitschik, платили 200 рублей. Те, кто толкал вагонетки, ничего не получали, потому что мы не выполняли норму. Мы не могли ее выполнить — она была слишком большая. В итоге все деньги, что мы получали, уходили в социальную кассу, нам ничего не оставалось. Один мой товарищ, который сейчас живет в Канаде, работал в Москве на обивочной фабрике. Там немецкие офицеры получали 490 рублей в месяц. В лагере был киоск, в котором можно было купить вообще все. К ним в лагерь пришел русский генерал, посмотрел на этот киоск и сказал, что это могут купить только русские генералы и немецкие военнопленные. Плохо было в маленьких лагерях, которые были экономически необеспечены, — добыча торфа, стройка, каменоломни.

— *Какие были отношения с антифашистами?*

— У меня только в одном лагере были антифашисты, отношения с ними у меня были нормальными. В целом отношение к антифашистам было не очень хорошим.

— *В лагере сохранялась военная иерархия?*

— Нет. В одном лагере была группа офицеров, но они работали вместе со всеми. Не работали только полковники и генералы. Им было плохо, потому что работа — это терапия.

Когда человек целый день сидит в лагере, ничего не делает, только думает, это плохо. Я таких видел, они выглядели жалко. Были офицеры, которые добровольно шли работать.

Через неделю пути по России и Польше ближе к вечеру мы пересекали мост через Одер. Один из нас запел: «Возблагодарите Господа!» И многие подхватили. Я и не знал, что так много людей знают наизусть этот хорал. Никогда я его не пел с таким волнением, как в тот момент.

Бурхард Эрих (Burkhard, Erich)

Синхронный перевод — Анастасия Пупынина

Перевод записи — Валентин Селезнев

— Меня зовут Эрих Бурхард, я родился в 1919 году в Силезии в маленькой деревне Растхоф. В 14 лет я окончил школу и пошел учиться на слесаря по машинам. В 19 лет я попал в Трудовое агентство, которое занималось начальной военной подготовкой. Оружия нам не выдавали, мы работали как гражданские специалисты. Нам платили 25 пфеннигов в день. Каждые десять дней мы получали 2,5 марки. Через полгода, в декабре 1939-го, я попал в вермахт, в резервную роту, находившуюся в Ганновере. За два месяца я прошел обучение на водителя и в феврале 1940 года сдал на права — это мне очень помогало во время всей моей службы. После учебы я попал в роту снабжения 71-й пехотной дивизии. А 10 мая началась война с Францией. Наша рота в основном отвечала за доставку боеприпасов на передовую. Потери у нас были небольшие, всего пять или шесть человек были убиты во время налетов авиации. Мы же не пехота! Для нашей роты французская кампания была несложной, особенно по сравнению с войной в России. После французской кампании мы вернулись в Германию, в Кенигсбрюк Дрездена. Там мы находились с октября 1940 года по март 1941-го. Отдыхали и пополнялись. В конце марта 1941 года мы двинулись на восток, что нам предстоит, никто не знал. 22 июня 1941 года рано утром мы вступили в Россию. Мы наступали в направлении Лемберга (Львова) и Киева.

— *Вам объяснили, зачем вас перевели на восток?*

— Нет, никто ничего не объяснял. Мы были в армии и делали то, что делали все. Я бы никогда не пошел в армию добровольцем, я по характеру не солдат. На протяжении всей войны я ни разу никуда не вызвался добровольно — это была моя принципиальная позиция. Если у меня приказ, то я его выполняю, а нет — значит, нет. Добровольно я ничего не делал. У нас в армии была поговорка: «Солдат не должен думать, он должен выполнять приказы». Обращение Гитлера нам не зачитывали. Мы перешли границу, началась стрельба, и нас атаковали русские

танки.

Я воевал в роте снабжения — подвозил боеприпасы. Потерь у нас в роте не было ни от бомбежек, ни от партизан, хотя налеты русской авиации были постоянно. Осенью нас сняли с фронта и отправили на пополнение, поскольку под Киевом у пехоты были большие потери. Так что зиму 1941 года я провел во Франции.

— *Как вас встречало местное население?*

— На Украине гражданское население встречало нас цветами. Однажды в воскресенье перед обедом мы приехали на площадь перед церковью в маленьком городе. Туда пришли женщины в нарядной одежде, принесли цветы и клубнику. Я так считаю, что, если бы Гитлер, этот идиот, дал украинцам еду и оружие, мы могли бы идти домой. Украинцы сами воевали бы против русских. Позднее стало по-другому, но на Украине в 1941-м было так, как я сказал. Про то, что делали с евреями, что творили полицейские службы, СС, гестапо, пехота не знала.

— *Что вас поразило на Украине?*

— Украина красивая, деревни нам нравились, дома, покрытые соломой, загоны, в которых были гуси, коровы. Лошади свободно паслись. Было красиво, если бы не война.

— *Вы помните первого русского солдата, которого вы встретили?*

— Это были пленные, которые сложили оружие и которых вели в тыл. Это я помню. Отношение к ним было нейтральное. Мы их поодиночке не видели и никаких персональных отношений с этими людьми не имели. Пленные и пленные.

— *Когда вас в октябре 1941 года отправили во Францию, вы это восприняли как облегчение?*

— Да, хотя там снова была муштра, но там не стреляли. Роты снова пополнили до штатной численности военного времени. Я стал пулеметчиком МГ-42 в восьмой роте тяжелых пулеметов.

— *Как вы восприняли поражение немецкой армии под Москвой?*

— Мы узнали, что немецкие солдаты под Москвой должны были отступить. До того мы только наступали, и это было чем-то само собой разумеющимся. Восприняли это как временную неудачу. Считалось, что отступили потому, что не были готовы к зиме, а с наступлением весны мы опять пойдем вперед.

11 апреля 1942 года нас снова отправили в Россию. Десять дней мы ехали на поезде до Харькова. 28 апреля к юго-востоку от Харькова нас ввели в бой. Провоевал я недолго. Среди солдат стали искать людей с автомобильными правами. Я попал водителем машины в штаб батальона. Прежний водитель этой

машины погиб, машина осталась целой. Наша дивизия была пехотной, а это значит, что все было на конной тяге. В батальоне имелось два мотоцикла для посыльных и два грузовых автомобиля — это были единственные машины батальона. Летом 1942-го оба мотоцикла и один грузовик подорвались на минах. Так что я остался один. Я был прислугой на все случаи жизни — возил снаряды, раненых, ездил по разным поручениям.

Донские степи, Миллерово. Каждый день бои и большие потери. Как-то раз я вез боеприпасы в батальон и прямо передо мной снаряд попал в грузовик, в котором было пятнадцать человек с пулеметом. Они все вылетели из машины. Этой картины я никогда не забуду. У двух товарищей верхние части тела свисали на кишках из грузовика головой вниз, а нижние части тела были в кузове грузовика. Потом, когда их хоронили, мы не могли определить, какая нижняя часть принадлежит какой верхней части…

24 августа мы переправились через Дон у Калача по временному мосту. От Калача до Сталинграда примерно 60 километров калмыцкой степи. Каждый день мы продвигались вперед, и чем ближе мы продвигались к Сталинграду, тем сильнее было сопротивление. Мы продвигались вперед все медленнее. В начале сентября мы достигли окраин Сталинграда. Вошли в город и через Красную площадь дошли до Волги. Потом нашу часть отвели назад. Фронт проходил вдоль Волги, а потом уходил в степи. Это называлось Ригель-позиция. Наша 71-я дивизия стояла на Волге, южнее Сталинграда, в районе Бекетовки на так называемой Зюд-Ригель-позиции. Наступила зима. Нам очень повезло, что мы лежали в руинах. Тем, у кого были позиции в степи, было намного хуже. Знаете, как может быть холодно в степи зимой, на 30-градусном морозе?! Земля промерзла и стала каменной, нельзя было ни окопаться, ни построить бункер. Они все замерзали, и многие замерзли насмерть.

До 19 ноября 1942 года, до русского наступления, я был водителем грузовика. После того как нас окружили, бензина не стало и машины бросили. Я стал посыльным командира батальона. Я всегда ходил один и полагался только на себя. Я доставлял сообщения в роты и в штаб полка. Ходил в основном ночью. Днем ходить было опасно из-за русских снайперов.

— *Вам успели доставить зимнюю одежду?*

— Ха-ха. Мне повезло, я получил ботинки на меху, но вся остальная одежда у меня была летняя. Зимней одежды у нас не было. Вся армия, за исключением высших чинов, я не знаю, что у них было, вся армия не имела зимней одежды.

— *Когда вы шли вперед летом 1942 года, вы думали, что вы*

сейчас победите?

— Да, да. Все были убеждены, что мы выиграем войну, это было очевидно, по-другому не могло быть!

— *Когда это победное настроение начало меняться, когда стало ясно, что так не будет?*

— У нас, в Сталинграде, это было перед Рождеством 1942 года. 19–20 ноября мы были окружены, котел закрылся. Первые два дня мы над этим смеялись: «Русские нас окружили, ха-ха!» Но нам очень быстро стало ясно, что это очень серьезно.

— *Как вы узнали о том, что вы окружены?*

— Солдатский телеграф сообщил. Очень быстро стало известно, что мы окружены. Но, как я говорю, через пару дней нам пришлось понять, что это очень серьезно. Уже после войны я читал книги про сражение под Сталинградом. Русские нас превосходили по численности. Я подсчитал, в Сталинграде было окружено примерно 275 тысяч человек (я это знаю из ведомостей снабжения). Из них около 100 тысяч человек попали в плен. 25 тысяч человек вывезли из котла, раненых, специалистов и так далее. И 150 тысяч человек погибли в котле. 71 день мы были окружены. Каждые две минуты там, как это тогда называлось, «за фюрера, народ и родину» погибало три человека!

До Рождества мы все время надеялись, что южная армия, генерал Гот нас вытащат из котла, но потом мы узнали, что они сами вынуждены были отступить. 8 января русский самолет сбросил листовки с призывом к генералам, офицерам и солдатам 6-й армии сдаваться, поскольку положение безнадежно. Там было написано, что в плену мы получим хорошее обращение, размещение и питание. Мы этому не поверили. Там же было написано, что если это предложение не будет принято, то 10 января начнется битва на уничтожение. Надо сказать, что в начале января бои затихли и нас только иногда обстреливали из пушек. И что сделал Паулюс? Он ответил, что он остается верным приказу фюрера и будет сражаться до последнего патрона. Мы замерзали и умирали от ран, лазареты были переполнены, перевязочных материалов не было. Когда кто-то погибал, никто, как это ни печально, даже не поворачивался в его сторону, чтобы ему как-то помочь. Это были последние, самые печальные дни. Никто не обращал внимания ни на раненых, ни на убитых. Я видел, как ехали два наших грузовика, товарищи прицепились к ним и ехали за грузовиками на коленях. Один товарищ сорвался, и следующий грузовик его раздавил, потому что не смог затормозить на снегу. Это не было для нас тогда чем-то потрясающим — смерть стала обычным делом. То, что творилось в котле последние десять дней с последними, кто там остался,

невозможно описать. Мы брали зерно в элеваторе. В нашей дивизии хотя бы были лошади, которых мы пустили на мясо. Воды не было, мы топили снег. Никаких специй не было. Мы ели пресную вареную конину с песком, потому что снег был грязный от взрывов. Когда мясо было съедено, на дне котелка оставался слой песка. Это еще ничего, а моторизованные части не могли срезать ничего съедобного с танков. Они ужасно голодали, потому что у них было только то, что им официально распределяли, а этого было очень мало. На самолетах привозили хлеб, а когда аэродромы Питомник и Гумрак были ликвидированы, заняты русскими, тогда мы получали только то, что сбрасывали с самолетов. При этом две из трех этих бомб приземлялись у русских, которые очень радовались нашему продовольствию.

— *В какой момент в Сталинградском котле упала дисциплина?*

— Она не падала, мы до конца были солдатами.

— *Как в условиях зимы показала себя ваша винтовка 98к?*

— У меня был приказ не стрелять — я, как посыльный, выполнял другие задачи. Я ни разу не выстрелил, ни разу!

— *У вас в батальоне были ХИВИ?*

— Да. В батальоне было пять кухонь, на которых работали русские. Кроме того, в каждой роте был бронеавтомобиль, на которых водителями тоже были пленные русские. Мы им доверяли.

— *Перебежчики с русской стороны были?*

— Да, в первый год было много. В Сталинграде их уже не было. В Сталинграде русские были господами, это понятно.

— *Вы встречали гражданское население в районе Сталинграда?*

— В поселке Минина жили гражданские. Отношения с ними были простые: они нам ничего не делали, мы им тоже ничего не делали. Никаких обменов или разговоров с ними не было. Потом, в плену, с гражданским населением нам было запрещено разговаривать, а от караульных мы слышали только «dawaj, dawaj». По-русски я помню только khleb, nowyi и plokho.

— *Русские солдаты получали зимой водку, вы получали?*

— Я этого не знаю. Я не получал.

— *Какое отношение у вас было к партии?*

— На войне? На войне партии не было. Эта тема была табу. Мы были солдаты (камерады. — *Пер.),* а не товарищи (геноссен. — *Пер.)*.

— *Вы получали деньги?*

— Да. Около десяти марок. Когда мы были на фронте, мы

получали еще надбавку, но сколько именно, не помню. Пару марок.

— *Как с наградами за войну?*

— У меня единственная награда, ЕК2, Железный крест второго класса.

— *Какое русское оружие запомнилось?*

— Были маленькие ночные русские бомбардировщики, как вы их называли? Мы их называли «дневальный унтер-офицер». Они были ужасные. Летали по ночам низко. Их знает каждый солдат, который был в России.

— *Они действительно вредили или это было больше психологическое давление?*

— И то, и то. Он не только нарушал покой, но и бросал бомбы. Обычно или одну большую, или 20–30 маленьких, которых мы называли «свекла». Разумеется, «сталинский орган». Мы их боялись. Еще «ратш-бум». У этих орудий звук выстрела и разрыв снаряда происходил в одно и то же время. Поэтому их так называли.

— *А немецкое оружие? Какое можете выделить?*

— «Штуки». Кроме того MG-42 — бензопила, очень серьезное оружие. У русских были пулеметы с водяным охлаждением. Стреляли так: пу-пу-пу-пу, а у нас МГ стрелял тр-тр-тр-тр — гораздо быстрее. Но он очень быстро расходовал боеприпасы. Такое количество боеприпасов невозможно было восполнить!

— *Чем русские чаще всего стреляли, минометами, артиллерией или стрелковым оружием?*

— У русских всего было очень много. Они могли не экономить боеприпасы, а мы должны были их экономить. У нас была четырехствольная 2-сантиметровая зенитная пушка. У них был приказ стрелять только по наземным целям, а по самолетам огонь не открывать — мало боеприпасов. Унтер-офицер, который командовал этой пушкой, как-то сбил русский самолет. Его за это отправили в пехоту, потому что он не выполнил приказ! Я считаю, что если у тебя недостаточно боеприпасов, то надо прекращать вести войну.

— *Как вы отмечали Рождество 1942 года?*

— Рождество, ха-ха. Праздника точно не было. С момента закрытия котла мы никаких посылок не получали. Я посылал письма, но ответов не получал. По телевизору иногда рассказывают истории о том, что кто-то получил письмо в начале января. Скорее всего ему с кем-то передали, кто прилетал в котел. Официальная почта не работала.

— *Кого вывозили из котла?*

— В первую очередь раненых, потом экспертов, специалистов. Что такое «эксперт»? Я знаю одного обер-лейтенанта, которого из котла вывезли на самолете, почему — я не знаю. Потом он служил в бундесвере и стал генералом. Сколько их вывезли и как определяли, эксперт это или нет, — я не знаю.

— *Как вы это воспринимали, что из котла кого-то вывозят?*

— Тогда, в котле, мы этого не знали, считали, что вывозят только раненых.

21 января нас сняли с нашей позиции и отправили в центр города. Нас было 30 человек, командовал нами старший фельдфебель. Я не знаю, как я спал последние дни, я не помню, спал ли я вообще. С момента, когда нас перевели с нашей позиции в центр города, я больше ничего не знаю. Там нечего было жрать, кухни не было, спать было негде, море вшей, я не знаю, как я там был… Южнее Красной площади там были такие длинные рвы, мы в них разводили костер и стояли и грелись возле него, но это была капля на раскаленных камнях — нам совсем не помогало спастись от холода. Последнюю ночь с 30 на 31 января я провел на Красной площади в руинах города. Я стоял в карауле, когда посветлело, часов в шесть-семь утра, зашел один товарищ и сказал: «Бросайте оружие и выходите, мы сдаемся русским». Мы вышли наружу, там стояло трое или четверо русских, мы бросили наши карабины и отстегнули сумки с патронами. Мы не пытались сопротивляться. Так мы оказались в плену. Русские на Красной площади собрали 400 или 500 пленных.

Первое, что спросили русские солдаты, было «Uri est'? Uri est'?». (Uhr — часы.) У меня были карманные часы, и русский солдат дал мне за них буханку немецкого солдатского черного хлеба. Целую буханку, которую я не видел уже несколько недель! А я ему, с моим юношеским легкомыслием, сказал, что часы стоят дороже. Тогда он запрыгнул в немецкий грузовик, выпрыгнул и дал мне еще кусок сала. Потом нас построили, ко мне подошел монгольский солдат и отнял у меня хлеб и сало. Нас предупредили, что тот, кто выйдет из строя, будет немедленно застрелен. И тут, в десяти метрах от меня, я увидел того русского солдата, который дал мне хлеб и сало. Я вышел из строя и бросился к нему. Конвой закричал «nazad, nazad», и мне пришлось вернуться в строй. Этот русский подошел ко мне, и я ему объяснил, что этот монгольский вор забрал у меня хлеб и сало. Он пошел к этому монголу, забрал у него хлеб и сало, дал ему затрещину и принес продукты мне обратно. Это ли не встреча с Человеком?! На марше в Бекетовку мы разделили этот хлеб и

сало с товарищами.

— *Как вы восприняли плен, как поражение или как облегчение, как конец войны?*

— Смотрите, я ни разу не видел, чтобы кто-то сдался в плен добровольно, перебежал. Каждый боялся плена больше, чем погибнуть в котле. На Дону нам пришлось оставить обер-лейтенанта командира 13-й роты, раненного в бедро. Он не мог двигаться и достался русским. Через пару часов мы контратаковали и отбили его труп у русских. Он принял лютую смерть. То, что с ним сделали русские, ужаснуло. Я его знал лично, поэтому на меня это произвело особенно сильное впечатление. Плен нас ужасал. И, как потом выяснилось, справедливо. Первые полгода плена были адом, который был хуже, чем в котле. Тогда умерли очень многие из 100 тысяч сталинградских пленных. 31 января, в первый день плена, мы прошли из южного Сталинграда в Бекетовку. Там собрали около 30 тысяч пленных. Там нас погрузили в товарные вагоны, по сто человек в вагон. На правой стороне вагона были нары, на 50 человек, в центре вагона была дыра вместо туалета, слева тоже были нары. Нас везли 23 дня, с 9 февраля до 2 апреля. Из вагона нас вышло шестеро. Остальные умерли. Некоторые вагоны вымерли полностью, в некоторых осталось по десять-двадцать человек. Что было причиной смерти? Мы не голодали — у нас не было воды. Все умерли от жажды. Это было запланированное уничтожение немецких военнопленных. Начальником нашего транспорта был еврей, чего от него было ждать? Это было самое ужасное, что я пережил в жизни. Каждые несколько дней мы останавливались. Двери вагона открывались, и те, кто был еще жив, должны были выбрасывать трупы наружу. Обычно было 10–15 мертвых. Когда я выбрасывал из вагона последнего мертвого, он уже разложился, у него оторвалась рука. Что помогло мне выжить? Спросите меня что-нибудь полегче. Я этого не знаю.

— *В России есть мнение, что сталинградские пленные умерли в основном потому, что они были истощены уже в котле, как вы считаете?*

— Да, это частично правда. Многие голодали, но моя часть не голодала. У нас была конина и хлеб с элеватора. Даже если вы полностью здоровы, посадите вас на три недели в вагон и не давайте воду — вы умрете. Еще говорят, и это неправда, что все сталинградские пленные были уже больны и поэтому их приговорили к смерти, поэтому многие умерли.

Конечный пункт нашего маршрута был на самом востоке Узбекистана. Туда прибыло много эшелонов с пленными. Надо сказать, что они были не такие плохие, как наш. Мы пришли в

лагерь, в котором бараки были выкопаны в земле и сверху покрыты соломой. В начале апреля нас в этом лагере было шесть тысяч человек. В середине мая этот лагерь расформировали, потому что в нем осталось в живых 1200 человек. Каждый день там умирало примерно 100 человек. В лагере была похоронная команда, десять человек, они вытаскивали мертвых из землянок и складывали трупы снаружи лагеря, в степи, в штабеля. Мы их спросили: «Вы похоронили товарищей?» — «Нет, их слишком много, их трупы сожрали животные». Я там познакомился с одним немцем. Перед смертью он мне сказал, что я выгляжу лучше, чем он, и попросил, если выживу, сообщить его жене, на которой он женился всего за год до этого, о его судьбе. В 1945 году, когда я вернулся домой, я съездил к его семье и рассказал о нем. Еще через год его жена, молодая женщина, хотела снова выйти замуж. Ей потребовалось официально признать его умершим. Она попросила меня пойти с ней и его родителями в ЗАГС и засвидетельствовать, что он умер в 1943 году в русском плену. Знаете, что там началось? Мне сказали, что я не имею права говорить, что в Советском Союзе, нашем друге, умер немецкий военнопленный! Они еще хотели знать, где он похоронен. Я сказал, что он лежит где-то в степи, его труп съели дикие животные…

Оттуда, из Узбекистана, больных отправили в лазарет, а так называемых здоровых — в трудовой лагерь.

Мы были в Узбекистане на рисовых и хлопковых полях, норма была не очень высокой, жить было можно. После этого с нами стали обращаться по-человечески, я бы так сказал. Там тоже некоторые умирали, но в целом с нами обращались по-человечески.

— *Как к вам относилась русская охрана?*

— Без любви. Ха-ха. Нас отводили на работу, справа и слева шли по два человека, всегда с собаками. Проблем при этом не было.

В ноябре 1943 года нас перевезли из Узбекистана на Урал в Орск. Туда мы ехали десять дней. Когда нас увозили из Узбекистана, там было 20 градусов тепла, а на Урале уже было 20 градусов мороза, метровый слой снега и ветер. Одежда у нас за восемь месяцев лучше не стала, и там мы опять начали умирать. В январе — феврале я четыре недели работал на фабрике, слесарем — мы ремонтировали бетономешалки и транспортеры для подачи корма. Главное, мы работали не на холоде. Когда потеплело, начиная с марта месяца, я работал на стройке слесарем, потом на бетономешалке, потом клал рельсы и так далее. На этой стройке в начале ноября 1944-го… Какой у русских праздник в начале

ноября? Годовщина революции? К этому празднику наша бригада была отмечена как лучшая и премирована. Мы думали, что нам дадут немного хлеба, а нам дали по 100 грамм водки. Это было ужасно! Мы ее выпили, и нас чуть не вырвало.

Как-то в Орске нас повезли в banja, в открытом грузовике на 30-градусном морозе. У меня были старые ботинки, а вместо носков намотаны носовые платки. У бани сидели три русские матушки, одна из них прошла мимо меня и что-то уронила. Это были немецкие солдатские носки, постиранные и заштопанные. Вы понимаете, что она для меня сделала? Это была вторая, после того солдата, что дал мне хлеб и сало, человеческая встреча.

Была и еще одна встреча с Человеком. В 1945 году я по здоровью был в третьей рабочей группе и работал на кухне хлеборезом. А тут пришел приказ, чтобы третья рабочая группа прошла медицинскую комиссию. Я прошел комиссию, и меня определили в транспорт. Никто не знал, что это за транспорт и куда он идет, думали, что в какой-то новый лагерь. Мой начальник кухни, немец, тоже сталинградец, сказал, что он меня никуда не отпустит, пошел во врачебную комиссию и начал настаивать, чтобы меня оставили. Русский врач, женщина, на него наорала, сказала ему: «Пошел вон отсюда» — и я уехал на этом транспорте. Потом оказалось, что это транспорт домой. Если бы я тогда не уехал, то на кухне я бы подкормился и остался бы в плену еще несколько лет. Это была моя третья человеческая встреча. Эти три человеческие встречи я никогда не забуду, даже если проживу еще сто лет.

— *В Орске кормили уже лучше?*

— Нет. Снабжение всегда было плохим. Sup, жидкий, как вода, и kascha, жидкая, как sup. После супа миски можно было не мыть, такой он был жидкий. Мы получали 500 грамм мокрого, непропеченного хлеба. Весной 1945 года я находился в лагере на 1700 человек. В этом лагере кто-то был слесарем, кто-то работал в каменоломне, а я работал на кирпичном заводе у печи и был черный, как трубочист. Однажды нам стали делать прививку от столбняка. В вермахте прививки делали спереди, а в России — под лопатку. У врача было два шприца на 20 кубиков, которые он наполнял по очереди, и одна игла, которой он колол всех нас, а было нас — 1700 человек. Я был одним из трех, у кого укол воспалился. Такие вещи невозможно забыть!

— *Какое было отношение к сталинградским пленным по сравнению с другими пленными?*

— В Узбекистане были только сталинградцы. Потом появились другие пленные, и начиная с 1944 года все уже были перемешаны. Мы не делились на сталинградцев и прочих

пленных, и русские тоже не делали различия. Конечно, те, кто пришел в 1944 году, не прошли через то дерьмо, которое пришлось пережить нам, понимаете? Я где-то читал, что из тех, кто попал в плен в 1942 и 1943 годах, выжило всего несколько процентов, а среди тех, кто попал в плен в 1944 и в 1945 годах, этот процент совсем другой — почти все выжили.

— Говорят, что почти все сталинградцы потом были в управлении лагерями?

— Наш немецкий начальник лагеря был сталинградцем. Но это не значит, что начальником не мог стать кто-то, попавший в плен позже. Наш начальник, его звали Фрид Фрайер, до того, как попал в плен, был обычным солдатом, ефрейтором, он немного болтал по-русски. Ни один русский не вел себя так ужасно, как он. Это был настоящий преступник. Его и сегодня ищут товарищи… Непонятно, вернулся ли он домой и что с ним стало. Надо сказать, что немецкие солдаты, которые стали руководителями лагерей, обращались с нами хуже, чем русские.

— Как долго вы были в плену?

— 23 августа 1945 года я был дома — первым, кто вернулся из России домой. Я весил 44 килограмма — у меня была дистрофия. Здесь, в Германии, мы стали преступниками. Во всех странах, в России, во Франции, солдаты — герои, и только мы, в Германии, — преступники. Когда мы были в России в 2006 году, русские ветераны нас обнимали. Они говорили: «Была война, мы воевали, а сегодня мы пьем вместе, и это хорошо!» А в Германии мы все еще преступники… В ГДР я не имел права написать свои воспоминания. Меня три раза на предприятии прорабатывали, просили подумать, что я рассказываю о плене. Говорили: «Вы не можете рассказывать такие вещи про Советский Союз, нашего друга».

— В плену вы получали какую-то информацию о положении на фронте?

— В Узбекистане нас хорошо информировали о том, как Красная Армия продвигается на запад. Нам говорили, что русские освободили такие-то и такие-то деревни. Мы считали, что это вранье, — столько деревень нет во всей Германии. Потом выяснилось, что все это было правда. В 1945 году в лагерь пришли новые пленные, которых взяли в плен возле Бреслау. Они все были уверены, что мы еще можем выиграть войну, потому что у Адольфа есть новое тайное оружие. Не получилось.

— Что вы знали об антифашистах и комитете «Свободная Германия»?

— Я этого не застал. Товарищи, которые оставались в плену, рассказывали, что позже появились Antifaschisty, которых

присоединяли к бригадам, чтобы они подслушивали и докладывали. Потом, в ГДР, они получали высокие посты.

— *Как вы восприняли известие о капитуляции Германии?*

— Нам об этом объявили в лагере.

— *У вас нет фотографий с войны?*

— Все мои фотографии сгорели. Я на войне фотографировал, посылал пленки домой, там их проявляли. Они были у меня дома. Наша деревня была на нейтральной территории между американцами, русскими и ордами эсэсовцев, немцев. 19 апреля 1945 года у въезда в деревню были убиты два американца. Всю деревню, 26 домов, американцы сожгли вместе с жителями зажигательными снарядами. Дом сгорел, фотографии тоже сгорели, с войны у меня не осталось ни одной фотографии.

— *Вы были суеверным и верили ли вы в Бога?*

— Я не суеверный, но что-то есть, чего люди не знают. Я считаю, что были случаи, когда меня спас мой ангел-хранитель. В один из последних дней в Сталинграде я стоял возле угла дома у вокзала. Нас интенсивно обстреливали из минометов. Я сделал шаг за угол, и точно в этот момент, именно в том месте, где я стоял, взорвалась мина. Кто мне сказал, что я должен сделать шаг назад? За день до плена я стоял за стеной, и Т-34 выстрелил прямо в стену. Вы спрашивали, какое было самое лучшее русское оружие? Т-34 был самым лучшим. Меня завалило кирпичами, мои товарищи сказали, что они даже не стали меня откапывать — все было ясно. Я не знаю, сколько я пролежал без сознания, но в конце концов я оттуда выбрался. Я не получил ни царапины. Ни царапины! В вагоне из 100 человек 94 умерло, выжило шесть, и я был среди них. И из этих шестерых четверо умерли в плену, домой вернулось двое. Второй умер в 2001 году, он был из Тюрингии.

— *Война — это самое важное событие в вашей жизни?*

— Да, такое не каждый день случается. Когда меня призвали, мне еще не было 20 лет. Когда я вернулся домой, мне было 27 лет, я был больной и истощенный человек, я не мог накачать колесо велосипеда, такой я был слабый. Где моя молодость, лучшие годы моей жизни, с 18 до 27 лет?! Не бывает справедливых войн, каждая война — это преступление, каждая!

Эрнст Вальфрид (Emst,Walfried)

Интервью, перевод, обработка и комментарии — Владимир Кузнецов

— Меня зовут Вальфрид Эрнст. Родился я 13 марта 1927 года в Берлине-Шпандау.

Родители познакомились по переписке. Отец, Бернгард Эрнст, родом из Гамельна — большинство родственников до сих пор проживает в треугольнике Га-мельн — Брауншвейг — Ганновер, в Первую мировую войну служил в Киле подводником. В те времена девушки писали незнакомым солдатам на фронт. Так завязался роман в письмах, и в результате отец в 1918 году приехал в свой первый отпуск не в Гамельн, а к матери. После войны родители отпраздновали помолвку и в 1925 году поженились. Потом и я появился на свет. Других детей у них не было.

Моя мать родом из Шпандау — в годы ее юности еще самостоятельный город, не имевший отношения к Берлину. Даже превратившись в административный район столицы, он остался, по выражению Эрнста Ройтера (первый послевоенный бургомистр Западного Берлина. — *В.К.),* автономной «республикой Шпандау». Мой дед с материнской стороны, сапожник по профессии, переселился сюда из Померании: в Шпандау, гарнизонном городе, сапожники требовались всегда. Здесь он встретил будущую жену, уроженку Силезии. Она трудилась на оборонных предприятиях швеей, шила патронные сумки.

Отец, по профессии торговый служащий, первоначально смог найти лишь место упаковщика на мебельном предприятии. Работа его не устраивала, и он, всю жизнь любивший животных, решил заняться разведением птицы. На дальней окраине Шпандау, в Хакенфельде (Hakenfelde), сразу за нашим участком простирались пшеничные поля, они с матерью заложили небольшую птицеводческую ферму. Позднее родители сдали экзамен на аттестат Мастера птицеводства (Gef-luegelzuchtmeister). Работы в хозяйстве было много, доход невелик. Дела пошли несколько лучше, когда отцу удалось заключить долговременный контракт с Институтом Роберта Коха на поставку больших партий яиц для научных целей.

Тем временем я поступил в 1933 году в первый класс

Народной школы (Volksschule), где мне предстояло пробыть до окончания 8-го класса в 1941 году. Денег на плату за обучение в школе высшей ступени (реальная школа, гимназия — переход осуществлялся после четвертого класса. — *В.К.)* у родителей не было: прибыли от хозяйства едва хватало на жизнь.

В 1937 году, десятилетним, я захотел вступить в Юнгфольк (Deutsches Jungvolk, «Немецкая молодежь» — первичная юношеская огранизация, что-то вроде пионеров, объединяла детей до 14 лет. — *В.К.)*. Мать была против. С 1916 года активистка рабочего движения и член социал-демократической партии, она, как открылось позже, не порывала с ней и после запрета. Я еще в детстве удивлялся появлению в доме к определенным датам незнакомых мне людей, никогда не уходивших с пустыми руками — кто получал курицу, кто — дюжину яиц. После войны я как-то спросил у матери, откуда у нее столько знакомых в новой администрации Берлина. «Ты их также всех знаешь, — ответила мать, — это те самые, что приходили к нам за курами». Оказывается, она все это время продолжала платить «натурой» взносы в партийную кассу.

Отец против моего членства в Юнгфольке возражений не имел: ну что худого в том, что парень будет со сверстниками? Сколько его помню, он всегда был большим либералом — живи и жить давай другим. Для меня же Юнгфольк был «Dufte»! (вышедший из употребления берлинский сленг, буквально «запахи, ароматы», в переносном смысле — нечто сверхпрекрасное. — *В.К.)*. Во-первых, ты сразу получал форму: зимой — куртку и брюки, летом коричневую рубашку и короткие штаны, галстук. Самой замечательной частью формы был ремень с надписью «Blut und Ehre» («Кровь и честь») на пряжке. Рядовой член Юнгфолька назывался «пимф» (Pimf). Им ты не становился автоматически — сначала необходимо было пройти испытания, некоторые из них, например, десятикилометровая пробежка с пятикилограммовой выкладкой — ранец, фляга, спальный и вещевой мешки, плащ-палатка — были нелегкими. Нам пришлось бежать от Шпандау до суда первой инстанции в Шарлоттенбурге (район Берлина, в свое время центр Западного Берлина. — *В.К.)* и обратно, иные из друзей совершенно выдохлись. Зато как мы гордились, выдержав эту так называемую «пробу пимфа» (Pimfprobe)! В награду нам выдали ножи с надписью «Blut und Ehre» (так называемый HJ-Fahrtenmesser — «походный нож Гитлерюгенда» — декоративное оружие, формой напоминавшее штык; заточив клинок, вполне можно использовать в качестве боевого ножа. — *В.К.),* они крепились на ремне. Мы также получили право носить погоны и значок Юнгфолька.

На два часа каждую среду, субботу и каждое второе воскресенье мы должны были появляться в назначенное место на «службу». Здесь с нами занимались спортом и военным делом: строевой под барабан, учениями на местности, уроками по картам в масштабах 1:25 000 и 1:100 000 и т. д. Все это было прекрасно организовано и для нас в том возрасте, когда хочется открывать новое, превращалось в увлекательную игру. В особенности походы в ночное время воспринимались как захватывающее приключение. В десятилетнем возрасте мы владели картой Генерального штаба не хуже любого профессионального военного, а также умели ходить по азимуту, маскироваться, передавать донесения и многое другое.

Разумеется, не обходилось и без идеологической обработки. Уже для сдачи пимф-пробы требовалось знать биографию фюрера, тексты «Песни немцев» («Deutschlandlied» — немецкий гимн, сегодня исполняется с другим текстом, чем тогда. — *В.К.),* «Песни Хорста Бесселя» («Horst-Wessel-Lied» — неофициальный партийный гимн национал-социалистов. — *В.К.)* и «Песни знамени Гитлерюгенда» («Fahnenlied der Hitleijugend»).

Заученное в Юнгфольке я пересказывал дома. В связи с этим припоминаю два случая. Однажды я распространялся дома о предательстве евреев в Первую мировую. Родители частенько иронизировали над моими речами, правда, я не всегда понимал их насмешки. В этот раз отец был серьезен: «Да, а я, вот, например, знаю нескольких евреев — кавалеров Pour le Merite (до конца Первой мировой войны — высшая военная награда; лица, награжденные орденом, имели право на особые воинские почести. — *В.К.)*. Так что думай, о чем говоришь». Отцовские слова огорошили: такое в голове не укладывалось. У меня нашлось достаточно благоразумия никому, даже близким друзьям, об этом разговоре не рассказывать. Другой раз, направляясь в школу, я проходил мимо магазина, где наша семья испокон веку приобретала обувь. За долгие годы хозяева стали добрыми друзьями. Витрина была разбита, все размалевано. Помню, я не на шутку расстроился: одно дело повторять общие фразы, совсем другое — когда это касается хорошо знакомых, даже близких людей. Сильно огорчилась и мать: где мы теперь будем покупать башмаки?

Наступил 1939 год. Уже осенью по соседству с нами, в поле, установили зенитную батарею. Тогда же я стал свидетелем первых бомбежек города. А еще в августе был призван из запаса мой отец. Как оказалось, адмирал Дениц настроил подводных лодок, забыв подумать об обучении экипажей. Поэтому начиная с апреля 1939 года в Кригсмарине скребли всех подводников —

ветеранов Первой мировой войны. Им предстояло освоить новую технику и обучить ей молодежь. Попутно они должны были нести активную службу на имевшихся к тому времени в наличии подводных лодках. Отец плавал в составе флотилии, патрулировавшей Балтийское море. Уже в 1940 году его списали на берег, он продолжил службу в береговой охране. Война для него завершилась в Сплите, Югославия. Освободившись из американского лагеря для военнопленных в итальянском Римини, он возвратился домой летом 1946 года. Его послужной список — бумага, привезенная из лагеря, — сильно выручил нас в 1976 году: от моего старшего сына-врача, защищавшего диссертацию в Институте Роберта Коха, потребовалось подтверждение немецкого происхождения. Все прочие свидетельства явились для чиновников недостаточными. Тогда и пригодился документ о службе отца в кайзеровском подводном флоте, куда, как известно, брали лишь немцев.

С уходом отца вся работа легла на плечи матери. Для нее наступило тяжелое время. Для меня с началом войны тоже кое-что изменилось: уроки в школе часто срывались, их уже не воспринимали так серьезно; зимние каникулы растянулись: возникли проблемы с отоплением классов; молодых учителей призвали в вермахт, их заменили старики-пенсионеры. Школы в то время разделялись для мальчиков и для девочек, совместного обучения, как теперь, не существовало. Для нас, мальчишек, любимым занятием стали поиски осколков фанат — побочный продукт бомбежек. В табачных или обувных магазинах мы выпрашивали коробки из-под сигар или обувные картонки, куда складывались найденные сокровища. Придя в школу, первым делом доставали не учебники, а наши коробки, и начинался оживленный обмен: за гнутый осколок давали пять простых и т. п.

Решительный перелом в моей жизни наступил в 1940 году: как особо одаренный ученик, я попал в кандидаты для продолжения учебы в педагогическом училище (Lehrerbildungsanstalt (LBA).

(Педучилища создавались по австрийскому образцу, согласно указу Гитлера от 1940 года. Они просуществовали до конца войны. Их создание обуславливалось острой нехваткой учителей, в том числе вследствие призыва в вермахт, потерь на фронте. В учащиеся набирались дети из малообеспеченных семей, показавшие хорошие успехи в спорте и в учебе. Новым, в сравнении с австрийским образцом, явился перевод учащихся на казарменное положение. Помимо любви к казарме, присущей тоталитарному режиму, такой перевод преследовал цель освободить малоимущих родителей от затрат: в интернатах все

расходы (форма, питание, проживание, карманные деньги, обучение) брало на себя государство. В одной из речей по поводу педучилищ, произнесенной в 1943 году, Гитлер заявил: «Мои мужчины не нужны мне в школе, для этого у меня есть мои женщины». Так что, вероятно, существовали и иные планы будущего использования выпускников. — *В.К.)*

Я в то время и не подозревал о наличии у меня каких-то способностей. Правда, я был прилежным учеником, учился легко и с охотой. Герр Нитцш, отбиравший кандидатов, относился ко мне с симпатией. Было ему где-то 72–75 лет. Успев пожить на пенсии, он теперь возвратился в школу, т. к. молодые учителя ушли на фронт.

Особо хочу подчеркнуть, что «карьера» в Юнгфольке не имела никакого отношения к делу. Педагогические училища не стоит путать со школами Адольфа Гитлера (Adolf-Hitler-Schulen (AHS) и Национально-политическими воспитательными учреждениями (National-politischen Erziehungsanstalten) — те готовили совсем другие кадры. Я с детства отличался в спорте, мои успехи — уже через год после приема в Юнгфольк я стал югендшафтсфюрером (= командир звена, обычно 10–15 человек. — *В.К.)* и, позднее, в13 лет, юнгцугфюрером (= командир отряда из трех звеньев. — *В.К.)* — объясняются этим обстоятельством. Сегодня о таких вещах как-то не принято говорить, существуют разные мнения по их поводу. В наше оправдание замечу, то время несопоставимо с теперешним в отношении информации. Что мы знали? — Кино. Каждый сеанс начинался с Вохеншау (Wochenschau — «Недельное обозрение», пропагандистский киножурнал. — *В.К.)*. Тогда в одном Шпандау насчитывалось не меньше полутора дюжин кинотеатров, теперь их всего два, да и в тех негусто зрителей. Телевидения, Интернета — ничего такого не было, а потому отсутствовала и возможность получить альтернативную информацию.

Для меня учеба в педучилище означала отъезд из дома, переселение в интернат, что мне совсем не улыбалось. Я посоветовался с матерью. Помню, мать копала картошку — дело было осенью 1940 года. «Подумай хорошенько, — сказала она, — мне в свое время было сделано аналогичное предложение, и я до сих пор раскаиваюсь в том, что отказалась. Конечно, теперь я Мастер птицеводства — на жизнь, однако, можно зарабатывать и другим способом». Поразмыслив, я решил не торопиться с отказом.

Так я попал на три недели в так называемой отборочный лагерь (Musterungslager) Церпеншлойзе (Zerpen-schleuse) к северу от Берлина, где, не особо на это рассчитывая — я все еще не

относился к делу всерьез, — оказался в числе успешно выдержавших испытания. Мне пришла повестка на Пасху 1941 года явиться в нижнесилезский Либенталь (Liebenthal, ныне Любомеж в Польше. — *В.К.)*.

Либенталь — городок в живописной местности у подножия Йизерских гор. Здесь я провел два года. Педучилище размещалось в массивных трехэтажных зданиях бывшего бенедиктинского монастыря. Кроме училища, в городке имелась классическая гимназия, с нами никак не связанная. Да и вообще, контакт с населением отсутствовал. Из местных нас интересовали лишь красивые девушки, их было немного. Чем мы были заняты? Учебой, работой, спортом. На иное не оставалось ни времени, ни сил. Подъем в шесть: обязательная пятикилометровая пробежка в любую погоду, 2,5 км в сторону гор, 2,5 — обратно; первый завтрак в семь утра; заправка постелей, уборка; затем, ежедневно, шесть-семь часов занятий по учебной программе с перерывами для второго завтрака и работ по училищу — домашние задания выполнялись во время уроков; обед и за ним от двух до четырех часов спортивных занятий; ужин; в десять часов вечера отбой. В свободные дни обычно играли в гандбол или фистбол (FaustbaU). Четыре года я занимался боксом, из-за проблем со зрением бокс пришлось оставить. В училище моим видом спорта стал гандбол.

Мы разделялись по группам-землячествам — отдельно саксонцы, силезцы, берлинцы, судетские немцы и т. д., общение замыкалось, как правило, рамками землячества. Со всеми преподавателями были на «ты». Тем не менее вольности не допускались. Дисциплина поддерживалась железная. Иногда своеобразными методами. Помню, мы как-то пробыли в воде полтора часа вместо положенных 45 минут. Физрук поймал нас: «Хоп, иди сюда! Ложись на мое колено!» — каждый нарушитель получил по два шлепка с оттяжкой по мягкому месту. Чего-чего, а силы у физрука хватало. Ладонь, как лопата.

Чему нас учили? Я знаю, что вы хотите узнать. Нет, никаких идеологических дисциплин нам не преподавали. Да и по линии Гитлерюгенда, куда мы автоматически переходили с четырнадцати лет, с нами в училище никакой работы не вели. Наверно, в Школах Адольфа Гитлера обучение выглядело иначе, но я там не был, а потому и сравнить не могу. Конечно, истории, начиная с 1848 года, и частично географии нас учили несколько по-другому, чем сейчас. Но это и все. А так — обычная школьная программа: кроме истории, географии у нас были немецкий, английский. Очень много времени отводилось на спорт, а также музыку. Это, во-первых, хор, затем, каждый из нас должен был научиться играть на музыкальном инструменте; на выбор

предлагались фортепиано, скрипка или флейта. Не чувствуя в себе музыкальных способностей, я выбрал флейту: казалось, будет полегче.

Раз в десять дней или в две недели училищный хор давал выездные концерты в лазаретах для раненых и медсестер. Мы пели, конечно, «Deutschlandlied», народные и патриотические песни. Но наибольший успех неизменно сопутствовал шуточному репертуару, песенкам вроде «Je hoeher der Affe steigt. Je mehr er den Hintern zeigt» («Чем выше взбирается обезьяна, тем лучше видна ее задница» — старая немецкая поговорка + начальные строфы шуточной песенки. — *В.К.)*. Зал взрывался от хохота, нас без конца вызывали на «бис».

Иных солдат доставляли в зал на носилках. Мы насмотрелись на тяжелейшие раны и увечья. Для впечатлительных подростков это нелегко. Настроение после концертов бывало порой подавленным. Перспектива самим когда-то попасть на фронт в такие минуты не вызывала большого воодушевления.

Вообще же о войне, шедшей где-то далеко, вспоминали нечасто. В Либентале продолжалась обычная мирная жизнь. Ни радиоприемника, ни газет в интернате не имелось. Наши представления о том, что происходило вовне, были довольно неопределенными. С войной мы встречались на каникулах, в Берлине, — город продолжали бомбить.

Два раза в год нас посылали на сельскохозяйственные работы. Летом — на три недели, после них полагались каникулы такой же продолжительности. Мне повезло: родители имели официально зарегистрированное сельскохозяйственное предприятие. Я мог жить дома целых полтора месяца. Однако осенью, на уборку картофеля, мне приходилось ехать со всеми. Нас направляли в крестьянские хозяйства в окрестностях Бреслау (ныне Вроцлав. — *В.К.)*. Здесь как-то раз произошло столкновение с поляками-цвангсарбайтерами (Zwangsarbeiter, т. е. принужденные рабочие; в России больше известен термин остарбайтер, обозначающий одну из категорий принужденных рабочих. — *В.К.)* или гастарбайтерами (Gastarbeiter), также участвовавшими в уборке урожая. Картофельный комбайн, когда движется медленно, укладывает растения с клубнями примерно на расстоянии 1,2 метра от борозды. Поляки, чтобы досадить нам, гнали машину на предельной скорости — картошка отлетала далеко — метра на три — в сторону. Пришлось с ними круто поговорить. Работа и без того была мучительной. Ее окончание воспринималось с большим облегчением. Почвы в тех местах глинистые.

Уже просто ходить по полю в сырую погоду трудно. Помню,

как надрывались под тяжестью корзин с картофелем — силой мы еще уступали взрослым.

В 1942 году Имперское министерство науки, воспитания и образования спохватилось, что столица не имеет собственного педагогического училища. В следующем году такое училище было создано, оно открылось в здании гимназии, неподалеку от нынешнего театра Фольксбюне (Volksbuehne — «Народная сцена». — *В.К.)*. В результате на Пасху 1943 года все наше землячество перевели из Либенталя в Берлин для продолжения обучения на родине.

С переездом в Берлин сразу же начались проблемы. В Либентале мы находились на полном довольствии. Здесь о нас никто не заботился. Мы оказались лишними едоками в семьях, и без того испытывавших трудности военного времени. Родители не преминули заявить протест училищному руководству.

Появились первые «нарушители», приходившие на занятия в гражданском. Последовали взыскания — для руководства это являлось серьезным проступком. Форма Гитлерюгенда не пользовалась популярностью у девушек — они охотней гуляли с гражданскими или с солдатами. Для нас в том возрасте вполне достаточно, чтобы невзлюбить ее, при любой возможности переодевались в гражданское. К тому же стояло лето. Жара, духота. Городской транспорт ходил постоянно переполненным до предела; пассажиров заталкивали внутрь, как в Китае. Обливаться потом в форменной коричневой рубашке не хотелось.

Летом 1943 года начались массированные бомбардировки Берлина, затмившие все прежде виденное, — сровнялись с землей целые кварталы. Нередко по причине завалов добраться из Шпандау до центра было невозможно, приходилось пропускать занятия. Настроение горожан было несколько подавленным. Общаясь в кругу родни, мы ощущали перемены. От эйфории, царившей в дни победы над Францией, не осталось и следа.

Тем же летом, в августе, я побывал в так называемом Лагере закалки для обороны (Wehrertuechtigungslager) в местечке Дреетц (Бранденбург). В училище большое внимание уделялось нашему физическому развитию, однако военного дела как такового нам не преподавали. Допризывная военная подготовка проходила целиком по линии Гитлерюгенда в лагерях, подобных Дреетцу. Обычно в них призывали на месячный срок. Было ли пребывание в Лагерях закалки обязательным для всех членов Гитлерюгенда? Полагаю, что нет, иначе мне не пришлось бы столкнуться в конце войны со сверстниками, не умевшими ходить строем. Состав в лагере был пестрым, наряду с нами было немало молодых людей, не имевших нашего интернатского опыта, и я должен сказать, что

мы смотрелись на их фоне очень и очень неплохо.

Чему нас обучали в лагере? Здесь также было достаточно спорта: бег на сто и тысячу метров, прыжки, толкание ядра. Наряду с этим мы занимались строевой подготовкой, нас учили ползти, окапываться, преодолевать препятствия, обращаться с противогазом, маскироваться. Много стреляли из пистолета и винтовки — автоматов, ручных пулеметов нам не давали, — метали учебную гранату на расстояние и в цель (это называлось Keulenwerfen — «бросать дубинки». *— В. К.)*.

Нас вновь обучали читать карту, ходить по азимуту, определять дистанцию и ориентироваться на местности. Мы учились правильно укладывать ранец. В программу входил марш на 10 километров с десятикилограммовой выкладкой. Особое внимание обращалось на отдачу рапортов, устную передачу донесений.

В лагере мне вручили серебряный значок Гитлерюгенда (HJ-Leistungsabzeichen in Silber). Чтобы его заслужить, необходимо было выполнить военно-спортивные нормативы, как, например, метнуть гранату дальше чем на тридцать метров и в цель, из пяти попыток не менее трех попаданий в круг диаметром 4 метра с 22-метровой дистанции; уложиться на стометровке в четырнадцать с половиной секунд; толкнуть пятикилограммовое ядро за отметку в семь метров; проплыть 300 метров за двенадцать минут; пройти 20 километров без выкладки, уложившись в четыре часа; правильно описать два хорошо видимых пункта на карте масштабом 1:100 000; отыскать две легкие цели и две цели средней сложности на расстоянии 300 метров; трижды определить расстояние (диапазон 50 — 500 метров, допустимая ошибка в пределах 30 %); передать устное донесение на триста метров с указанием времени, места и сил (противника); выйти на исходное положение в пункт, находящийся на удалении более двухсот метров, при условии что путь находится под наблюдением противника и т. д.

Этим дело не ограничивалось: необходимо было также правильно ответить на так называемые «мировоззренческие» вопросы. Вот некоторые из них.

— Назови какое-либо государственное расово-политическое мероприятие и объясни его значение.

— Что ты знаешь о значении и задачах немецкого крестьянства?

— На что ты должен в повседневной жизни обращать внимание, чтобы сохранить здоровье и работоспособность? — Сложный вопрос. Наверно, реже напиваться. *(Смеется.)*

— Изложи свое мнение по поводу крупных политических

событий последнего времени. — Здесь проверялось, читаем ли мы газеты; требовалось держать в памяти, по крайней мере, актуальные заголовки.

— Отечество может потребовать от нас готовности, если надо, пожертвовать жизнью в борьбе за наш народ. Почему?

— Во время войны, помимо воинской повинности, каждый немецкий мужчина и каждая немецкая женщина обязаны отдать все силы для отечества. Почему?

Эти «почему»-вопросы являлись вопросами-ловушками. На них резались. Но не мы, ребята из педучилища. У нас язык был хорошо подвешен.

Кроме серебряного значка, я сдал нормативы на пловца-спасателя и планериста. Удостоверения сохранились до сих пор благодаря матери. В конце войны она закопала все семейные документы в огороде, и так они пережили смутное время.

Из-за бомбежек эпизод с учебой в Берлине завершился уже осенью 1943 года. Нам объявили, что продолжение занятий в городе невозможно, нас опять переводят в интернат в сельской местности. Так я попал в Рогазен, округ Оборник, Вартеланд, Западная Польша (ныне Рогозьно. — *В.К.),* в старое, еще с прусского времени, учебное заведение в составе сильно поредевшей группы товарищей. Из 28 человек, прибывших в Берлин из Либенталя, едва ли не треть отсеялась, решив, невзирая на бомбы, остаться дома: кому нравится в семнадцать лет жить в интернате? После войны мне приходилось встречать некоторых из бывших соучеников, в основном они тогда устроились на работу в банках, сберегательных кассах.

Преподавателями на новом месте работали выходцы с Рейна — из Кельна, Дюссельдорфа, на их родине многие учебные заведения прекратили существование в результате бомбежек. Благодаря легкости и жизнерадостности рейнцев порядки в Рогазене отличались от прусского устава Либенталя большей человечностью, со строгостью здесь не перебарщивали. Оттого что кто-то в одиннадцать не лежал в постели, еще не наступало светопредставления, в то время как в Силезии отсутствовать в постели через полчаса после отбоя являлось едва ли не государственным преступлением. Со всеми преподавателями мы были на «ты», кроме нашего физрука: тот требовал, чтобы к нему обращались «камерад Кротки». Мне повезло встретиться с ним вновь много позже. В 90 лет «камерад Кротки» все еще работал учителем физкультуры в ГДР.

В Рогазене я завершил четырехлетнее обучение в педучилище. Дипломную работу я писал по теме: «Африка как (сырьевой) придаток Европы». Сегодня такая тема не пойдет, но,

положа руку на сердце, разве отношение европейцев к Африке не на словах, а на деле радикально изменилось? Училищный диплом давал мне право после войны — чем она закончится, в то время не знал никто — поступить в педагогический институт сроком на два семестра. Окончив их, я приобретал диплом учителя Народной школы, что и являлось конечной целью обучения.

Летом 1944 года я проработал три месяца (с июня по август) в учебном лагере Нордвальде в Бомблине, неподалеку от Оборника. В то время русских фольксдойче расселяли на территории Польши. Считалось, что им недостает многих культурных навыков уроженцев метрополии. Лагерь был создан со специальной целью ликвидации дефицитов, имевшихся у молодых фольксдойче. Он располагался в конфискованном поместье польских аристократов. Население постоянно менялось. На смену убывшим поступали новые партии. Моя задача состояла в обучении плаванию и навыкам спасения на воде. Параллельно я и сам обучался на инструктора, удостоверение мне, однако, могли выдать лишь по достижении совершеннолетия.

Из Нордвальде меня направили на работы по укреплению оборонительных сооружений Восточного вала. Отработав положенный срок, я заехал последний раз в училище, с тем чтобы забрать документы. Там на мое имя уже лежала повестка в Имперскую службу труда.

(Имперская служба труда (Reichsaibeitsdienst (RAD) — военизированная организация в Третьем рейхе, элемент национал-социалистической системы воспитания молодежи. Каждый юноша в возрасте 18–27 лет был обязан перед призывом в вермахт отработать шесть месяцев в рядах RAD. В 1939 году аналогичная организация была создана и для девушек. В ходе войны RAD первоначально выполняла задачи строительных войск вермахта. Постепенно эта деятельность сворачивалась, ее место занимала подготовка воинского пополнения. После покушения на Гитлера в июле 1944 года вся общевоинская подготовка молодого пополнения (Rekrutenausbildung) была окончательно передана в RAD, с тем чтобы высвободить солдат для фронта. Одновременно сокращался срок службы (до трех месяцев, в самом конце — даже до трех недель) и отменялись исключения и отсрочки, к примеру, для студентов. Призыв в RAD являлся, таким образом, не чем иным, как призывом на учебные сборы. Начиная с 1942 года отдельные подразделения RAD привлекались к участию в боевых действиях, в частности, к борьбе с партизанами на оккупированных территориях. Другие были задействованы в противовоздушной обороне. Три дивизии RAD участвовали в боях за Берлин. Хуже вооруженные и не имеющие боевого опыта, они

понесли большие потери, особо себя не проявив. Форма военного образца; на левом рукаве, под нашивкой с номером части — повязка со свастикой. Не путать с организацией Тодта, где работали заключенные, военнопленные, цвангсарбайтеры, и с фольксштурмом, куда набирали шестнадцатилетних школьников и стариков от шестидесяти лет. — *В.К.)*

Лагерь RAD, куда мне предстояло явиться, входил в состав так называемого Арбайтсгау 3, центральное управление которой находилось в Шванингине (ныне Сважендз. — *В.К.)* под Позеном (ныне Познань. — *В.К)*. Он располагался на берегу Варты, в том месте, где она делает изгиб, приблизительно в районе Конина, километрах в ста от Позена. Названия местечка по соседству я, кажется, и тогда не знал, поэтому определить местонахождение лагеря точнее мне сегодня затруднительно.

Это был большой огороженный и охраняемый лагерь барачного типа. Помимо отдельных бараков для начальства, столовой, охраны, хозслужб — ряды бараков для рядового состава. На каждые четыре барака приходился плац для построений. Кроме этого на территории лагеря находились большой учебный плац и стрельбище. Спортивного зала не было, спортом занимались на воздухе. Просторные бараки внешне напоминали типовые здания филиалов торговой сети «Лидл», лишь построены были примитивней. Зайдите в «Лидл» и попытайтесь вообразить, что полок с товарами нет, на их месте — ряды коек, и вы получите представление о том, как мы жили.

Когда я в первый раз появился там, оказалось, нас не ждали. Партия, которую мы должны были сменить, еще не ушла. Нам предложили на выбор присоединиться к другой части или отправиться еще на две недели домой. Как вы думаете, что мы выбрали? Разумеется. С превеликим удовольствием воспользовались неожиданным отпуском.

Во второй раз к нашему приезду все было готово. Нас распределили по баракам. Мы получили форму, повседневную и парадную. Самой примечательной частью парадной формы была высокая шапка, в просторечии называвшаяся «жопа с ручкой» (Arsch mit Griff): эмблема над козырьком, в самом деле, здорово смахивала на изображение ягодиц.

Эмблема RAD — лопата в обрамлении колосьев. Но вот как раз лопаты я там в руках не держал, не приходилось. Да и остальным лопат не выдавали, никаких работ не производили. В лагере занимались исключительно военной подготовкой. Она имела свои особенности в сравнении с Лагерем закалки для обороны. Карты, хождения по азимуту здесь не было вовсе. Занятия на местности сводились к навыкам маскировки,

передвижению ползком, бегу в противогазах, преодолению препятствий. Много стреляли. В основном же занимались строевой подготовкой. Спорта было мало.

Самое разительное отличие от Дреетца заключалось в почти полном отсутствии политико-воспитательной работы. Если там весь инструкторский персонал состоял из функционеров, занимавших не последнее место в иерархии Гитлерюгенда, убежденных национал-социалистов, то люди RAD, большинство в возрасте 40–60 лет, относились к господствовавшей идеологии в лучшем случае безразлично. Конечно, среди них были и члены партии, но не по убеждению, а по карьерным соображениям. Если в Лагере закалки так называемым «мировоззренческим» вопросам придавалось даже большее значение, чем сдаче военно-спортивных нормативов, то те немногие политико-воспитательные беседы, которые в лагере RAD проводились, выглядели отмазкой или даже пародией на идеологическую работу. Так, один из «воспитателей», по рангу унтерфельдмайстер (рядовой RAD назывался арбайтсман, далее по восходящей иерархия выглядела следующим образом: форман, оберформан, хауптформан, труппфюрер, обертруппфюрер, унтерфельдмайстер, фельдмайстер, оберфельдмайстер, арбайтсфюрер, оберарбайтсфюрер, оберстарбайтсфюрер, генераларбайтсфюрер, обергенераларбайтсфюрер, райхсарбайтсфюрер. — *В.К.),* беседовал с нами исключительно о венерических болезнях — это был его конек.

Благодаря хорошей общей подготовке я быстро выделился, был переведен в учебку (Ausbildungseinheit), откуда через месяц, 11 декабря 1944 года, вышел форманом и сверхштатным инструктором (Hilfsausbilder).

Последнее очень существенно, т. к. можно было закончить «просто» форманом. Пребывание в RAD завершалось вручением мобилизационного предписания (Gestellungsbefehl). Партия, с которой я призывался, получила повестки в середине января 1945 года — я в качестве инструктора был оставлен в лагере готовить следующую. Для меня все складывалось прекрасно.

Как и в Либентале, в лагере RAD не было ни приемников, ни газет. О положении на фронтах мы знали по слухам. В моем окружении — всерьез или нет — никто не сомневался в том, что Германия победит. Я верил в победу искренне. До последнего дня. Все же торопиться с отправкой на фронт как-то не хотелось. Похоже, не иначе думали и остальные. Во всяком случае, вербовщики из Ваффен СС уехали от нас практически ни с чем: присоединиться к ним согласились единицы. Хотя определенную роль здесь могло сыграть и то, что Ваффен СС у молодежи не

котировалась. Почти любой призывник, имей он такую возможность, выбрал бы Кригсмарине или Люфтваффе — эти рода войск были очень популярны. Я уже раньше, через дальнего родственника, работавшего счетоводом в управленческом аппарате RAD, был предупрежден о предстоящих визитах вербовщиков — тогда такая вербовка называлась в просторечии Heldenklau (буквально — «умыкание героев». — *В.К.)*. Родственник советовал держаться от них подальше.

25 января 1945 года запомнилось мне на всю жизнь. «Вы знаете, какой сегодня знаменательный день? — заявил наш «клоун»-весельчак, забавлявший товарищей. — Нет? Осталось ровно пять дней до очередной годовщины прихода фюрера к власти!.. И вот теперь мы здесь…» Среди ночи нас подняли по тревоге: русские объявились в паре километров от лагеря. Рассвело, и мы смогли отчетливо разглядеть в бинокль вражеских солдат, сидевших на броне танков. Очевидно, прорыв русских на этом участке явился полной неожиданностью: по дороге без всякого охранения шли два транспорта вермахта. Прямо на пушки. Водители явно не подозревали об опасности. Бах! Бах! — и машины вспыхнули факелами.

Ситуация создалась критическая. Нас могли взять голыми руками: в самом лагере, кроме инструкторов, обороняться было некому. Остальные еще учились ходить строем. Накануне нам раздали винтовки французского производства, как минимум в полтора раза длиннее немецких. Мы толком не успели с ними разобраться.

На наше счастье, русские танки, не развив наступления, остановились. Лишь изредка в нашу сторону постреливали. Один из выстрелов пришелся по церковной колокольне соседнего местечка — она была полностью разрушена. Рассказывают, так делалось всегда. При занятии населенных пунктов первым делом били по колокольне.

В спешном порядке нас вывели из лагеря. Наше место заняли солдаты Ваффен СС, готовившиеся к обороне. Мы получили приказ: по льду — стоял двадцатиградусный мороз — переправиться на другой берег и двигаться на Позен. Уже через несколько километров люди, непривычные к тяжелым маршам, начали отставать. Строй распался. Марш, поначалу организованный, обернулся беспорядочным бегством. Бежали мелкими группами. Когда я с несколькими товарищами, измученный, голодный и оборванный, наконец добрался до Позена, там уже знали, что мы понесли большие потери. Многие не смогли оторваться от русских. Люди попали в плен или погибли. Наша часть, как я тогда думал, больше не существовала.

В самом Позене удивительным образом не было видно ни одного солдата вермахта. В лагере, куда нас определили, находилась лишь необученная молодежь. Я пробыл в нем недолго, вскоре получив командировочное предписание в Регенсбург. Командировка была выписана без даты прибытия, и я воспользовался этим, чтобы побывать дома. На всякий случай у меня было готово оправдание: мол, опоздал на поезд или поезда не ходили, хотя они и ходили в то время еще совершенно нормально, по расписанию. В дороге меня, однако, никто не проверял, и по прибытии на новое место службы мне также никто не задавал вопросов. Так что врать не пришлось. В Регенсбурге меня повысили в звании, я стал оберформаном (21 февраля 1945 года). Здесь же я получил неожиданное задание — кому ни рассказываю, чем я занимался в конце войны, все только качают головой.

Мне выделили десять человек, с ними я отправился в селение под Регенсбургом. Нас устроили в местной школе. Спали на полу, укрывшись шинелями. Питание обеспечивал бургомистр. Наутро появился старший лесничий, мы поступали в его распоряжение. Тут-то и выяснилось, что нас прислали для заготовки крепежного леса. Лесничий показал нам, как будет помечать деревья, мы же должны были их валить, очищать от веток и сучьев, распиливать и аккуратно складывать штабелями. Не сдержав удивления, я спросил: «Кому это сейчас нужно?» Он ответил: «Сам не знаю. Но приказано — будем заготавливать». Так и получилось, что где-то шли смертельные бои, а я с десятью крепкими молодыми ребятами занимался заготовкой крепежного леса.

Все когда-то кончается, завершилась и эта командировка. Возвратившись в Регенсбург, я доложил о выполнении задания. Парней, бывших под моим началом, отправили по домам ждать призыва в вермахт, мне же было приказано направляться в мою старую часть. «Но ее уже нет!» — удивился я. Оказалось, ничего подобного, моя часть была жива и дислоцировалась в Эрерсбахе, Оберпфальц — название местечка я слышал впервые.

Сейчас его уже не найдешь на карте: при расширении рейнско-майнского канала в 1960-е годы оно было затоплено, жителей переселили. Тогда же это была беспросветная глушь. В стороне от дорог. Нравы патриархальные. Население — старики, женщины, дети — католическое, церковь пользовалась непререкаемым авторитетом. В сравнении с Берлином — другая планета.

В части я был встречен как родной. По случаю возвращения блудного сына 1 апреля 1945 года меня произвели в хауптформаны — выше по рангу были только постоянные

служащие RAD, получавшие зарплату. Впрочем, и того, что я получал как хауптформан — одну марку пятьдесят пфеннигов в день — в то время вполне хватало: булочка стоила пять пфеннигов, сдоба — десять пфеннигов. Мне отвели место для проживания в бараке начальства, чем я — мне только что исполнилось восемнадцать лет — невероятно гордился.

Неподалеку от нас располагалась эсэсовская часть. Никакой охоты за дезертирами, тем более ни одной казни лично я не наблюдал. И не слышал ни о чем подобном. Да и в тех католических местах подобные расправы были вряд ли возможны: они обязательно привели бы к возмущению населения.

Вскоре по прибытии мне пришлось стать свидетелем трагических событий — массированного налета авиации противника на соседний городок Ноймаркт, где находились какие-то оборонные предприятия. Это было, помнится, в конце марта, во второй половине дня. По инструкции, при воздушной тревоге нужно было запереть все двери бараков, очевидно, чтобы создать у летчиков впечатление, что лагерь покинут, и проследовать в убежище — крытые окопы за пределами лагеря. Вся армада, летевшая на Ноймаркт, прошла в низком полете над нашими головами — незабываемое зрелище. Я насчитал где-то 250 американских и канадских тяжелых бомбардировщиков, за точность, конечно, не ручаюсь. Несмотря на то что двери мы позапирали, они все же скинули на нас пару бомб, разорвавшихся в лесу неподалеку и не причинивших никакого вреда. Городу, до тех пор не тронутому войной и совершенно беззащитному — там не было ни одной зенитки, наши самолеты уже давно не показывались, — повезло меньше. Очевидцы рассказывали, он был превращен в пустыню.

Наслаждаться начальственным положением мне удалось недолго. Я заболел корью — детской болезнью, протекающей у взрослых очень тяжело. Температура зашкалила за сорок. Когда меня укладывали на крестьянскую подводу, чтобы отвезти в больницу, я был едва в сознании. Пришедший попрощаться командир части, оберстарбайтсфюрер, произнес в утешение: «Не бойся, сынок, монашки поставят тебя на ноги».

Он оказался прав, в местной лечебнице, принадлежавшей католическому ордену, меня действительно поставили на ноги. Пока я валялся на больничной койке, закончилась война. Ее завершение, как нарочно, в тот момент обошлось мне при начислении пенсии в полгода трудового стажа. У меня сохранились все документы RAD, отсутствовала лишь итоговая отметка о вручении мобилизационного предписания. На этом основании мне отказали. То, что война закончилась, чиновников

абсолютно не интересовало: нет положенной бумажки — нет стажа. Мы — в Германии, бюрократической стране чудес.

Наши места оказались под американцами. При выписке я неожиданно получил гражданскую одежду: опасаясь за меня, монахини сожгли форму. Не зная, куда податься, я в гражданском, но с документами RAD вернулся в часть. Лагерь был оставлен. Никто из местных не имел понятия, куда исчезли наши люди. В один прекрасный день они попросту испарились. Эсэсовцев также не было: за две недели до появления американцев они ушли в сторону Альпийской крепости («Альпийская крепость» оказалась впоследствии такой же фантазией национал-социалистической пропаганды последних дней войны, как и партизанское формирование «Вервольф». — *В.К.)*. Весь регион достался американцам без боя, лишь кое-где, по слухам, произошли мелкие стычки.

Я заночевал один в совершенно пустом лагере. На следующий день он был занят под лазарет для раненых немецких солдат. Главврач (Oberfeldarzt) сначала обрадовался моему появлению: помощников не хватало. Однако уже через несколько дней он, боясь американцев, поспешил от меня избавиться. «Верфольф» сильно занимал в то время воображение оккупационных властей, за каждым пнем в окрестных лесах им мерещились партизаны. Я выглядел слишком подозрительно. Никому не хотелось неприятностей.

Местный бургомистр определил меня работником в крестьянское хозяйство — так я временно превратился в пастуха. В стаде насчитывалось 78 коров — как хозяйских, так и от соседей. Первыми словами хозяйки при встрече были: «Надевай рубаху получше!» — «Зачем?» — удивился я. «Пойдешь в церковь!» Самым тяжелым в сельской жизни была для меня не работа. На всю округу я был единственным молодым парнем, а следовательно, и на прицеле у девиц на выданье и их мамаш. Другой, может, и позавидовал бы. Мне же совсем не улыбалась перспектива остаться навечно в глуши, связав себя, не дай бог, ребенком. Такая опасность представлялась вполне реальной. На каждом шагу я рисковал попасть в расставляемые силки и капканы. Наблюдая за тем, как я отбиваюсь от назойливых ухаживаний, местный священник составил обо мне ложное мнение. Я представлялся ему высоконравственным юношей. Так возникла еще одна проблема: он не давал мне проходу, убеждая поступать в семинарию.

На счастье, мне удалось установить контакт с родственниками в Хильдесхайме и с их помощью 28 ноября перебраться через «зеленую границу» в районе Тюрингского леса.

В самом конце ноября я возвратился домой, а 3 декабря уже работал сверхштатным учителем (Hilfslehrer) географии в женской школе.

Возвращение в Берлин обернулось шоком: города больше не было, кругом одни развалины.

С трудом верилось, что все это когда-то удастся вновь отстроить. Тогда же мне впервые пришлось столкнуться с питанием по карточкам. Везде, где я побывал до тех пор, кормили хорошо. У крестьян я вообще жил роскошно: парного молока, ветчины, домашних колбас вдоволь. В училище питание было четырехразовым. В нашем рационе присутствовали мясо, рыба, молоко, яйца, овощи и фрукты по сезону. Правда, по условиям военного времени, приходилось пить эрзац-кофе, масло часто заменялось маргарином, хлеб нам давали все время одного сорта. Однако всего было в достатке. Десерт полагался лишь раз в неделю, по воскресеньям. Здесь выручали родители, жившие по карточкам, но явно не голодавшие: они пересылали нам свои карточки на сладости (Kuchenkarten). Конечно, молодые люди, проводящие много времени на воздухе, в занятиях спортом, вечно хотят есть. Но это совсем другое дело.

В послевоенном Берлине я почувствовал на себе, что такое недоедать. Детей слегка подкармливали: на большой перемене я, в фартуке, с черпаком, разливал своим ученицам суп из бачка. Взрослым приходилось несладко. Меня спасало то, что я не курил, а то бы совсем загнулся. Полученные по карточкам английские сигареты обменивались на черном рынке на картошку, маргарин, хлеб. Впоследствии, во время блокады Западного Берлина, подобное пришлось пережить вновь. Я тогда как раз женился. Моей супруге приходилось вставать по ночам, чтобы погладить белье: свет в нашем районе давали лишь с часу до трех ночи.

8 мая 1945 года явилось освобождением для тех, кто сидел или, как знакомые моей матери, должен был годами скрывать свои убеждения. Для подавляющего большинства приход победителей означал оккупацию. Тем более что никаких «свобод» не ощущалось. Всем распоряжались оккупационные власти. В советской зоне — особые лагеря. Кое-кто из моих знакомых туда угодил; один, помнится, был каким-то «фюрером» в Гитлерюгенде. Да и позднее, при Аденауэре, Штраусе, режим был жестким, откровенно авторитарным. Что же это за «освобождение», если свободой и не пахнет?

Во всех секторах свирепствовала цензура: газеты выходили с многочисленными пробелами на месте запрещенных статей. Уже тогда проявились идеологические расхождения между

союзниками: то, что разрешалось и даже поощрялось в одном секторе, запрещалось в другом. В британском секторе, куда относился Шпандау, особенно терпела от цензуры газета «Нойес дойчланд», нередко номер состоял из пустых страниц. За это я ее полюбил. И вот почему. Бумаги не было. Я договорился с хозяйкой газетного киоска. Она вырезала для меня пустые страницы из «Нойес Дойчланд» — мои ученицы писали на этих листках контрольные работы. Карандаши для них я добывал на черном рынке.

В последние месяцы учебы в Рогазене царил хаос, ему я обязан тем, что позднее избежал крупых неприятностей. Как оказалось, в других училищах, нормально, как Либенталь, работавших до самого конца, документы на выпускников автоматически направлялись в региональные отделения НСДАП, где молодых людей скопом принимали в партию. Согласия никто не спрашивал: учителям полагалось быть партийными. С нами из-за царившей неразберихи такого проделать не успели. Во времена денацификации все бывшие члены НСДАП изгонялись из школ. Мой коллега, также внештатный учитель, закончил училище где-то под Кенигсбергом на год раньше меня. О своем национал-социалистическом прошлом он не подозревал до момента, когда его уволили. Все заверения — он не подписывал никаких бумаг, сроду не держал в руках партийного билета — ему нисколько не помогли, его вычистили вместе с остальными. Он нанял адвоката. Тот, ознакомившись с делом, отказался: ничего не поможет, у них все списки. Англичане были в этом отношении строги. А вот американцев совсем не интересовало, в какой ты там состоял партии, каким «фюрером». На это им было глубоко наплевать.

Как сложилась послевоенная жизнь? В 1949 году я отучился в пединституте, получил диплом; сдал затем экзамен на учителя реальной школы; работал учителем географии в реальной школе; позднее, с 1963 по 1974 год, директором одной, затем другой реальной школы, обе в Шпандау; в 1974 году перешел на работу в муниципалитет берлинского района Нойкельн в качестве старшего советника по школьному образованию (leitender Schulrat), здесь в моем подчинении находились 37 школ и 3300 учителей. С 1989 года на заслуженной пенсии.

Следуя семейной традиции, вступил в ряды социал-демократической партии; в ней состою до сих пор. В связи с пятидесятилетним юбилеем членства в СДПГ меня поздравил и вручил мне подарки лично Франц Мюнтеферинг, в то время занимавший пост Генерального секретаря партии. Фотография с ним висит у меня дома на почетном месте.

В 1954 году мы с друзьями основали добровольное общество

содействия краеведческому музею в Шпандау (Heimatkundliche Vereinigung Spandau 1954 e.V. — Foerderkreis Museum Spandau — Spandauer Geschichtsverein). Из отцов-основателей в живых остался я один. В лучшие годы общество насчитывало до 800 членов, сегодня примерно 350. Мы организуем экскурсии по крепости Шпандау, выпускаем краеведческую литературу. 25 лет подряд являлся председателем общества, пока возраст не вынудил уступить место более молодым. Однако я до сих пор раз в неделю хожу на заседания правления и по мере сил участвую в работе. Среди книг, выпущенных нами, был и сборник воспоминаний очевидцев о приходе русских в Шпандау. Книга разошлась мгновенно.

Ближайшие планы? Хочу съездить в Либенталь, посмотреть еще раз места, где прошли два в целом счастливых года моей юности.

notes

Примечания

1

Unterscharführer [младший унтер-офицер]. 13-я рота 1-го полка 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова».